

УЧРЕДИТЕЛИ:

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;
социологический факультет МГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

ОСИПОВА Надежда Геннадьевна — доктор социологических наук, профессор, декан социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, главный редактор, г. Москва, Россия, e-mail: ngo@socio.msu.ru, тел.: факс: 8 (495) 939-46-98

ЕЛИШЕВ Сергей Олегович — доктор социологических наук, профессор кафедры современной социологии, ученый секретарь социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, зам. главного редактора, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-59-61, e-mail: elishev@list.ru

НОВОСЁЛОВА Елена Николаевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, ответственный секретарь, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-24-05, e-mail: nauka@socio.msu.ru

ИЛЬИНЫХ Ольга Владимировна — сотрудник кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, редактор, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-08-54, +7 (903) 268-89-69, e-mail: ilinih@socio.msu.ru

БАРКОВ Сергей Александрович — доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической социологии и менеджмента социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, сотрудник редколлегии, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 932-88-71, e-mail: socorgmen@yandex.ru

ВЕРШИНИНА Инна Альфредовна — кандидат социологических наук, доцент кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, сотрудник редколлегии, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-21-37, e-mail: vershinina@socio.msu.ru

КАНЕВСКИЙ Павел Сергеевич — кандидат политических наук, доцент, заместитель декана по научной работе социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, сотрудник редколлегии, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-24-05, e-mail: kanevskiy@socio.msu.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Антонов Анатолий Иванович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-50-60, e-mail: antonov_ai@mail.ru

Бабосов Евгений Михайлович — доктор философских наук, профессор, академик НАН Белоруссии, главный научный сотрудник Института социологии НАН Белоруссии, г. Минск, Белоруссия, e-mail: soccomsys@mail.ru

Вельц Франк — доктор социологических наук, профессор департамента социологии Инсбрукского университета имени Леопольда и Франца, г. Инсбрук, Австрия, тел.: +43 512 507 73405, e-mail: frank.welz@uibk.ac.at

Водопьянов Павел Александрович — доктор философских наук, профессор, член-корреспондент НАН Белоруссии, профессор кафедры философии права УО “Белорусский государственный технологический университет”, e-mail: pva1940@bk.ru

Данилов Александр Николаевич — доктор социологических наук, профессор, член-корреспондент НАН Белоруссии, заведующий кафедрой социологии факультета философских и социальных наук Белорусского государственного университета, тел.: +375-17-259-70-41, e-mail: a.danilov@tut.by

Джаннотти Андреа — доктор политических наук, профессор, Департамент политических наук, Университет Пизы (Италия), e-mail: andrea.giannotti@sp.unipi.it

Ильхам Мамед-Заде — доктор философских наук, директор Института философии, социологии и права Национальной академии наук Азербайджана, г. Баку, Азербайджан, тел.: + 99412-439-34-61, e-mail: Ilham_mamedzade@mail.ru

Кеничи Охаша — профессор социологии и культурной антропологии департамента культуры и туризма Университета Риккью, г. Токио, Япония, тел.: +81-48-471-7447, e-mail: ohashik@rikkyo.ac.jp

Михайленок Олег Михайлович — доктор политических наук, профессор, руководитель отдела исследования социально-политических отношений Института социологии РАН, e-mail: trudsociol@isras.ru

Мчедлова Мария Мирановна — доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой сравнительной политологии факультета гуманитарных и социальных наук РУДН, e-mail: mchedlova_mm@rudn.university

Скворцов Николай Генрихович — доктор социологических наук, профессор, декан факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета, председатель Социологического общества им. М.М. Ковалевского, г. Санкт-Петербург, Россия, тел.: +7 (812) 710-00-29, e-mail: n.skvortsov@spbu.ru

Смирнов Владимир Алексеевич — доктор социологических наук, доцент кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия, e-mail: kano_igt@mail.ru

Тай-Лок Луи — доктор философии, профессор, вице-президент Университета образования Гонконга, директор Академии гонконгских исследований, Гонконг, тел.: +852 2948 7220, e-mail: tlolkui@eduhk.hk

Фарро Антимо Луиджи — доктор социологических наук, профессор Римского университета “Сапиенца”, г. Рим, Италия, e-mail: antimoluigi.farro@uniroma1.it

FOUNDER

**Lomonosov Moscow State University;
Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University)**

Editorial Board

Editor-in-chief: Nadezhda G. OSIPOVA, Doctor of Sociology, Professor, Dean of the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495) 939-46-98, e-mail: ngo@socio.msu.ru

Associated Editor-in-Chief: Sergey O. ELISHEV — Doctor of Sociology, Professor of the Department of Modern Sociology, Scientific Secretary at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7 (495) 939-59-61, e-mail: elishev@list.ru

Managing Editor: Elena N. NOVOSELOVA, Candidate of Sociology, Associate Professor of the Department of Sociology of Family and Demography at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495) 939-24-05, e-mail: nauka@socio.msu.ru

Editor: Olga V. ILINIY, phone: +7(495) 939-08-54, +7(903) 268-89-69, e-mail: iliniy@socio.msu.ru

Editorial board: Sergey A. BARKOV — Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Economic Sociology and Management at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7 (495) 932-88-71, e-mail: socorgmen@yandex.ru

Inna A. VERSHININA, Candidate of Sociology, Associate Professor at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495) 939-21-37, e-mail: vershinina@socio.msu.ru

Pavel S. KANEVSKIY, PhD, Associate Professor, Associate Dean for Science at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7 (495) 939-24-05, e-mail: kanevskiy@socio.msu.ru

Editorial council

Anatoliy I. Antonov, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Sociology of Family and Demography at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7 (495)939-50-60, e-mail: antonov_ai_@mail.ru

Evgeniy M. Babosov, Doctor of Philosophy, Professor, Academician of National Academy of Sciences of Belarus (NAS of Belarus), Chief researcher at the Institute of sociology of NAS of Belarus, Minsk, Republic of Belarus, e-mail: soccomsys@mail.ru

Alexander N. Danilov, Doctor of Sociology, Professor, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, Head of the Department of Sociology Faculty of Philosophy and Social Sciences (Belarus State University), Minsk, Republic of Belarus, phone: +375-17-259-70-41, e-mail: a.danilov@tut.by

Andrea Giannotti, PhD in Political Science, Professor, Department of Political Science, University of Pisa (Italy), e-mail: andrea.giannotti@sp.unipi.it

Antimo L. Farro, Doctor of Sociology, Professor at the Department of Social and Economical Sciences (Sapienza University), Rome, Italy, e-mail: antimoluigi.farro@uniroma1.it

Ilham Mamed-Zadeh, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Philosophy, Sociology and Law of Azerbaijan National Academy of Sciences, Baku, Azerbaijan, phone: + 99412-439-34-61, e-mail: Ilham_mamedzade@mail.ru

Maria M. Mchedlova, Doctor of Political Science, Professor, Head of the Department of Comparative Political Science, Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN, e-mail: mchedlova_mm@rudn.university

Oleg M. Mikhailenok, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of Department for the Study of Socio-Political Relations, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, e-mail: trudsociol@isras.ru

Kenichi Ohashi, Professor of Sociology and Cultural Anthropology at the Department of Culture and Tourism Studies (Rikkyo University), Tokyo, Japan, phone: +81-48-471-7447, e-mail: ohashik@rikkyo.ac.jp

Nikolai G. Skvortsov, Doctor of Sociology, Professor at the Department of Comparative Sociology (Saint Petersburg University), Saint Petersburg, Russian Federation, phone: +7 (812) 710-00-29, e-mail: n.skvortsov@spbu.ru

Vladimir A. Smirnov, Doctor of Sociology, Associate Professor of Department of Modern Sociology, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, e-mail: kano_igt@mail.ru

Lui Tai-Lok, Doctor of Philosophy, Professor, Vice President of the Education University of Hong Kong, Director of the Academy of Hong Kong Studies, phone: +852 2948 7220, e-mail: tlolkui@eduhk.hk

Pavel A. Vodop'yanov, Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, Professor at the Department of Philosophy and Methodology of Science (Belarusian State Technical University), Minsk, Republic of Belarus, e-mail: pva1940@bk.ru

Frank Welz, Doctor of Sociology, Professor at Innsbruck School of Social and Political Sciences, Department of Sociology (Innsbruck University), Innsbruck, Austria, phone: +43-512-507 -73405, -73420 (secretary), e-mail: frank.welz@uibk.ac.at

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 18

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Издательство Московского университета

№ 1 • Том 32 • 2026 •

ЯНВАРЬ — МАРТ

Выходит четыре раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

Теория и история социологии

Осипова Н.Г. Роль социальных стереотипов в управлении поведением личности (*Окончание*) 7

Попов А.В. Мечты Джорджа Фишера о свободе и самоуправлении 34

Экономическая социология и социология управления

Пугачев В.П. Интеграционная парадигма организационной мотивации: концептуальные основы и возможности практического использования 55

Маркеева А.В. Слухи в современных организациях: функции, последствия и отношение российских сотрудников 84

Сушко В.А. Национальные проекты как инструмент государственной политики в сфере снижения экологических рисков 109

Дорцев К.Д. Институциональные детерминанты развития фондового рынка в России 128

Социальная структура, социальные институты и процессы

Елишев С.О. Проблемы типологии субъектов войн и вооруженных конфликтов 151

Социология религии

Дмитриев В.Н. (Монах Каллиник). Библейская антропология как онтологический фундамент человеческой жизни и социального строительства в эпоху цивилизационного кризиса 170

Социология здоровья

Белов А.А. Отечественное здравоохранение в национальной проектах Российской Федерации: проблемы и перспективы 186

Musembi Y. African traditional approaches to child health among teenage mothers in Kenya..... 204

Социология в Китае

Ли Чжожу. Теоретико-методологические основы модернизационных процессов в современном Китае..... 215

Moscow State University Bulletin

SCIENTIFIC JOURNAL

Established in 1946

Series 18

SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE

Publishing house of Moscow State University

N 1 • VOLUME 32 • 2026 •

JANUARY — MARCH

Four Issues per Annum

CONTENTS

Theory and history of sociology

- Osipova N.G.** The role of social stereotypes in the management of personal behavior (*Ending*). 7
- Popov A.V.** George Fisher's dreams of freedom and self-government 34

Economic sociology and sociology of management

- Pugachev V.P.** Integration paradigm of organizational motivation: conceptual foundations and possibilities of practical use 55
- Markeeva A.V.** Rumors in modern organizations: functions, consequences and attitudes of Russian employees 84
- Sushko V.A.** National projects as an instrument of state policy in the sphere of reducing environmental risks 109
- Dortsev K.D.** Institutional determinants of stock market development in Russia 128

Social structure, social institutions and processes

- Elishev S.O.** Problem of typology of subjects of war and armed conflict 151

Sociology of religion

- Dmitriev V.N. (Kallinik, Monk).** Biblical anthropology as the ontological foundation of human life and social construction in an era of civilizational crisis. 170

Sociology of health

- Belov A.A.** Domestic healthcare in national projects of the Russian Federation: problems and prospects 186
- Musembi Y.** African traditional approaches to child health among teenage mothers in Kenya. 204

Sociology in China

- Li Zhuoru.** Theoretical and methodological foundations of modernization processes in modern China. 215

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

DOI: 10.24290/1029-3736-2026-32-1-7-33

РОЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ СТЕРЕОТИПОВ В УПРАВЛЕНИИ ПОВЕДЕНИЕМ ЛИЧНОСТИ (Окончание)*

Н.Г. Осипова, докт. социол. наук, проф., зав. кафедрой современной социологии, декан социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234**

Настоящая статья завершает цикл статей “Роль социальных стереотипов в управлении поведением личности” — в ней детально рассматриваются этнические стереотипы — коллективное, эмоционально окрашенное, обобщенное и упрощенное представление одной этнической группы о самой себе или о другой этнической группе, сложившееся главным образом на уровне обыденного сознания. В основе этнического стереотипа лежат предубеждения, сформированные на базе ограниченной информации об отдельных представителях какого-либо этноса, что обычно порождает соответствующие обобщения, заслоняющие их реальные индивидуальные качества. Автор выделяет общие черты, которые характерны не только для этнических стереотипов, но и для всех других разновидностей стереотипов: упорядоченность, простота и однозначность; консервативность и т.п. Однако этнические стереотипы, более чем их другие виды социальных стереотипов, отличает оценочность и предвзятость, а также устойчивость и относительная стабильность содержащейся в них информации. Существенным признаком этнических стереотипов является согласованность, схожесть представлений достаточно большого числа людей определенной социальной общности.

В статье описан механизм формирования и закрепления этнических стереотипов, их структура и функции. При этом подчеркивается, что главной функцией этнических стереотипов является функция защиты этнической идентичности, которая функция осуществляется посредством защиты этнических границ, предпочтения соплеменников пришельцам, базирующегося на усилении чувства солидарности со “своими” и чувства вражды по отношению к “иным”. На практике эта функция чаще всего имеет многовекторный характер.

Автор детально рассматривает два вида этнических стереотипов — автостереотипы и гетеростереотипы, а также выделяет факторы, обуслав-

* Начало в № 2 за 2025 г.

** **Осипова Надежда Геннадьевна**, e-mail: ngo@socio.msu.ru

ливающие их формирование и инвариантность, а также приходит к выводу о том, что этнические стереотипы оказывают как позитивное, так и негативное воздействие на межкультурную и межэтническую коммуникацию.

Однако в целом социум достаточно хорошо осведомлен о существовании этнических стереотипов, их порой изначально предвзятом характере и располагает апробированным набором средств по их преодолению. По мнению автора, это нельзя отнести к одному, относительно недавно вошедшему в научный оборот виду стереотипов, аккумулирующих заведомо ложные представления о действенности тех способов лечения или, что существенно чаще, — инструментов здоровьесбережения, которые активно внедряются в общественное сознание. Этот вид стереотипов, на базе конкретных примеров, также детально рассматривается в настоящей статье.

В заключении приводится алгоритм борьбы со стереотипами, которые на самом деле мало помогают в познании социальной реальности, а чаще — наносят ощутимый вред человеку и обществу, явно или скрыто участвуя в управлении поведением личности, подталкивают людей к принятию непродуманных решений или неадекватному, а порой — и социально опасному поведению.

Ключевые слова: этнические стереотипы, этническая идентичность, автостереотипы, гетеростереотипы, этнонационализм, стереотипы в медицине, стереотипы здоровьесбережения, способы преодоления стереотипов.

THE ROLE OF SOCIAL STEREOTYPES IN THE MANAGEMENT OF PERSONAL BEHAVIOR (Ending)

Osipova Nadezda G., Doctor of Sociological Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: ngo@socio.msu.ru

This article completes the series of articles “The role of social stereotypes in managing personality behavior”. It examines in detail ethnic stereotypes — a collective, emotionally colored, generalized and simplified view of one ethnic group about itself or another ethnic group, formed mainly at the level of everyday consciousness. The ethnic stereotype is based on biases formed on the basis of limited information about individual representatives of an ethnic group, which usually generates appropriate generalizations that obscure their real individual qualities. The author identifies common features that are characteristic not only of ethnic stereotypes, but also of all other types of stereotypes: orderliness, simplicity and unambiguity; conservatism, etc. However, ethnic stereotypes, more than their other types of social stereotypes, are distinguished by their evaluative nature and bias, as well as the stability and relative stability of the information contained in them. An essential feature of ethnic stereotypes is the consistency and similarity of ideas of a sufficiently large number of people in a certain social community.

The article describes the mechanism of formation and consolidation of ethnic stereotypes, their structure and functions. At the same time, it is emphasized that the main function of ethnic stereotypes is the function of protecting ethnic identity, which is car-

ried out by protecting ethnic borders, preferring fellow tribesmen to newcomers, based on strengthening a sense of solidarity with “their own” and feelings of hostility towards “others”. In practice, this function is most often multi-vector in nature. The author examines in detail two types of ethnic stereotypes — autostereotypes and heterostereotypes, and identifies the factors that determine their formation and invariance, and concludes that ethnic stereotypes have both positive and negative effects on intercultural and interethnic communication. However, in general, society is well aware of the existence of ethnic stereotypes, their sometimes initially biased nature, and has a proven set of tools to overcome them.

According to the author, this cannot be attributed to one type of stereotypes that has relatively recently entered scientific circulation, accumulating deliberately false ideas about the effectiveness of those methods of treatment or, more often, health-saving tools that are actively being introduced into the public consciousness. This type of stereotypes, based on specific examples, is also discussed in detail in this article. The conclusion provides an algorithm for combating stereotypes that actually do little to help in understanding social reality, but more often cause significant harm to a person and society, explicitly or covertly participating in managing personal behavior, pushing people to make ill-considered decisions or inappropriate, and sometimes socially dangerous behavior.

Key words: ethnic stereotypes, ethnic identity, autostereotypes, heterostereotypes, ethnonationalism, stereotypes in medicine, health-saving stereotypes, ways to overcome stereotypes.

Понятие “социальный стереотип” означает схематизированное, стандартизированное и, как правило, эмоционально окрашенное представление о социальном объекте, обладающее высокой устойчивостью. Существуют различные виды стереотипов, связанных с отдельными сферами социальной жизни. Самыми распространенными и наиболее обсуждаемыми из них являются гендерные стереотипы — устойчивые, эмоционально-оценочные представления об особенностях и поведении представителей разных полов, которым свойственна высокая степень единства и нормативность. Проводниками гендерных стереотипов являются такие социальные институты как религия, семья, образование, государство и т.п., а также СМИ. Во многом то же самое относится к еще одной разновидности социальных стереотипов, а именно — этническим стереотипам, которые имеют исторические корни, выполняют различные функции и широко распространены в современном мире.

Этнический стереотип — это коллективное, эмоционально окрашенное, обобщённое и упрощённое представление одной этнической группы о самой себе или о другой этнической группе, сложившееся главным образом на уровне обыденного сознания. В основе этнического стереотипа лежат предубеждения, сформированные на базе ограниченной информации об отдельных представи-

телях какого-либо этноса, что обычно порождает соответствующие обобщения, заслоняющие их реальные индивидуальные качества. Часто это опосредованные этнические представления, полученные из разнообразных вторичных источников, включая исторически накопленный опыт межэтнических контактов. Так, одной из причин появления этнических стереотипов ученые называют влияние рассказов первых путешественников, обращавших внимание на какие-либо странные черты облика или поведения встреченных ими “инородцев”, о которых изначально могло сложиться неполное или превратное представление.

Другой, более весомой причиной считаются отношения межэтнического взаимодействия, связанные с необходимостью более четко разграничивать “своих” и “чужих”.

Действительно, осознать специфику своей собственной этнической группы люди могли только через сопоставление ее с другими или же противопоставление им. Образ чужой этнической группы в сознании какого-либо этноса определялся, прежде всего, характером его собственных исторических взаимоотношений с этой группой. Там, где между двумя этническими группами складывались отношения сотрудничества и кооперации, вырабатывалась в основном положительная установка друг к другу, предполагающая терпимое отношение к существующим различиям. Там, где отношения между группами были далекими, не затрагивающими жизненных интересов, люди были склонны относиться друг к другу без враждебности, но и без особой симпатии с присутствием взаимного любопытства¹. В то же время, когда имели место столкновения с другими этническими группами, часто перерастающие в вооруженные баталии, начинали формироваться предубеждения, заранее клеймившие потенциальных врагов. Тем самым “является очевидным то, что появление этнических стереотипов носит исторический характер и основано на конкретных фактах”².

Как отмечают исследователи, этнические стереотипы являются важнейшим компонентом массового сознания, роль которого активизируется в условиях непосредственных или опосредованных межэтнических коммуникаций. Будучи, как правило, упрощенным образом или набором представлений о конкретной этнической группе,

¹ Золотарева Т.А. Влияние этнических стереотипов на становление личности и их функции // Международный научно-исследовательский журнал. 2020. № 12 (102). Ч. 4. С. 134–137.

² Корочкина П.С. Этнизация и способы формирования этнических стереотипов // Человек в мире культуры. 2017. № 2–3. С. 175–178.

они позволяют человеку с минимальным уровнем социальной рефлексии самопозиционироваться по отношению к своей и другим этническим группам в целом и к их отдельным представителям³. В этнических стереотипах, как правило, зафиксированы приоритетные оценочные суждения о психологических особенностях и поведении своей или другой этнической группы, ее моральных, умственных или физических качествах. Но в них также может присутствовать предписание к действию в отношении людей конкретной этнической принадлежности.

Для этнических стереотипов характерны общие черты, присущие любой разновидности социальных стереотипов.

Во-первых, упорядоченность, простота и однозначность: этнические стереотипы обобщают весь спектр информации о группе в единый образ, который дает односложную, однозначную оценку сообществу и его поведению, закрепляясь за представителями именно этой, а не иной группы.

Во-вторых, консервативность: этнические стереотипы усваиваются с раннего детства в процессе социализации личности, а многократное воспроизведение посредством различных источников (семья, система образования, СМИ) закрепляет их в сознании индивидов.

В-третьих, будучи идеальным конструктом социальности человека, этнические стереотипы являются элементами его сознания, но они вовсе не сводятся к “совокупности мифических представлений”, а имеют материальное выражение и всегда отражают некоторую объективную реальность, которую, пусть в искаженном и трансформированном виде, моделируют и организуют⁴.

Однако этнические стереотипы, более чем их другие виды социальных стереотипов, отличает оценочность и предвзятость: часто они проявляются не только в чувствах людей, что способно продуцировать различные аффективные реакции, но и в реальных действиях. Например, стереотип враждебности в отношении индивидов или групп определенной этнической принадлежности сопровождается соответствующая модель поведения — от оскорблений и физического насилия⁵ до межэтнического конфликта.

³ Реутов Е.В. Влияние украинского кризиса на этнические стереотипы россиян // Власть. 2015. № 6. С. 145–149.

⁴ Закирова А.Ж. Этнические стереотипы: к пониманию сущности // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 83. С. 39–48.

⁵ Суходольская Н.П. Социальный стереотип в жизнедеятельности людей // Философия и общество. 2007. № 3 (47). С. 156.

Исследователи выделяют ряд значимых свойств, которыми обладают этнические стереотипы. Неотъемлемым признаком этнических стереотипов считается устойчивость и относительная стабильность содержащейся в них информации. Но при поступлении новых данных или при трансформации отношений между этническими группами содержание стереотипов может меняться, так как стереотипы основываются на эмоционально оценочной базе и зависят от пристрастий и настроений людей. Существенным признаком этнических стереотипов является согласованность, схожесть представлений достаточно большого числа людей определенной социальной общности⁶.

Как правило, этнические стереотипы имеют гораздо более долгую жизнь, чем факторы их породившие. Даже если в действительности уже нет ни реального прообраза стереотипа, ни, например, дезинформации, подпитывающей ложные представления, он продолжает бытовать в обществе не одно десятилетие⁷.

Важным свойством этнических стереотипов является их обусловленность внешним обликом индивида, несущим в себе информацию о его этнической принадлежности. На уровне обыденного сознания этот внешний облик чаще всего связывается с определенными психическими и поведенческими характеристиками этноса, на базе которых формируются устоявшиеся модели межэтнического общения.

Механизм формирования и закрепления этнических стереотипов исследователи описывают следующим образом. “У каждой культуры, у каждого народа есть свой способ категоризации и концептуализации мира в общем, и у каждого, в частности. У любого народа, любой нации имеются свои собственные представления об окружающем мире, о представителях иных культур. Впоследствии, мы повсеместно сталкиваемся с заранее сформированными представлениями о других культурах и их представителях, хотя в большинстве своем, не осознаем этого. Субъективное отношение к их коллективным и индивидуальным особенностям приписывается целой социальной группе, определяя свойства характера или манеру поведения. Данные, заранее принятые представления, и становятся стереотипами”⁸. Кроме того, “в процессе толкования поведенческих

⁶ Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М., 1999. С. 236–244.

⁷ Золотарева Т.А. Влияние этнических стереотипов на становление личности и их функции // Международный научно-исследовательский журнал. 2020. № 12 (102). Ч. 4. С. 134–137.

⁸ Манцаева А.Н., Батаева Д.Н. Этнические стереотипы в межкультурной коммуникации // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8. № 2 (27). С. 218.

реакций представителя одной культуры представителями другой, содержание ассоциативных признаков в большинстве своем обусловливается стереотипными представлениями каждой из сторон о другой — это представления об образе жизни, обычаях, традициях, нравах, привычках, этнических и культурных признаках народа. Базой подобных взглядов становятся упрощенные информационные потоки, утрирующие сходство качеств между определенной группой людей, игнорирующие их различия”⁹.

Этнические стереотипы имеют структуру, а также выполняют целый ряд функций. В структуре этнических стереотипов выделяют ядро — относительно устойчивые представления о внешнем облике представителей этноса, его историческом прошлом, особенностях образа жизни, трудовых навыках, образующих в совокупности когнитивный компонент этнического стереотипа. В структуре этнического стереотипа также присутствует ряд изменчивых суждений относительно коммуникативных и моральных качеств данного этноса, т.е. его инвариантная часть, когда вместе с меняющейся ситуацией в отношениях между государствами или территориями, на которых проживает та или иная этническая общность, трансформируются и отдельные суждения о ней.

Кроме того, в структуре этнического стереотипа выделяют ценностный компонент, который обычно включает в себя эмоции, чувства симпатии или антипатии к реальному или символическому объекту, этносу, его представителям, культуре¹⁰. В совокупности эти компоненты подразумевают или определяют модель поведения, специфический характер действий, совершаемых или не совершаемых индивидом относительно представителей той этнической группы, в отношении которой и был сформирован стереотип. Определенная модель поведения может воплощаться в доброжелательном или враждебном отношении, ожидании тех или иных поступков, а также задает характер взаимодействия с представителями данного этноса¹¹.

Этнические стереотипы выполняют ряд функций — коммуникативную, социальной причинности, познавательную, информационную и ориентирующую.

⁹ Манцаева А.Н., Батаева Д.Н. Указ. соч. С. 219.

¹⁰ Шихирев П.Н. Современная социальная психология в Западной Европе. М., 1985. С. 170.

¹¹ Закирова А.Ж. Этнические стереотипы: к пониманию сущности // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 83. С. 39–48.

Посредством коммуникативной функции этнический стереотип задает характер коммуникативного процесса, складывающегося между представителями разных этносов. Коммуникативная функция этнических стереотипов служит для осуществления обмена информацией между резидентами “своего” сообщества (помогая распознать “своего” из числа “чужих” и “чужого” среди “своих”), а также прогноза поведения иноэтнического собеседника в межкультурном общении. Эта функция опирается на поведенческий компонент этнической идентичности, который представляет собой реальный механизм поведения в различных ситуациях внутригруппового и межгруппового взаимодействия. В основном он обнаруживается, когда отличия между своей и чужими этническими группами делаются зримыми и существенными для индивида и он начинает реагировать на других людей с позиций своего группового членства, а не с позиций своей личности.

За счет функции социальной причинности этнические стереотипы могут выступать оправданием действий, совершаемых или планируемых против определенных этнических групп. Особую остроту этнические стереотипы приобретают в контексте миграции, когда к культурным аспектам добавляются политические и экономические факторы¹².

Познавательная функция этнических стереотипов базируется на когнитивном компоненте этнической идентичности — это знание этнодифференцирующих признаков, позволяющих конструировать у индивида представление о каком-либо этносе и о своем отношении к нему. Точное понимание этнодифференцирующих свойств предоставляет вероятность наиболее непосредственно почувствовать взаимосвязь с собственным этносом. Объективными признаками, позволяющими ощутить принадлежность к этнической группе, являются антропологические (внешность), место рождения и проживания, язык и др. Не менее значимыми, а зачастую даже и более значимыми, выступают для индивида такие этнодифференцирующие признаки как культурные ценности (верования, обычаи, традиции, историческая память и многое другое)¹³.

Этнические стереотипы, выполняя информационную функцию, также представляют первичную, правдивую или ложную, ин-

¹² Дмитриев А.В. Стереотипизация мигрантов как социальная проблема // Власть. 2014. № 11. С. 27.

¹³ Золотарева Т.А. Влияние этнических стереотипов на становление личности и их функции // Международный научно-исследовательский журнал. 2020. № 12 (102). Ч. 4. 134–137.

формацию о каком-либо этносе. Данная функция может быть также названа адаптивной, поскольку, предлагая первичную информацию в короткие сроки, стереотипы ускоряют процессы адаптации к условиям окружающей среды. Стереотипы позволяют упрощать и интерпретировать информационные потоки, что особо актуально в современных условиях в контексте развития информационного общества, когда информации настолько много, что индивиду крайне сложно в ней ориентироваться. В данной ситуации стереотип выступает как упрощенный образ группы, позволяющий определить в кратчайшие сроки отношение к представителям народа, выбрать определенную модель поведения¹⁴. Эту функцию дополняет функция передачи относительно достоверной информации, основанная на процессе обобщения, возникающем в результате наблюдения за поведением и образом мыслей представителей другой этнокультурной группы.

Ориентирующая функция стереотипов позволяет с помощью стереотипизации строить упрощенную матрицу окружающего мира, благодаря которой формируется дифференциация людей по группам на основе стереотипных признаков, что позволяет ожидать от них определенного поведения и разделить социальное окружение на обозримые и понятные группы, упростив сложность незнакомо-го культурного окружения¹⁵.

Но, и это важно подчеркнуть, главной функцией этнических стереотипов является функция защиты этнической идентичности или идентифицирующая функция. Эта функция осуществляется посредством защиты этнических границ, предпочтения соотечественников (соплеменников) пришельцам (например, мигрантам), базирующегося на усилении чувства солидарности со “своими” и чувства вражды (подчас непримиримой) по отношению к “иным” (этническим группам)¹⁶. Другими словами, имеет место процесс создания и сохранения положительного образа “мы”, хотя часто его результатом является внутригрупповой фаворитизм, заключающийся в исключительно благоприятном, даже протекционистском отношении к собственной этнической группе и ее членам, что при-

¹⁴ Чеснокова Л.В. Стереотипы в межкультурной коммуникации // Концепт: науч.-метод. электрон. журн. 2015. № 4. С. 91–95. URL: <http://e-koncept.ru/2015/15107.htm> (Дата обращения: 07.08.2025).

¹⁵ Синицына Т.А. О роли стереотипов в межкультурной коммуникации // Актуальные вопросы современной лингвистики. Материалы научно-практической конференции, посвященной 85-летию МГОУ и 70-летию ИЛиМК. М., 2017.

¹⁶ Старченко В.В. Этнические стереотипы в межэтническом взаимодействии в поликультурном регионе // Наука и современность. 2016. № 49. С. 45.

водит к ущемлению интересов или даже прав представителей других этнических групп.

На практике эта функция чаще всего имеет многовекторный характер. Так, вектор является позитивным, если этнические стереотипы содействуют сохранению традиционной системы ценностей как по отношению к своему сообществу, так и по отношению к сообществам “других”. Конструктивная роль здесь отводится позитивной этнической идентичности, которая выражается в положительных чувствах и установках, удовлетворенности человека членством в своей этнической группе, гордостью за свой этнос¹⁷. Для этнической идентичности по типу “нормы” также характерна высокая толерантность и стремление к межэтническим контактам. Однако здесь важным обстоятельством является сохранение единства и неповторимости этнической общности в этнокультурном многообразии мира¹⁸.

Отклонения от “нормальной” этнической идентичности могут осуществляться в виде этнической индифферентности, или в виде гипoidентичности или этнонигилизма. Индивиды, у которых самосознание трансформировалось по типу гипoidентичности, характеризуются тем, что их этнонигилистические тенденции отражают неготовность сохранять и поддерживать собственные этнокультурные ценности, выражаются в ощущении этнической неполноценности, ущемленности, стыда за представителей своего этноса, в некоторых случаях негативизма по отношению к ним, а также сложностях в общении¹⁹.

Исследователи выделяют два вида этнических стереотипов — автостереотипы (в некоторых источниках — аутостереотипы) и гетеростереотипы. К автостереотипам относят совокупность суждений, оценок о собственной этнической общности, которые в основном имеют положительную эмоциональную окраску. Комплекс суждений о других народах, которые в зависимости от опыта взаимодействия могут быть и позитивными, и негативными, называются гетеростереотипами.

Особенностью этнических автостереотипов является стремление этнической общности внести в их содержание нечто от идеала,

¹⁷ Золотарева Т.А. Влияние этнических стереотипов на становление личности и их функции // Международный научно-исследовательский журнал. 2020. № 12 (102). Ч. 4. 134–137.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Муха В.Н., Литовка В.А. Теоретические аспекты практик поддержания этнической идентичности // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 12–4 (54). С. 151–153.

подчеркнуть наиболее самобытные черты национального характера. Поэтому, автостереотипы могут привести к этноцентризму — сознательному и бессознательному предпочтению своего народа и своей культуры перед чужими. Иногда среди этнических автостереотипов встречаются и отрицательные оценки, но в целом они имеют сбалансированность положительных и отрицательных элементов. При формировании автостереотипа большую роль играет история этноса, включающая информацию об исторических событиях и национальных героях. Кроме того, на формирование автостереотипов влияют фольклор, мифы, легенды, а также особенности культуры народа: искусство, народное творчество, традиции, обычаи, религия²⁰.

Как утверждают исследователи, исторически первым вербальным выражением автостереотипа англичан является Джон Буль, ироничный образ-персонификация которого существует с начала XVIII в. В течение веков этот образ эволюционировал, пройдя несколько этапов в своем развитии, превратившись из простоватого фермера в темно-желтом жилете и синем сюртуке в мелкопоместного дворянина — сквайра. На передней части его жилета, подчеркивающего выпирающее брюшко, изображен британский флаг. Психологический портрет Джона Буля был дан американцем — романистом В. Ирвингом — это простой, открытый, честный, лишенный фантазии, скорее прозаически, нежели романтически настроенный человек. Ему свойствен юмор, а не остроумие. Его нельзя назвать веселым, но он всегда находится в хорошем расположении духа. Для него не характерна замкнутость, мрачность, угрюмость, правда, иногда он бывает раздражительным. Его легко можно расстрогать до слез и довести до смеха. Ему не присущи сентиментальность и галантность. Он может быть прекрасным собутыльником в том случае, если ему позволяли шутить и говорить только о себе. Он всегда заступится за друга в ссоре и выручит его деньгами, несмотря ни на какие угрозы. Джон Буль всегда пользовался популярностью у своих соотечественников, но поистине он прославился благодаря комедийной пьесе Бернарда Шоу “Другой остров Джона Буля”, созданной в 1912 г. И вскоре это имя стало олицетворением Великобритании вообще и Англии в частности²¹.

²⁰ Закирова А.Ж. Этнические стереотипы: к пониманию сущности // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 83. С. 39–48.

²¹ Смотри подробнее: Миньяр-Белоручева А.П., Покровская М.Е. Этнические стереотипы в англоязычном пространстве: визуальные образы персонификации

Первым автостереотипом американцев был брат Джонатан — вымышленный персонаж, ставший воплощением Соединенных Штатов Америки после окончания Войны за независимость. Несмотря на то, что на политических карикатурах и патриотических плакатах его изображали как типичного американского революционера в треуголке и длинной военной форме, имя Джонатан ассоциировалось с жителями глубинки, занимавшимися сельским хозяйством.

В период наполеоновских войн 1812–1815 гг. в США было создано словосочетание “дядя Сэм”, имеющее, согласно традиции, непосредственное отношение к мяснику Сэмюэлю Уилкинсу, который поставлял провиант на нью-йоркскую военную базу, маркируя бочки с мясом буквами U.S., имея в виду Соединенные Штаты. Затем именем “дядя Сэм” все чаще стали называть образ, известный как “брат Джонатан”. Гражданам СССР был широко знаком по карикатурам визуальный образ “дяди Сэма”, созданный художником Т. Настом, — немолодой человек с тонкими чертами лица, с тонкой бородкой, в цилиндре, раскрашенном в цвета американского флага, в синем фраке и полосатых панталонах²².

Содержание этнических гетеростереотипов определяется тремя группами факторов:

- 1) спецификой стереотипизируемой группы, т.е. особенностями этнической группы, закрепленными в культуре и обыденном сознании ценностями, выработанными в ходе общественно-исторического развития;
- 2) социально-политическими и экономическими условиями развития этнических групп и особенностями взаимоотношений между ними, сложившимися на данный момент;
- 3) длительностью и глубиной исторических контактов с другими этносами.

Гетеростереотипы как типичное, устоявшееся описание чужого этноса хорошо отражаются в таких суждениях как, например, “галантность французов”, “чопорность англичан”, “пунктуальность немцев”. Подобные суждения настолько укоренились в общественном сознании, что можно говорить об этнической типичности, выраженной через определенный набор характеристик, которые далеко не всегда соответствует истине.

Этнические гетеростереотипы могут формироваться также на основе ассоциации народа с конкретным животным, например,

и вербальные образы-антропонимы // Вестник московского университета. Серия 14. Психология. 2013. № 1 С. 52–65.

²² Смотри подробнее: Миньяр-Белоручева А.П., Покровская М.Е. Указ. соч.

русских с медведем, испанцев с быком, американцев с орлом, индийцев — со слоном. Подобные устойчивые стереотипы связаны с длительным процессом межкультурного взаимодействия народов друг с другом, они наследуются, передаются из поколения в поколение и отличаются особой живучестью²³.

Однако устойчивость этнических стереотипов не является абсолютной. Они способны с течением времени постепенно трансформироваться, преломляя в своем содержании существенные перемены в облике объекта стереотипизации. Этнические стереотипы также могут меняться в зависимости от изменения характера межэтнических отношений, с сокращением или учащением межэтнических контактов. Социально-культурный, политический, экономический контекст, текущие условия и обстановка, новые события и явления непосредственно влияют на процессы этнической стереотипизации.

Кроме того, динамика изменения этнокультурных стереотипов в основном определяется двумя факторами. Во-первых, тем, что скорость обновления информации становится более быстрой, особенно в электронно-цифровую эпоху: каждый день человек получает поток информации посредством интернета, книг, журналов и рекламы и т.д. Во-вторых, на отношение между странами влияет политика: так, восприятие китайцев русскими сильно изменилось в связи с развитием социально-политических процессов.

Например, сравнение результатов исследований “Китайцы глазами русских”, проведенного ФОМ в 2007 г., и данных, полученных другим исследователем в 2017 г., показало следующее.

Этнокультурные стереотипы включают положительную и отрицательную оценку китайского народа, однако положительные качества упоминаются примерно в 80% случаев (%): трудолюбивые (26/50)²⁴, мудрые (5/10), целеустремленные (4/16), сдержанные (3/16), дисциплинированные (2/20), ответственные (2/6). В числе отрицательных качеств: хитрые (4/6), нечистоплотные (1/4). Данная группа составляет ядро содержания стереотипа о китайцах.

Многочисленность (%) (5/6) представляет собой постоянный признак, входящий в содержание стереотипа о китайцах. Таким же постоянным признаком является и маленький рост. Периферия содержания стереотипа представлена характеристиками китайцы лю-

²³ См.: Шишова Н.В., Волкова Д.В., Новиков А.Ю., Тончий И.В. Культурология. Словарь-справочник. Ростов н/Д., 2009.

²⁴ Первая цифра означает процент всех ответов в 2007 г., вторая — процент ответов в 2017 г.

бят здоровый образ жизни, китайцы не бросают родину, китайцы чтут традиции и т.д.

Интересным моментом является то, что в 2017 г. испытуемые упомянули такое качество китайцев, как шумные (18%). Безусловно, это связано с тем, что межкультурная коммуникация становится более интенсивной и русские все ближе знакомятся с особенностями обыденного поведения китайского народа²⁵.

На стереотипы могут влиять и возрастные параметры, а также аккумуляция социального опыта. В данной связи интерес представляют исследования, касающиеся восприятия “типичного американца” россиянами разных поколений. Так, для американцев, по мнению более молодых россиян, типичными являются следующие черты: стремится к успеху; обладает чувством собственного достоинства; деловитый; прогрессивный; эмоциональный; предприимчивый; энергичный, конкурирующий; адаптирующийся, гордый; независимый; трудолюбивый. В группе двадцатилетних посчитали, что меньше всего, из предложенного списка качеств, американцам свойственна подавленность²⁶.

По мнению более взрослых россиян, типичный американец обладает чувством собственного достоинства, стремится к успеху, прогрессивный, конкурирующий, оптимистичный, деловитый, гордый, независимый. Респонденты старше сорока лет считают, что американцам не хватает терпения. Таким образом, стереотипные представления о национальном характере американцев у двух разных поколений россиян очень похожи. Различий в том, как представляют себе личность и характер типичного американца и типичного русского респонденты разного возраста не много. Эти представления скорее согласуются, чем противоречат друг другу. Хотя, важно отметить, что эти тенденции статистически нельзя назвать достоверными, они требуют дальнейшего исследования²⁷.

Следует отметить, что этнические стереотипы оказывают как позитивное, так и негативное воздействие на межкультурную и межетническую коммуникацию.

²⁵ См. подробнее: Чжан Ж. Устойчивость и вариативность содержания этнокультурных стереотипов (на материале ассоциативного эксперимента “китайцы глазами русских”) // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования. Языки и специальность. 2018. Т. 15. № 1. С. 59–66.

²⁶ Углова Т.В., Алеева Ю.А., Беляева Т.Б. Стереотипные представления о типичном русском и типичном американце у россиян разных поколений // Вестник Новгородского государственного университета. 2017. № 4 (102). С. 109.

²⁷ Углова Т.В., Алеева Ю.А., Беляева Т.Б. Указ. соч. С. 112.

С одной стороны, этнические стереотипы способствуют закреплению традиций и привычек, выступают как средство защиты психического мира личности или как средство ее самоутверждения. При соответствующих социально-политических условиях активизируется эффективное влияние этнических стереотипов на консолидацию этнической группы, психологическое единение ее членов. Будучи одним из эффективных психологических регуляторов межэтнических отношений, этнические стереотипы отражают содержание и динамику этих отношений, выступают чутким индикатором их состояния, диагностируют возникновение напряженности во взаимоотношениях, либо указывают на их стабильность и благополучность.

В частности, исследователями было установлено, что стереотипное представление субъекта об особенностях различных народов влияет на характер суждений о человеке и поведении в отношении него. Однако, чем больше он взаимодействует с этническими группами, к которым принадлежат оцениваемые им люди, тем реже выносит стереотипные суждения и тем адекватнее, осознаннее дает им характеристики. Под влиянием различных форм совместной деятельности и эмоционально насыщенного общения на равных началах изменяется характер взаимоотношений, что, в свою очередь, приводит к ослаблению или изменению социальных стереотипов и влияет на вектор оценочных суждений²⁸.

С другой стороны, исследования показывают, что большую часть — 60% составляют отрицательные стереотипы, не всегда соответствующие действительности, а положительные и нейтральные (30% и 10% соответственно)²⁹. Основная опасность этнических стереотипов состоит в том, что они способствуют появлению национальных предрассудков — неоправданно негативного мнения и отношения к чужому этносу или отдельным его членам, склонность негативно действовать по отношению к его представителям. Предрассудки в свою очередь провоцируют дискриминацию, которая предполагает осуждение и предубеждение против человека исключительно на основе его идентификации с определенной этнической группой. Предубеждение — это негативная, неблагоприятная установка к группе или ее индивидуальным членам, которая

²⁸ Закирова А.Ж. Этнические стереотипы: к пониманию сущности // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 83. С. 39–48.

²⁹ Манцаева А.Н., Батаева Д.Н. Этнические стереотипы в межкультурной коммуникации // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8. № 2 (27). С. 221.

вытекает больше из внутренних процессов своего носителя, чем из фактической проверки свойств группы, о которой идет речь. Отсюда следует, что речь идет об обобщенной установке, ориентирующей на враждебное отношение ко всем членам определенной этнической группы, независимо от их индивидуальных качеств. Иррациональность предубеждения состоит не только в том, что оно может существовать независимо от личного опыта, оно даже противоречит ему. Когда люди объясняют свое враждебное отношение к какой-либо этнической группе, они обыкновенно называют какие-то конкретные отрицательные черты, свойственные, по их мнению, данной группе. Однако те же самые черты, взятые безотносительно к данной группе, вовсе не вызывают отрицательной оценки или оцениваются гораздо мягче.

Этнические предубеждения существенно ограничивают сферу общения между представителями разных этнических групп, вызывают настороженность с обеих сторон или же отчужденность, что, в свою очередь, затрудняет контакты и порождает новые недоразумения³⁰, которые приводят к явному ущемлению интересов определенных этнических групп или же к откровенной их дискриминации, особенно, если последние находятся в меньшинстве.

Ученые доказали, что важную роль в процессе этнической стереотипизации играют средства массовой информации. И хотя воздействие СМИ оценивается преимущественно как “потенциальное”, при определенных обстоятельствах оно может усилить ложные этнические установки.

Так, исследования С.Л. Макаровой показали, что в прессе утверждение негативных этнических стереотипов происходит с помощью сообщений специально отобранных фактов о жизни этносов; распространения этнических образов; конструирования негативных этнических идей; создания конфликтной мифологии о прошлом, настоящем и будущем этноса; использования конфликтной лексики и провоцирующих изображений³¹. Другие, хотя и более ранние исследования показали, что этнические меньшинства в СМИ всегда “представлены как проблема”. В частности, такие авторы как П. Хартман и С. Хазбенд предположили, что “если у человека по каким-либо причинам уже сформировалось негативное восприятие

³⁰ См. об этом: Кон И.С. Психология предрассудка (О социально-психологических корнях этнических предубеждений // Новый мир. 1966. № 9.

³¹ Макарова С.Л. Язык вражды и конструирование “образа врага” в центральных и нижегородских СМИ // Язык современных СМИ: проблемы языковой культуры: материалы круглого стола “Язык СМИ”. Н. Новгород, 2004. С. 54.

какой-либо этнической группы, то он найдет в СМИ массу материала, подтверждающего или усиливающего данное представление”³².

В целом ученые выявили, что проблема этнических меньшинств, так, как ее трактуют СМИ, основана на узких и часто необоснованных стереотипах. Не обязательно следует то, что этот факт обязательно усиливает “расистские” установки, но, в то же время, абсолютно ничего не делается для того, чтобы их изменить”³³. Таким образом, введение этнических стереотипов в публичный дискурс может привести к спонтанным или управляемым коллективным действиям в широком диапазоне конвенциональности — от отстаивания прав или усиления влияния отдельных этносов до этнических чисток.

Как правило, этнические стереотипы редко проявляются на поведенческом уровне при отсутствии явной враждебности в отношениях между группами, но в условиях напряженности или конфликта эти же стереотипы становятся определяющими детерминантами, которые слабо поддаются модификации и управлению. Они ужесточаются, заостряются и начинают играть доминирующую роль в реальном поведении индивидов, вплоть до откровенной враждебности. Тогда и активизируется еще одна, а именно — мобилизационная функция этнических стереотипов, а сами они начинают играть более существенную роль в нарастании межэтнической и даже просто социальной напряженности.

Стереотипизированное мышление подвергает объективную действительность произвольной селекции, “сложные причинно-следственные связи заменяются простым, примитивным и инфантильным объяснением, апеллирующим к эмоциональной сфере”³⁴. Они в значительной степени способствует усилению архаичных элементов массового сознания, дихотомического деления мира на “своих” и “чужих”, что, в свою очередь ведет к политизации этничности и усилению этнонационалистических настроений.

Этнический национализм (этнонационализм) основан на убеждении в том, что нация является высшей формой этнической общности, имеющей исключительное право на государственность, включая институты, ресурсы и культурную систему”³⁵. В свою

³² Hartmann P., Husband C. *Racism and the Mass Media*. L., 1974.

³³ Осипова Н.Г. *Социология массовой коммуникации: учебник*. М., 2025. С. 158–191.

³⁴ Садохин А.И. *Этносоциология*. М., 2001. С. 251.

³⁵ Тишков А.А. *Национализм* // Новая философская энциклопедия: В 4 т. М., 2001. Т. 3. С. 39.

очередь, этнический национализм может носить культурный характер, если нацелен на сохранение целостности и самобытности определенной этнической общности, пропаганду ее исторического наследия, и не содержит негативной направленности против представителей других этносов или призывов к культурной изоляции. Если же имеет место так называемая “политизация этничности” или “этнизация политики”, т.е. процесс существенного повышения значимости в политике или политическом управлении этнического фактора³⁶, то этнонационализм получает выраженный политический характер. Как свидетельствует историческая практика, обычно этнические группы борются за ценности, которые формируют материальные и статусные позиции политических субъектов. Это контроль над территорией, доступ к участию в процессе принятия решений в рамках государственной системы или, напротив, за политическую автономию³⁷.

Очень часто политически ориентированный этнонационализм направлен не только на экспансию представителей одной этнической группы в сферу государственной власти и управления³⁸, но и на укрепление шовинистских и расистских идеологем, создание неонацистских конструкторов. Ярким примером тому служит украинский национализм праворадикального толка, характерными чертами которого “всегда были приоритет интересов украинской нации, русофобия, антикоммунизм, антилиберализм, культ силы. При этом для всех украинских радикал-националистов характерны этническая трактовка нации, стремление к созданию моноэтничного Украинского государства, негативное отношение к России и русским”³⁹.

На наш взгляд, не нуждается в доказательстве факт, что с этническими стереотипами необходимо целенаправленно и систематически бороться. Активное межэтническое общение, совместная деятельность помогают разрушать этнические стереотипы, хотя и не всегда. Лучшее средство — создание благоприятной информационной среды — людям важно понимать, в чем особенности каждой культуры, откуда берут истоки народные традиции и нра-

³⁶ *Баршитолец К.П.* Этничность и политика (некоторые тенденции и результаты развития современных прикладных исследований) // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 1999. № 4. С. 4.

³⁷ *Essman M.J.* Ethnic Politics. L., 1994; *Horowitz D.L.* Ethnic Groups in Conflict. Berkeley, 1985; *Gurr T., Harff B.* Ethnic Conflict in World Politics. N.Y., 1994.

³⁸ *Тишков А.А.* Национализм // Новая философская энциклопедия: В 4 т. М., 2001. Т. 3. С. 40.

³⁹ *Работяжев Н.В.* Правый радикализм на Украине: история и современность // Проблемы постсоветского пространства. 2020. Т. 7. № 4. С. 516.

вы, а также то, что “у каждого народа есть достойные и даже выдающиеся представители”⁴⁰. В то же время следует отметить, что активная деятельность со стороны государства и его институтов по нивелированию этнических стереотипов имеет достаточно положительные результаты — далеко не каждый человек в своем поведении руководствуется стереотипными этническими представлениями, большинство предпочитает опираться на опыт личных контактов с представителями тех или иных этносов. В целом социум достаточно хорошо осведомлен о существовании этнических стереотипов, их порой изначально предвзятом характере и располагает апробированным набором средств по их преодолению.

К сожалению это нельзя отнести к одному, относительно недавно вошедшему в научный оборот виду стереотипов, — медицинских стереотипов, — ложных представлений о действенности тех способов лечения или, что существенно чаще — инструментов здоровьесбережения, которые активно внедряются в общественное сознание представителями как медицинского сообщества, так и другими заинтересованными организациями псевдомедицинского или иного профиля.

Причина в том, что многих врачей не интересует глубокое изучение медицины, им просто хочется заниматься медициной, прилагая к этому минимум усилий. Поэтому они с готовностью принимают любые новые рекомендации, публикуемые медицинскими сообществами или официальными организациями здравоохранения, которые выработаны на “базе научных исследований”. Но проблема заключается в том, что ученые часто подгоняют выводы исследований под собственные мысли о том, что должна (или не должна) показать их работа. Или, что еще хуже, выводы искажаются из-за требований крупных фармацевтических или пищевых корпораций, финансировавших исследование⁴¹. Более того, достаточно широко распространена практика проведения псевдонаучных исследований, выводы которых по определению не могут быть достоверными⁴². Так о том, что результаты и выводы какого-либо исследования, выдаваемого за научное, являются сомнительными, свидетельствует наличие следующих признаков:

⁴⁰ Золотарева Т.А. Влияние этнических стереотипов на становление личности и их функции // Международный научно-исследовательский журнал. 2020. № 12 (102). Ч. 4.

⁴¹ См. подробнее: *Berry K. Lies my doctor told me. Medical myths that can harm your health.* N.Y., 2019.

⁴² Осипова Н.Г. Социология. М., 2024. С. 178.

1) объявление какой-либо факта истиной, без учета тех данных, которые свидетельствуют против него;

2) наличие слишком общих и крайне неопределенных утверждений, содержание которых, в силу этого, не может быть ни подтверждено, ни опровергнуто;

3) постоянное обращение к “недавним исследованиям” или использование словосочетания “ученые говорят...”, без указания на конкретное исследование или на фамилии тех ученых, высказывания которых используются⁴³.

Более того, пациент получает помощь только от тех инструментов, которые известны врачу и которые тот решает применить, поскольку любой доктор использует инструменты, с которыми ему комфортнее всего работать. Эти врачи не считают каждого пациента уникальной личностью и не ищут новые (или старые) инструменты, которые могут работать лучше, чем нынешние.

Медицинская ложь обычно не начинается как ложь, но именно так родились некоторые мифы, довольно быстро превратившиеся в устойчивые и широко распространенные представления, т.е. стереотипы. Суть в том, что когда эксперт говорит медицинскую ложь — будь то врач, или представитель известного медицинского сообщества, — пациенты обычно слепо ей верят. А потом повторяют и повторяют ее еще многие годы — даже после того, как эксперты уже ее опровергли и перестали распространять сами. Эксперты очень редко заявляют, а практически никогда не заявляют публично о своей неправоте, когда их высказывания опровергаются дальнейшими исследованиями. Они просто перестают распространять информацию, ставшую ложной, и продолжают карьеру, словно ничего не случилось⁴⁴.

Так, «мы привыкли верить, что чеснок укрепляет иммунитет, а антибиотики губят все живое, что глютен — это яд, а поливитамины (или пищевые добавки) — панацея, нас приучили к тому, что ежедневно надо проходить десять тысяч шагов и выпивать восемь стаканов воды. Социальные сети внедрились в сознание новые стереотипы “красоты” или “здорового образа жизни”»⁴⁵, — пишет отечественный исследователь А. Сазонов.

⁴³ *Taverne D. The March of Unreason. Science, Democracy and the New Fundamentalism. N.Y., 2006. P. 143.*

⁴⁴ *Berry K. Lies my doctor told me. Medical myths that can harm your health. N.Y., 2019.*

⁴⁵ *Сазонов А. Опровергая мифы о медицине. Вся правда о нашем организме. М., 2022. С. 2.*

Чаще всего лукаво манипулируют информацией в так называемой “науке о питании”, которую неправомерно отождествляют с “медициной” и которую около ста лет продвигает пищевая промышленность с главной целью — повышения прибыли⁴⁶. Результатом таких весьма изощренных манипуляций являются широко распространенные представления, которые хотя и возводятся в ранг научных рекомендаций — на самом деле и представляют собой довольно примитивные и заведомо ложные стереотипы, причиняющие серьезный вред как индивидуальному, так и социальному здоровью.

Одним из таких стереотипов является необходимость (правильность) питания по “гемокоду”, т.е. соответствии с группой крови, что предполагает полное исключение из рациона целой группы продуктов и активное включение другой, существенно меньшей группы. По сути, идет сравнение невероятно сложно устроенного и пока еще недостаточно изученного человеческого организма с автомобилем, который будет плохо ехать, если его заправить бензином не той марки.

На стереотипах основана практика отождествления вегетарианства и здорового питания, поскольку “продукты растительного происхождения содержат больше полезных веществ, чем животные продукты и они лучше усваиваются человеческим организмом и содержат много клетчатки”. Однако клетчатка в больших количествах может ухудшить усвоение некоторых витаминов и минералов, вызывать чрезмерное образование газов, боли в животе и т.п.

Еще одним стереотипом является необходимость “разгрузочных” дней, которые представляются как выгодный и удобный способ похудеть и оздоровиться, если всего один день в неделю ограничить себя в еде или просто от нее отказаться. Однако “с точки зрения физиологии разгрузочный день — это злостное и, что хуже всего, — систематическое нарушение режима питания, в результате которого повышается риск возникновения гастрита, колита, понижается рефлекторная выработка пищеварительных соков к определенному времени”⁴⁷.

Однако самых часто встречающимися стереотипами в этой области являются стереотипы о необходимости “постоянного поддержания водного баланса” и “калориях”, на которых основаны практически все модные в настоящее время “диеты”.

⁴⁶ Медицина или медицинская наука основана на научном методе, который включает в себя наблюдения, гипотезы проверки, выводы и осторожное применение результатов (с их постоянной перепроверкой).

⁴⁷ Сазонов А. Указ. соч. С. 244.

Суть первого такова: “для того, чтобы организм не страдал от обезвоживания, необходимо выпивать не менее восьми стаканов воды в день, иначе возникнут проблемы со здоровьем”. Важность регулярного приема воды настолько возводится в степень, что помощь “забывчивым” созданы специальные мобильные приложения, которые ведут подсчет выпитым стаканам и напоминают о том, что “настало время пить воду”. Как отмечают исследователи, в этом случае совершенно игнорируется такой механизм саморегуляции водного баланса организма как жажда. Этот миф (кусочек истины) родился в США в 1945 г., когда Совет по продовольствию опубликовал рекомендации, согласно которым мужчинам следовало получать 2,5 литра воды в день, а женщинам — 2 литра. Однако в рекомендациях говорилось о том, что часть этой необходимой организму воды человек получает с продуктами питания и другими жидкостями. Но в массовом сознании эта информация не отразилась, а отпечаталось только восемь стаканов воды, хотя избыток воды никому на пользу не идет⁴⁸.

Стереотип “о калориях” задает стандарты ежедневного потребления определенного количества калорий для того, чтобы достичь или поддержать параметры “идеального веса”, причем тот факт, что продукты, имеющие равную калорийность, совершенно по-разному усваиваются организмом в расчет не принимаются. Как, впрочем, и другие важные особенности человеческого организма. Однако “никакими способами и уловками нельзя заставить организм тратить больше калорий, чем это необходимо, поскольку организм — это во многом саморегулирующаяся система. Невозможно добиться того, чтобы организм увеличил расход энергии, не имея в этом надобности”⁴⁹.

Примерами до сих пор бытующих, но уже давно научно опровергнутых стереотипов являются стереотипы о вреде “глютена” и “холестерина”.

Как отмечают специалисты, «если бы все, что говорится о глютене (который содержится в пшеничной муке) было бы правдой, то у каждого человека неизбежно бы развивался энтероколит — одновременное воспаление слизистой оболочки тонкой и толстой кишок, с того момента, когда ребенок переходит от грудного вскармливания к манной каше. Тем не менее, все то, что говорят противники глю-

⁴⁸ Там же. С. 231–233.

⁴⁹ См. подробнее: *Бронникова С.* Интуитивное питание: как перестать беспокоиться о еде и похудеть. М., 2020; *Попова М.* Темная сторона ЗОЖ. Как не заболеть, пытаясь стать здоровым. М., 2020.

тена, характерно для заболевания, которое называется “целиакией” или “мучной болезнью” и встречается в развернутом виде примерно у 05 — 1% населения нашей планеты»⁵⁰.

Если говорить о холестерине, то давно принято считать, что “холестерин — виновник всех бед”. Несмотря на то, что холестерин выполняет целый ряд важнейших функций в организме, много лет назад его объявили самым вредным веществом на свете на том основании, что он способствует развитию атеросклероза. Однако подтверждением этому тезису служат “лукавые” данные, когда вывод о вредном влиянии холестерина и его отсутствии основывался на разнице в 1%. Исследования показали, что атеросклероз, как общий, так и коронарных артерий, наблюдается у людей с нормальным, несколько не повышенным содержанием холестерина в крови⁵¹. Многочисленные, масштабные, долговременные исследования, которые проводили специально для того, чтобы раз и навсегда доказать, что употребление в пищу жиров вредно, раз за разом показывали, что между употреблением жиров и повышенным риском сердечного приступа или инсульта нет никакой связи⁵².

Как же следует бороться со стереотипами, которые на самом деле мало помогают в познании социальной реальности, а чаще — наносят ощутимый вред человеку и обществу, явно или скрыто участвуя в управлении поведением личности, подталкивают людей к принятию непродуманных решений или неадекватному, а порой — и социально опасному поведению?

Советы по преодолению стереотипов, не только медицинских, но и любых других, сводятся к процедуре или алгоритму тщательной проверки информации, в ходе которой можно отличить правдивую информацию от ложной. Примерная схема (шаги) этого алгоритма, которая близка к научному познанию, такова.

Первый шаг — оценка количества источников — чем больше источников — тем достовернее информация. Однако достоверные источники — это не публикации в сетях, а научные статьи и монографии, опубликованные от имени научных учреждений или известных в этой области ученых.

Второй шаг — оценка качества источников, т.е. речь идет о репутации научного учреждения и его компетентности в конкретном вопросе.

⁵⁰ Сазонов А. Указ. соч. С. 136–137.

⁵¹ Там же. С. 123.

⁵² См.: *Berry K. Lies my doctor told me. Medical myths that can harm your health.* N.Y., 2019; *Краснова С.А., Селезнева Т.Д., Абрамович О.Д., Кузнецова Ю.В. и др. Диеты-убийцы.* Ростов-н/Д., 2012.

Третий шаг — оценка качества информации, полученной из “качественных” источников, особенно когда речь идет о результатах исследований. Так, различают исследования научные (проведенные в соответствии с критериями научности) и псевдонаучные, признаки которых также достаточно хорошо известны. При этом очень важно не доверять тем исследованиям, авторы которых явно или скрыто рекламируют свои результаты, или подстраивают их под конкретного заказчика.

Всегда важно вникать в суть какого-либо, пусть даже не совсем понятного сначала явления или процесса. Важно не верить тому, что “все говорят”, не стоит бездумно следовать за модными течениями или поддаваться коллективным интенциям (все побежали, и я побежал). Необходимо как можно чаще задавать вопрос “Почему?” и никогда не принимать сразу на веру то, что кажется вполне логичным. Хотя на первый взгляд многие ложные утверждения и кажутся логичными и достоверными, на самом деле они являются продуктом не научного мышления, а обыденного сознания, т.е. социальными стереотипами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Боришполец К.П. Этничность и политика (некоторые тенденции и результаты развития современных прикладных исследований) // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 1999. № 4.

Бронникова С. Интуитивное питание: как перестать беспокоиться о еде и похудеть. М., 2020.

Дмитриев А.В. Стереотипизация мигрантов как социальная проблема // Власть. 2014. № 11.

Закирова А.Ж. Этнические стереотипы: к пониманию сущности // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 83. С. 39–48.

Золотарева Т.А. Влияние этнических стереотипов на становление личности и их функции // Международный научно-исследовательский журнал. 2020. № 12 (102). Ч. 4. С. 134–137.

Кон И.С. Психология предрассудка (О социально-психологических корнях этнических предубеждений // Новый мир. 1966. № 9.

Корочкина П.С. Этнизация и способы формирования этнических стереотипов // Человек в мире культуры. 2017. № 2–3. С. 175–178.

Краснова С.А., Селезнева Т.Д., Абрамович О.Д., Кузнецова Ю.В. и др. Дие-ты-убийцы. Ростов-н/Д., 2012.

Макарова С.Л. Язык вражды и конструирование “образа врага” в центральных и нижегородских СМИ // Язык современных СМИ: проблемы языковой культуры: материалы круглого стола “Язык СМИ”. Н. Новгород, 2004.

Маницаева А.Н., Батаева Д.Н. Этнические стереотипы в межкультурной коммуникации // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8. № 2 (27).

Миньяр-Белоручева А.П., Покровская М.Е. Этнические стереотипы в англоязычном пространстве: визуальные образы персонификации и вербальные образы-антропонимы // Вестник московского университета. Серия 14. Психология. 2013. № 1. С. 52–65.

Муха В.Н., Литовка В.А. Теоретические аспекты практик поддержания этнической идентичности // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 12–4 (54). С. 151–153.

Осипова Н.Г. Социология массовой коммуникации: Уч. М., 2025.

Осипова Н.Г. Социология. М., 2024.

Попова М. Темная сторона ЗОЖ. Как не заболеть, пытаясь стать здоровым. М., 2020.

Работяжев Н.В. Правый радикализм на Украине: история и современность // Проблемы постсоветского пространства. 2020. Т. 7. № 4.

Реутов Е.В. Влияние украинского кризиса на этнические стереотипы россиян // Власть. 2015. № 6. С. 145–149.

Садохин А.И. Этносоциология. М., 2001.

Сазонов А. Опровергая мифы о медицине. Вся правда о нашем организме. М., 2022.

Синицына Т.А. О роли стереотипов в межкультурной коммуникации // Актуальные вопросы современной лингвистики. Материалы научно-практической конференции, посвященной 85-летию МГОУ и 70-летию ИЛиМК. М., 2017.

Старченко В.В. Этнические стереотипы в межэтническом взаимодействии в поликультурном регионе // Наука и современность. 2016. № 49.

Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М., 1999. С. 236–244.

Суходольская Н.П. Социальный стереотип в жизнедеятельности людей // Философия и общество. 2007. № 3 (47).

Тишков А.А. Национализм // Новая философская энциклопедия: В 4 т. М., 2001. Т. 3.

Углова Т.В., Алеева Ю.А., Беляева Т.Б. Стереотипные представления о типичном русском и типичном американце у россиян разных поколений // Вестник Новгородского государственного университета. 2017. № 4 (102).

Чеснокова Л.В. Стереотипы в межкультурной коммуникации // Концепт: науч.-метод. электрон. журн. 2015. № 4. С. 91–95. URL: <http://e-koncept.ru/2015/15107.htm> (дата обращения: 07.08.2025).

Чжан Ж. Устойчивость и вариативность содержания этнокультурных стереотипов (на материале ассоциативного эксперимента “китайцы глазами русских” // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования. Языки и специальность. 2018. Т. 15. № 1. С. 59–66.

Шихирев П.Н. Современная социальная психология в Западной Европе. М., 1985.

Шишова Н.В., Волкова Д.В., Новиков А.Ю., Тончий И.В. Культурология. Словарь-справочник. Ростов н/Д., 2009.

REFERENCES

Berry K. Lies my doctor told me. Medical myths that can harm your health. N.Y., 2019.

Borishpolec K.P. Etnichnost' i politika (nekotorye tendencii i rezul'taty razvitiya sovremennykh prikladnykh issledovanij) [Ethnicity and Politics (Some Trends and

- Results of Modern Applied Research)] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 1999. N 4 (in Russian).
- Bronnikova S.* Intuitivnoe pitanie: kak perestat' bespokoit'sya o ede i pohudet' [Intuitive Eating: How to Stop Worrying About Food and Lose Weight]. M., 2020 (in Russian).
- Chesnokova L.V.* Stereotipy v mezhkul'turnoj kommunikacii [Stereotypes in Intercultural Communication] // Koncept: nauch.-metod. elektron. zhurn. 2015. N 4. S. 91–95. URL: <http://e-koncept.ru/2015/15107.htm> (data obrashcheniya: 07.08.2025) (in Russian).
- Chzhan Z.H.* Ustojchivost' i variativnost' soderzhaniya etnokul'turnyh stereotipov (na materiale associativnogo eksperimenta "kitajcy glazami russkih") [Stability and Variability of the Content of Ethnocultural Stereotypes (Based on the Associative Experiment "The Chinese Through the Eyes of Russians")] // Vestnik RUDN. Seriya: Voprosy obrazovaniya. Yazyki i special'nost'. 2018. T. 15. N 1. S. 59–66 (in Russian).
- Dmitriev A.V.* Stereotipizaciya migrantov kak social'naya problema [Stereotyping Migrants as a Social Problem] // Vlast'. 2014. N 11 (in Russian).
- Essman M.J.* Ethnic Politics. L., 1994.
- Gurr T., Harff B.* Ethnic Conflict in World Politics. N.Y., 1994.
- Hartmann P., Husband C.* Racism and the Mass Media. L., 1974.
- Horowitz D.L.* Ethnic Groups in Conflict. Berkeley, 1985.
- Kon I.S.* Psihologiya predrassudka (O social'no-psihologicheskikh kornyah etnicheskikh predubezhenij [Psychology of Prejudice (On the Socio-Psychological Roots of Ethnic Prejudice)] // Novyj mir. 1966. N 9 (in Russian).
- Korochkina P.S.* Etnizaciya i sposoby formirovaniya etnicheskikh stereotipov [Ethnicization and Methods of Forming Ethnic Stereotypes] // Chelovek v mire kul'tury. 2017. N 2–3. S. 175–178 (in Russian).
- Krasnova S.A., Selezneva T.D., Abramovich O.D., Kuznecova Yu.V. i dr.* Diety-ubijcy [Killer Diets]. Rostov-n/D., 2012 (in Russian).
- Makarova S.L.* Yazyk vrazhdy i konstruirovaniye "obraza vraga" v central'nyh i nizhegorodskih SMI [Hate Speech and the Construction of the "Enemy Image" in Central and Nizhny Novgorod Media] // Yazyk sovremennyh SMI: problemy yazykovoj kul'tury: materialy kruglogo stola "Yazyk SMI". N. Novgorod, 2004 (in Russian).
- Mancaeva A.N., Bataeva D.N.* Etnicheskie stereotipy v mezhkul'turnoj kommunikacii [Ethnic Stereotypes in Intercultural Communication] // Baltijskij gumanitarnyj zhurnal. 2019. T. 8. N 2 (27) (in Russian).
- Min'yar-Beloruicheva A.P., Pokrovskaya M.E.* Etnicheskie stereotipy v angloyazychnom prostranstve: vizual'nye obrazy personifikacii i verbal'nye obrazy-antropimiy [Ethnic Stereotypes in the English-Speaking Space: Visual Images of Personification and Verbal Images-Anthroponyms] // Vestnik moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psihologiya. 2013. N 1. S. 52–65 (in Russian).
- Muha V.N., Litovka V.A.* Teoreticheskie aspekty praktik podderzhaniya etnicheskoy identichnosti [Theoretical Aspects of Ethnic Identity Maintenance Practices] // Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal. 2016. N 12–4 (54). S. 151–153 (in Russian).
- Osipova N.G.* Sociologiya massovoj kommunikacii: uchebnik [Sociology of Mass Communication: A Textbook]. M., 2025 (in Russian).
- Osipova N.G.* Sociologiya [Sociology]. M., 2024 (in Russian).

Popova M. Temnaya storona ZOZH. Kak ne zabolet', pytayas' stat' zdorovym [The Dark Side of a Healthy Lifestyle. How to Avoid Getting Sick While Trying to Become Healthy]. M., 2020 (in Russian).

Rabotyazhev N.V. Pravyj radikalizm na Ukraine: istoriya i sovremennost' [Right-Wing Radicalism in Ukraine: History and Modernity] // Problemy postsovetskogo prostranstva. 2020. T. 7. N 4 (in Russian).

Reutov E.V. Vliyanie ukrainskogo krizisa na etnicheskie stereotypy rossiyan [The Impact of the Ukrainian Crisis on Ethnic Stereotypes of Russians] // Vlast'. 2015. N 6. S. 145–149 (in Russian).

Sadolin A.I. Etnosociologiya [Ethnosociology]. M., 2001 (in Russian).

Sazonov A. Oprovergaya mify o medicine. Vsyaya pravda o nashem organizme [Refuting Myths about Medicine. The Whole Truth About Our Body]. M., 2022 (in Russian).

Shihirev P.N. Sovremennaya social'naya psihologiya v Zapadnoj Evrope [Modern Social Psychology in Western Europe]. M., 1985 (in Russian).

Shishova N.V., Volkova D.V., Novikov A.Yu., Tonchij I.V. Kul'turologiya. Slovar'-spravochnik [Culturology. A Dictionary and Reference Book]. Rostov n/D., 2009 (in Russian).

Sinicyna T.A. O roli stereotipov v mezhkul'turnoj kommunikacii [On the Role of Stereotypes in Intercultural Communication] // Aktual'nye voprosy sovremennoj lingvistiki. Materialy nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchennoj 85-letiyu MGOU i 70-letiyu ILiMK. M., 2017 (in Russian).

Starchenko V.V. Etnicheskie stereotypy v mezhetnicheskom vzaimodejstvii v polikul'turnom regione [Ethnic Stereotypes in Interethnic Interaction in a Multicultural Region] // Nauka i sovremennost'. 2016. N 49 (in Russian).

Stefanenko T.G. Etnopsihologiya [Ethnopsychology]. M., 1999. S. 236–244 (in Russian).

Suhodol'skaya N.P. Social'nyj stereotip v zhiznedejatel'nosti lyudej [Social Stereotype in People's Lives] // Filosofiya i obshchestvo. 2007. N 3 (47) (in Russian).

Taverne D. The march of unreason. Science, democracy and the new fundamentalism. N.Y.; Oxford, 2006.

Tishkov A.A. Nacionalizm [Nationalism] // Novaya filosofskaya enciklopediya: V 4 t. M., 2001. T. 3 (in Russian).

Uglova T.V., Aleeva Yu.A., Belyaeva T.B. Stereotipnye predstavleniya o tipichnom russkom i tipichnom amerikance u rossiyan raznykh pokolenij [Stereotypical Notions of the Typical Russian and the Typical American Among Russians of Different Generations] // Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. 2017. N 4 (102) (in Russian).

Zakirova A.Zh. Etnicheskie stereotypy: k ponimaniyu sushchnosti [Ethnic Stereotypes: Understanding Their Essence] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya. 2025. N 83. S. 39–48 (in Russian).

Zolotareva T.A. Vliyanie etnicheskikh stereotipov na stanovlenie lichnosti i ih funkcii [The Influence of Ethnic Stereotypes on Personality Development and Their Functions] // Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal. 2020. N 12 (102). Ch. 4. S. 134–137 (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2026-32-1-34-54

МЕЧТЫ ДЖОРДЖА ФИШЕРА О СВОБОДЕ И САМОУПРАВЛЕНИИ

А.В. Попов, канд. историч. наук, доц., Российский государственный гуманитарный университет, Миусская пл., д. 6, г. Москва, Российская Федерация, 125993*

Статья посвящена биографии и творческому пути одного из ведущих американских социологов и политологов Джорджа Фишера (George Fischer) (1923–2005). Первая часть статьи посвящена биографии Дж. Фишера, его непростому жизненному пути, включающему детство и юность в Берлине и Москве, участие во Второй мировой войне в качестве офицера американской армии, научную и общественную деятельность после окончания войны в Германии и США. Особое внимание уделено его связям с представителями первой и второй волн российской политической эмиграции, молодыми советскими социологами 1960-х гг., а также его теоретической и практической борьбе за самоуправляемое общество. Вторая часть статьи раскрывает основные этапы научной деятельности Дж. Фишера. Дается анализ его основных научных трудов, взглядов и концепций. Рассматривается концепция социальной интеграции и “инертности” советских людей, а также вопросы конформизма в Западном обществе. В статье рассказывается о работах Дж. Фишера, посвященных пионерами советской социологии — советским социологам 1960-х гг. Также рассмотрена концепция советского общества как альтернативной модели общественного устройства. Особое внимание уделено выдвинутой Дж. Фишером концепции самоуправляющегося общества. Дж. Фишер приходит к выводу, что гармония вытекает не из концентрации, а из сложной фрагментации. Истинная сложность означает не отдельные центры, а связанную сеть очень разнообразных автономных групп. Дж. Фишер видит самоуправляющееся сознательное сообщество как одну из исторических возможностей. Каждое поколение будет выбирать из этих постоянно меняющихся возможностей и альтернатив. Каждое поколение сделает свой выбор, исходя из собственного видения настоящего, а не в соответствии с выбором и желаниями прошлых поколений. Самоуправление не должно рассматриваться как приз, который люди получают, а затем сохраняют длительное время.

Ключевые слова: вторая волна эмиграции, гомо советикус, Джордж Фишер, зарубежная социология, русское зарубежье, самоуправление, советская социология, социальные механизмы, социология, социология в США, эмиграция.

* Попов Андрей Владимирович, e-mail: insatiable@fryazino.net

GEORGE FISHER'S DREAMS OF FREEDOM AND SELF-GOVERNMENT

Popov Andrey V., Cand. Of Sci. (history), Associate Professor, Russian State University for the Humanities, Miusskaya Square, bld. 6, Moscow, Russian Federation, 125993, e-mail: insatiable@fryzino.net

The article focuses on the biography and creative path of one of the leading American sociologists and political scientists George Fischer (1923–2005). The first part of the article is devoted to G. Fisher's biography, his difficult life path, including his childhood and youth in Berlin and Moscow, his participation in World War II as an officer in the American army, his scientific and social activities after the end of the war in Germany and the USA. Particular attention is paid to his relations with Russian emigrants of the first and second waves, young Soviet sociologists of the 1960s, as well as his theoretical and practical struggle for a self-governing society. The second part of the article reveals the main stages of G. Fisher's scientific activities. Here his main scientific works, views and concepts are analyzed. The concept of social integration and "inertia" of Soviet people is considered. Issues of conformism in Western society are also considered. The article also tells about G. Fisher's works dedicated to the pioneers of Soviet sociology — Soviet sociologists of the 1960s. The concept of Soviet society as an alternative model of social structure is also considered. Special attention is paid to the concept of a self-governing society put forward by G. Fischer. G. Fisher concludes that harmony does not derive from concentration, it derives from complex fragmentation. True complexity does not mean individual centers, but a connected network of very diverse, autonomous groups. G. Fisher sees a self-governing conscious community merely as one of historical possibilities. Each generation will choose from these ever-changing opportunities and alternatives. Each generation will not make its choice in accordance with the choices and desires of past generations, it will be done basing on its own vision of the present. In that light, self rule should not be seen as a prize that people gain and then keep for a long time to come. In no way does self rule mean the end of history.

Key words: the second wave of emigration, Homo Sovieticus, George Fisher, foreign sociology, Russian abroad, self-government, Soviet sociology, social mechanisms, sociology, sociology in the USA, emigration.

Биография Джорджа Фишера

Джордж Фишер (George Fischer) — американский социолог, политолог, историк. Специализировался на социологии науки, политическом строе СССР, истории либерализма, самоуправлению в университетах¹.

Он родился 5-го мая 1923 г. в семье родителей бунтарей и скитальцев. Они познакомились в Нью-Йорке, а поженились в 1922 г.

¹ Фишер Джордж (Fischer George) // Американские советологи [Для служебного пользования]. М., 1981. С. 195.

в Берлине. При рождении он получил имя — Юрий. Только спустя годы, уже в США, стал использовать имя — Джордж.

Отец Дж. Фишера, Луис Фишер (Louis Fischer, 1896–1970), родился в Филадельфии, в семье эмигрантов из России. Вырос в бедности. Работал учителем в Филадельфии, в информационном агентстве, но никогда не имел постоянной работы. Тем не менее, Луис Фишер смог стать писателем, публицистом, написать несколько книг, в том числе, биографии Махатмы Ганди и В.И. Ленина. Впоследствии гражданский муж дочери И. В. Сталина, Светланы Аллилуевой.

Мать Дж. Фишера, Берта Яковлевна Марк (1888–1977), родилась в России, в Либаве. Закончила Петербургскую консерваторию и университет в Лозанне. В годы Первой мировой войны, работала в Нью-Йорке секретарем руководителя российской железнодорожной миссии Ю.В. Ломоносова. С 1920 г. служила в советской железнодорожной миссии в Берлине. В 1922 г. — личный переводчик М.М. Литвинова на международной конференции в Генуе. Впоследствии, участвовала в качестве переводчицы в международных конференциях в Гааге и Лозанне. В 1922 г., в Берлине, вышла замуж за Луи Фишера.

О себе и родителях Дж. Фишер писал: “Оба странствовали много. И мечтали, как дети прошлого века, более спокойного, чем наш. Первенство отдавали политике. Мечтам и жарким спорам вокруг государств и движений, бунтов и революций. Все это передалось мне. Уже в детстве я странствовал. И немало — без родителей. Без родителей ярких, с широкой натурой, но с шатким браком. Без почти холостяка-отца, без постоянно озабоченной матери, доступных мне лишь урывками. Я жил нынче здесь, завтра там”².

Дж. Фишер до конца жизни сохранял духовную близость с родителями. Молодым комсомольцем в Москве и либеральным профессор в Лиге плюща, он всегда оставался близким к взглядам и способами жизни родителей. Они были писателями, мемуаристами, общественными деятелями. Всегда занимали прогрессивную позицию. Энергия, жадность до жизни, во многом передались ему родителями. И, конечно, он многое принял в себя, прочувствовал и пережил от своих выдающихся друзей и учителей, которых встретил на своем пути. Историю своей жизни он называл цепочкой встреч

² Фишер Дж. Ю. У. Две страсти // В поисках истины. Пути и судьбы второй эмиграции: Сб. Статей и документов. Материалы к истории русской политической эмиграции / Под общ. ред. А.В. Попова. Вступ. статья А.В. Попова. Вып. III. М., 1997. С. 178.

с самим собой, во время которых он заново переосмыслил свою биографию и эпоху, в которой выпало жить.

Берлин и Германия навсегда стали для Юрия Фишера родными. В одном из интервью он сказал: “У меня все-таки очень глубокая связь, не очень ясная связь с Берлином. Я там родился, я там жил как раз до прихода Гитлера к власти... И вошел там в школьную жизнь. И, вообще, район был очень интересный, такой пролетарский, красный район Берлина. Я там себя чувствовал дома. И потом служил в американской армии в 1945–1946 гг. тоже в Берлине... Я ощущал, что Берлин это мое место... Моя привязанность немецкая. Я не знаю, что поставить на первое место, но я знаю, что когда говорю по-немецки, читаю немецкую прозу, или классическую литературу, или хорошие немецкие журналы, то мне очень приятно. Я себя чувствую как-то более-менее тоже дома. Немецкий язык и литературу — это я ощущаю как свое”³.

В 1927 г. семья Фишеров переезжает из Берлина в Москву, куда отец был направлен работать корреспондентом американских газет “The Nation” и “The Baltimore Sun”. В Москве Юрий, увлекся городом, страной, смог быстро освоить русский язык.

В 1931 г. братья Юрий и Виктор Фишеры, были отправлены родителями в Германию. Они жили в Берлине, в семье немецкого коммуниста, социолога Пауля Массинга. Юрий Фишер вспоминал: “С Паулем я чувствовал себя дома. Я даже мечтал жить с ним в Берлине. Я жил бы с ним всегда. И с моим красным семейством, почти российских меньшевиков — немецких социал-демократов. Пауль Массинг был уверен в будущем — Гитлер не выиграет выборы. Но Гитлер выиграл выборы и возглавил правительство. Пауль был уверен, что это ненадолго. Это была общая позиция немецкой коммунистической партии. Но случилось иначе и Гитлер вмешался в мою судьбу. В 1931 г. мать удивила меня и отослав от себя в Берлин. В 1933 г. меня выслал Гитлер. Нам с братом, надо было бежать. Мы нелегально перешли границ с Чехословакией. Затем приехала мать и забрала нас из Праги в Москву”.

Начинается новый этап жизни Юрия — московский. Он живет с родителями на Арбате, учится в 32-й образцовой школе им. Пантелеймона Лепешинского, вступает в комсомол.

В эти годы возникает еще одна очень глубокая, длящаяся всю жизнь связь с Германией: знакомство и дружба с семьями беженцев

³ Попов А.В. Джордж Фишер — странный странник или пять раз по четыре // Берега. Информационно-аналитический сборник о “Русском зарубежье”. 2004. № 3. С. 26.

из Германии немецкого драматурга Фридриха Вольфа и разведчика Вильгельма Влоха. Впоследствии Маркус Вольф посвятил свою книгу “Трое из 30-х” истории дружбы арбатских мальчиков Лотара Влоха, Конрада и Миши Вольфов, братьев Юры и Вити Фишеров.

Многое из того, о чем мечтал Дж. Фишер, имеет свои корни в юности в Москве тридцатых годов прошлого века. Тогда на всю оставшуюся жизнь он обрел романтическую, утопическую веру в революцию — в грандиозные перемены и счастливую жизнь. Он обрел чувство сопричастности к людям, которые разделяли его видение и ощущение народа как великого творца собственной судьбы.

В 1939 г. он по настоянию матери, опасавшейся репрессий в СССР, вместе с братом Виктором, переезжает в США, в Нью-Йорк. В Нью-Йорке братья Фишеры оказываются под дружеской опекой старого друга семьи, социолога и советского разведчика Пауля Массинга, в будущем одного из создателей Института социальных исследований Франкфуртского университета.

Группа эмигрантов стала окружением и душевным приютом Джорджа. Все они были высланы из Германии и России (высланы Лениным, Сталиным и Гитлером). Бывшие коммунисты, русские меньшевики, немецкие социал-демократы. Большинство жило на Манхеттене, в Верхнем Вест-Сайде, недалеко от Колумбийского университета. Среди них и Пауль Массинг, который строит новую жизнь, далеко от Берлина и далеко от Москвы. Очень трогательно вспоминает Дж. Фишер (“И мой немецкий отец мечты, Пауль Массинг”): “Первое пристанище в Нью-Йорке — у беженцев. У эмигрантов из России, Германии. Социал-демократов и бывших коммунистов. Особенно вспоминаю сестру матери, меньшевичку, которую очень любил. В этой среде меня приютили, даже чуть не усыновили. Беженцы жили бедно, без копейки денег, на подачки. В США не прижились. Не находили работу. Не находили точку опоры для дела, для борьбы с большевизмом. За чаем рассуждали о мраке, окутавшем Европу. Сокрушались о победе зла. Поклонялись социал-демократическим ценностям. Мечте о равенстве, с буржуазной, гражданской свободой. Мечта привлекла. Судьба омрачила. Отчужденность напугала. В американской школе стал превращаться в американца. Ведь по отцу я родился гражданином США. Теперь вот впервые попал туда. Впервые пользовался не советским паспортом, а американским. И взял другое имя! Вместо русского — англо-саксонское. Из Юры сделался Джорджем. Много общался с американцами, обо всем расспрашивал, тараторил на ломаном английском”⁴.

⁴ Фишер Дж. Ю. У. Две страсти... С. 181.

Чтобы получить среднее образование, Дж. Фишеру надо было закончить два старших класса. Вспоминая время учебы в общественной школе, он пишет: “О нью-йоркской школе я не помню почти ничего. Помню обширное здание, классные комнаты, большие и переполненные. Я нашел трех друзей. Один коммунист, он был прирожденный лидер. Вскоре он погиб на Второй мировой войне. Второй следовал за Троцким. Он был очень серьезным и после войны возглавил профсоюзы в Мичигане. Третий был про-коммунист, жесткий и умный редактор школьной газеты. Мы много говорили, обсуждали мировую революцию, Маркса, Ленина, Сталина и Троцкого. Это была наша нью-йоркская тайна”⁵.

В эти предвоенные годы Дж. Фишер находит старшего друга и наставника в лице Элеоноры Рузвельт, уважение к которой он сохранял на всю жизнь. Джордж писал: “Рузвельт много беседовала со мной. Внимательно слушала. Рассказывала о своей деятельности либерала, о прогрессивной направленности американской государственной политики. Советовала сделать это поприще моим призванием. Она произвела на меня неизгладимое впечатление. Но не своей внешностью. Внешне она была светской дамой. Благородной и безукоризненно благопристойной. Я ощутил другое. Почувствовал в ней огненное сердце и страсть политического буреви́стика. Почувствовал волевою натуру и глубокий ум. Она сделалась моим кумиром. Однако ее окружение, среда высоко-поставленных и зажиточных либералов не пришлась мне по душе”⁶.

В годы Второй мировой войны Дж. Фишер служит в американской армии. Маркус Вольф писал: “Американский офицер Джордж Фишер последний год войны тоже провел в Советском Союзе. Он служил офицером связи на американской воздушной базе под Полтавой. Во время Ялтинской встречи Сталина, Рузвельта и Черчилля в феврале 1945 г. работал на аэродроме в Саки, оборудованном для проведения этой важной конференции”⁷.

И далее: “Как человека Джорджа Фишера по-прежнему тянет к русским и их культуре. Но в политике он — лояльный американец. Растущие трения между тогдашними союзниками вызывают у него все более критическое отношение к Советскому Союзу. В Берлине он поддерживает тесные отношения с антисоветски и антикоммунистически настроенными социал-демократами и бывшими коммуни-

⁵ George Uri Fischer. *Insatiable. A story of my nine lives*. Philadelphia, 2000. P. 77–78.

⁶ *Фишер Дж.Ю.У. Две страсти*. С. 182.

⁷ *Вольф М. Трое из 30-х: История несозданного фильма*. М., 1990. С. 97.

стами. После раскола СДПГ на виллу, где живет Джордж, регулярно навещается председатель берлинских социал-демократов Франц Нойман. Среди сотрудников военной администрации его друзья — деятели американских профсоюзов»⁸.

Демобилизовавшись из армии в 1947 г., Дж. Фишер завершает высшее образование в университете штата Висконсин. В поисках себя, своего места в мире, он ощущает моральный дискомфорт, разделение на множество частей. Он задает себе вопросы: Кто он теперь? В чем его сущность? Народник? Либерал? Независимый вольнодумец и скиталец, как родители? Меншевик? Или все еще комсомолец? Но ответов не находит.

После окончания университета Дж. Фишер поступает в докторантуру по русской истории Гарвардского университета. В эти годы он обрел еще двух наставников из России — Михаила Михайловича Карповича (1888–1959) и сэра Исая Берлина (1909–1997). Под руководством своих учителей он сосредоточился на либеральных течениях русской общественной мысли. Более всего его привлекла мечта либералов, мечта о гражданском обществе, где каждый обладает большой свободой, а все вместе доминирует над государством.

В послевоенные годы Дж. Фишер очень увлекся и близко сошелся с представителями эмиграции из России и СССР. На него сильно повлиял известный архивист, ученый, писатель Борис Иванович Николаевский (1887–1966). Николаевский стал еще одним наставником Фишера из России⁹.

23 марта 1951 г. был избран директором фонда “Свободная Россия”, впоследствии был переименован, в Восточно-европейский фонд. Восточно-европейский фонд был создан и финансировался Фондом Форда. Им была подготовлена программа и концепция развития Восточно-европейского фонда, направленная на поддержку русских беженцев. Как директор Восточно-европейского фонда, Дж. Фишер, участвовал в создании и финансировании нью-йоркского русскоязычного издательства им Чехова. Как писал исследователь русского зарубежья П. А. Трибунский: “Для исследования вопроса был выбран весьма подходящий кандидат: прекрасно говоривший по-русски Джордж Фишер после окончания Второй мировой войны отслужил в армейской контрразведке в Германии, после увольнения благодаря правительственным беспроцентным ссудам демобилизованным солдатам поступил в аспирантуру Гарвардского универ-

⁸ Там же. С. 109.

⁹ Попов А.В. Мюнхенский институт по изучению истории и культуры СССР и “вторая волна” эмиграции // Новый исторический вестник. 2004. № 1(10). С. 63.

ситета, где специализировался на изучении советского коллаборационизма во время войны, участвовал в создании Гарвардского проекта интервьюирования беженцев и Института изучения истории и культуры СССР в Мюнхене, много и часто посещал лагеря перемещенных лиц в Германии, общался с разными группами русскоязычной эмиграции. О сложном положении беженцев из СССР, а также о важности их как источника информации о советской действительности для американских ученых и политиков, которые не могли похвастаться обширными знаниями о предполагаемом противнике, Фишер писал еще в 1949 г. Теперь именно ему было предложено сформулировать конкретные меры помощи беженцам из СССР, а также способы применения их знаний”¹⁰.

Дж. Фишер недолго проработал в был в Восточно-европейском фонде. В 1952 г. он отказался от должности директора фонда. В 1952 г. Дж. Фишер защищает докторскую диссертацию “Советское противостояние Сталину во второй мировой войне”. В 1958 г. публикует монографию “Русский либерализм”¹¹. В 1964 г. он публикует небольшую работу “Наука и политика: новая социология в Советском Союзе”. Книга была издана Корнельским университетом¹². С 1965 г. старший научный сотрудник, директор Русского института Колумбийского университета.

В 1960-е гг. Дж. Фишер оказался в центре молодежных общественно-политических движений в США. Он ощутил новые веяния жизни и ужаснулся затхлостью, рутиной и бюрократизацией университетской среды. Во многом его юношеские мечты сбывались. Высокие идеи и чувства распространялись повсюду, будя в людях огонь и страсть. Он был счастлив, выступая против “ненормальной нормальности”. В 1968 г. Джордж поддерживает восставших студентов Колумбийского университета¹³. После студенческих волнений, с должностью заведующего кафедрой и с Колумбийским университетом пришлось расстаться.

С 1969 г. Дж. Фишер, профессор социологии в городском университете Нью-Йорка (City University of New York). В 1985 г. досрочно уходит на пенсию. Джордж Фишер скончался, после тяжелой болезни 25 июня 2005 г. в Филадельфии.

¹⁰ *Трибунский П.А.* Фонд Форда, фонд “Свободная Россия” // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. 2013. № 4. С. 579.

¹¹ *Fischer G.* Russian liberalism, from gentry to intelligentsia. Cambridge, 1958.

¹² *Fischer G.* Science and politics: the new sociology in the Soviet Union. N.Y., 1964.

¹³ *Понов А.В.* Джордж Фишер — странный странник или пять раз по четыре // Берега. Информационно-аналитический сборник о “Русском зарубежье”. 2004. № 3. С. 29.

Научная деятельность

Демобилизовавшись из армии в 1947 г., Фишер завершает высшее образование в университете штата Висконсин. В эти годы ему много помогает новый учитель — профессор, социолог, Селиг Перлман (Selig Perlman 1889–1959). Селиг Перлман был специалистом по истории труда и рабочего движения, автором классической работы “Теория рабочего движения”.

В 1948 г. Дж. Фишер участвует в проекте исследований послевоенных беженцев из СССР и до 1951 г. координирует работу проекта, проводившиеся Русским исследовательским центром Гарвардского университета. В этот период он часто посещает Германию, участвует в создании Института по изучению СССР и Русской библиотеки в Мюнхене. В 1949 г. Дж. Фишер стажирется в Праге, а затем публикует научную работу о Русском заграничном историческом архиве¹⁴.

В 1950 г. Дж. Фишер стал одним организаторов создания Института по изучению истории и культуры СССР в Мюнхене. Институт не забыл его роль, выделил в отчете о первых пяти годах существования: “Необходимо отметить, что весьма близкое участие в организации Института принимал ныне занимающий кафедру в Вальтгамском университете проф. Дж. Фишер”¹⁵.

В 1952 г. Дж. Фишер защищает докторскую диссертацию и публикует монографию на одноименную тему: “Советское противостояние Сталину во второй мировой войне” (Soviet Opposition to Stalin: A Case Study in World War II)¹⁶. Диссертация и книга стала во многом плодом его многочисленных поездок в послевоенную Германию, встреч и интервью с советскими беженцами, которые проходили в рамках проектов Центра по изучению России Гарвардского университета и Восточно-европейского фонда. Дж. Фишер также опирался свой собственный опыт жизни в Советском Союзе и Германии. Завершение и издание книги стало возможным благодаря помощи Центру по изучению России, Общества стипендиатов Гарвардского университета и гранту — корпорации Карнеги.

Монография состоит двух основных частей. В первых двух главах, “Движение Власова: стадия идей” и “Движение Власова: стадия Гиммлера” автор рассказывает о, на тот момент малоизвестной и драматичной истории времен Второй мировой войны, о советских

¹⁴ Fischer G. The Russizn Archive in Prague // American Slavic and Easr European Review. 1949. N 8. P. 289–296.

¹⁵ 5 лет Института по изучению истории и культуры СССР. Мюнхен, 1955. С. 4.

¹⁶ Fischer G. Soviet opposition to Stalin: a case study in World War II. Cambridge, 1952.

коллорабационистах времен войны, главным образом, о РОА и генерале А.А. Власове. По мнению автора власовское движение, хотя и было создано и погибло в чуждой среде гитлеровской Германии, никакого содержательного анализа его невозможно провести, без изучения контекста в котором оно возникло, изучения его родной среды, и среды жизни в Германии военного времени. Делая выводы Дж. Фишер высказывает мысль, что власовское движение принципиально отличается от антисталинской оппозиции внутри самого СССР, и оно открывает для социологов бесконечную и сложную тему. По его мнению, нельзя исключать, что и будущая советская оппозиция, возникнет в военное время и на чужой земле.

Главная цель все книги — исследовать, не частные вопросы, а более масштабную проблему советской оппозиции: организованного сопротивления; пассивного недовольства; внутренней эмиграции и прийти к пониманию функционирования советской системы в целом. Этому посвящена, главным образом, третья глава книги “Советская оппозиция и советская система”.

Стержнем концепции Дж. Фишера является понятие — инертности. Он считает, что инертность стала центральной чертой в политического — поведения личности в СССР. Главное объяснение инертности советских людей, по мнению Дж. Фишера, это влияние тоталитарного режима. Политическая система, в которой современные технологии сочетаются с авторитарным руководством и идеологией, неизбежно приводят к инертности. Не менее важен фактор социальной интеграции, которая придает социальной системе устойчивость. Социальная интеграция охватывает всю палитру связей, дружеских отношений, преданности, и идентификации, которые человек создает и развивает в любом обществе. Для советского человека СССР, это не только место, где родились он и его предки. Это место, которое он знает лучше всего, и где он пережил не только печали, но личные радости и счастье. Это место, где он будет работать, и создавать семью. Это страна, к истории, литературе, праздникам и обычаям он ближе всего. Все это в любой другой стране, бесконечно чуждо любому советскому человеку, кроме самого космополитичного из них. Вместе с беспомощностью перед лицом тоталитарного режима, привязанность советских людей к родине, семье, труду, и всему образу жизни, к которому они привыкли, вынуждает людей приспосабливаться, порождая инертность. Именно инертность делает появление советской оппозиции менее вероятной, чем принято считать на Западе. Инертность в СССР, является

аналогом конформизма американского среднего класса, офисных работников в правительстве и вне его¹⁷.

Инертность не эквивалентна тотальной пассивности и отсутствию инициативы со стороны советских людей. Советские люди проявляют большую находчивость, и независимость в личных и технических вопросах. Но, выдвигаемая Дж. Фишером, концепция инертности, предполагает отказ Homo Sovieticus от вещей политических¹⁸.

Термин “Homo Sovieticus” впервые был выдвинут Дж. Фишером, для обоснования концепции инертности советского человека. Позднее был развит социологом А.А. Зиновьевым в его книге “Гомо советикус” опубликованной в 1982 г¹⁹.

Ощущая влияние своего учителя М.М. Карповича, в начале 1950-х гг. Дж. Фишер обращается к теме русского либерализма, второй половины XIX — начала XX в. Итогом становится новая книга “Русский либерализм от дворянства до интеллигенции” (Russian liberalism, from gentry to intelligentsia), опубликованная в 1958 г.²⁰ В ходе своего исследования, Дж. Фишер рассматривает историю деятельности российского земства в конце XIX в., а также проводит анализ дебатов, связанных с объединением либеральных сил в партию кадетов в начале XX в. В целом, он стремится, показать исторический путь от реформаторов времен Александра II, до более радикальных либеральных групп начала XX в. На наш взгляд, монография была достаточно интересной для американских читателей. Высоко оценил работу, откликнувшись положительной рецензией, начинающий исследователь, а впоследствии директор Библиотеки Конгресса США, Джеймс Хедли Биллингтон²¹.

В 1960-е гг. Дж. Фишер часто посещает Москву. Спустя годы он напишет о том времени: “После смерти Сталина навещал Москву часто. Залпом глотал повести и рассказы, свежие, не шаблонные. Влюбился в четверку друзей. Писатели и художники. Искушенные и страстные. Незабываемые. Так же привязался к молодым партийным социологам. В рамках партийности они старались обновить образ мыслей верхов, представление о советском человеке на работе и в свободное время”²².

¹⁷ Fischer G. Soviet opposition to Stalin... P. 124.

¹⁸ Fischer G. Soviet opposition to Stalin... P. 133.

¹⁹ Зиновьев А.А. Гомо советикус. Lausanne, 1982.

²⁰ Fischer G. Russian liberalism, from gentry to intelligentsia. Cambridge, 1958.

²¹ James H. Billington. Russian Liberalism from Gentry to Intelligentsia // American Slavic and East European Review. 1960. Vol. 19. N 2. P. 289–291.

²² Фишер Дж.Ю.У. Две страсти. С. 211.

Известный советский социолог А. Г. Здравомыслов вспоминал: «В 1964 году, может быть, даже раньше, в Ленинград приехал американский социолог Джордж Фишер. Я ему рассказал о публикации своей книги “Проблема интереса в социологической теории”, где было написано кое-что и про теорию социального действия Парсонса, а именно, изложено, как я отношусь к его теории мотивации и т.д. Фишер говорит: “Давай мне книжку, я сейчас поеду к Парсонсу и ему изложу это все дело”, ну, так и произошло. В общем, удивительным для меня было то, что Парсонс откликнулся на эту публикацию своим письмом, довольно любопытным. Он оценил мои взгляды как недогматические, не отвергнул, а сказал, в том духе, что “очень интересные вещи вы написали, хотя мы на разных точках зрения стоим”, и “я готов продолжать дискуссию»»²³.

Результатом оттепели и поездок Фишера в Советский Союз стала новая книга “Наука и политика: новая социология в Советском Союзе”²⁴. Известный российский социолог, доктор философских наук Б.М. Фирсов высоко оценивает монографию Дж. Фишера. Он пишет: “Оптимистичными были выводы, к которым пришел американский политолог и социолог Дж. Фишер после серии своих поездок в послесталинский Советский Союз. Установив знакомства с молодыми учеными, вовлеченными в процесс создания новой науки, Фишер высоко оценил их энтузиазм и серьезность намерений. Он обратил особое внимание на практическую ориентацию всего корпуса советских наук, будь то естественные, социальные, гуманитарные дисциплины, включая искусства, твердо стоявшие на платформе социалистического реализма. Один из сквозных тезисов Фишера — интенсивная кристаллизация науки, которую в 1961 г. не смогли в полной мере установить Мертон и Рикен”²⁵.

В своей работе Дж. Фишер с симпатией пишет о молодых советских социологах. Он называет их очень способными пионерами советской социологии. По его мнению, они полностью соответствуют потребностям современной политики и являются активными советниками политических лидеров. По-видимому, они разделяют нетерпимость своих лидеров по отношению к сталинизму в политике. В то же время они занимаются поиском способов адаптации

²³ А.Г. Здравомыслов. Вехи научной биографии. Публикация подготовлена Е.А. Здравомысловой // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. № 3. С. 7.

²⁴ *Fischer G. Science and politics: the new sociology in the Soviet Union. N.Y., 1964.*

²⁵ *Фирсов Б.М. Как наводились мосты между советской и зарубежной социологией, или “self-made sociologists” // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2013. № 1. С. 168–169.*

советской системы к все более сложному обществу и быстро меняющемуся миру. Близость социологии к политике придает социологии новую роль, похожую, на феномен флюгера или барометра. Куда пойдет социология, возможно, туда пойдет и нация.

В 1967 г. Дж. Фишер выступает в качестве редактора и составителя коллективной монографии *"Science and Ideology in Soviet Society 1917–1967"*²⁶. XX в. иногда называют веком науки и идеологии. В своей работе, Дж. Фишер и его соавторы исследовали, как в Советском Союзе реагировали на взаимовлияние и взаимодействие идеологии и науки. Книга посвящена четырем различными областям науки: кибернетики, экономики, философии, социологии. Дж. Фишер считал, что именно, в этих научных дисциплинах наиболее ярко проявляются тенденции свойственные советской науке в целом, а также наиболее наглядно происходит взаимодействие идеологии и науки. По мнению Дж. Фишера, коммунистический строй общества не обязательно приводит к конфликту между наукой и идеологией.

Он обращает внимание на важные события, происходящие в Советском Союзе. В конце 1965 г. был напечатан пробный номер первого советского журнала по социологии — *"Социологические исследования"*. Вскоре, в Ленинграде, в феврале 1966 г. состоялся первый национальный симпозиум советских социологов. В нем приняли участие около 600 ученых. В том же месяце руководство Советской социологической ассоциацией перешло от ветеранов-философов и идеологов, создавших ее в середине 1950-х гг., к молодым социологам, наиболее активным в специализированных социальных исследованиях. Новым президентом Ассоциации стал молодой московский социолог Г.В. Осипов. Вскоре Академия наук СССР приняла специальное решение *"Об улучшении организации и координации социальных исследований"*.

Таким образом, по мнению Дж. Фишера, социологические исследования и передовые методы проведения исследований обрели легитимацию, которой они не обладали ранее. То же самое относится и к социологии как научной дисциплине. Фишер считает, что в советской *"новой социологии"*, между наукой и идеологией на самом деле может существовать больше гармонии, чем видится с Запада²⁷.

²⁶ *George R.T. de, Fischer G., Graham L.R., Levine H.S. Science & ideology in Soviet society / Ed. by George Fischer. N.Y., 1967.*

²⁷ *Fischer G. Sociology // George R.T. de, Fischer G., Graham L.R., Levine H.S. Science & ideology in Soviet society. P. 1–46.*

Авторы книги пришли к выводу, что в 1960-е гг. советская наука (или, по крайней мере, рассматриваемые здесь дисциплины) помогала поддерживать сложившуюся систему и ее идеологию, а не ослабляла их. Очевидно, что эссе, опубликованные в коллективной монографии, показывают, что конфликт между советской наукой и идеологией отнюдь не являлся неизбежным. Работа представляет интерес и сейчас, так как дает исследователям инструментарий для исследований способов взаимодействия науки и идеологии.

В 1968 г. Дж. Фишер публикуют работу “Советская система и современное общество”²⁸. Монография Дж. Фишера представляет собой анализ биографических данных высших штатных должностных лиц КПСС. Его выборка состоит только из 306 чиновников, занимавших партийные должности в 1958 и 1962 гг. Особый акцент Дж. Фишер делает на предыдущем карьерном росте партийных чиновников, в зависимости от того, когда они достигали тех или иных должностей.

Эта тема разрабатывается автором для подтверждения тезиса, что современные промышленные общества могут развиваться не только по плюрастическим моделям, с независимыми центрами власти, но могут развиваться и по централизованной модели, в которой политические чиновники, приобретают, а затем используют опыт полученных в различных сферах деятельности, главным образом в промышленности.

Историю советского общества Дж. Фишером делит на три периода: 1) ранний послереволюционный период, характеризующийся харизматическими лидерами, происходящими из рядов интеллигентов или полуинтеллигентов; 2) сталинская эпоха быстрой индустриализации, время лидеров — бюрократов; 3) период современного мира, который наступил в середине 1950-х годов и отличается востребованностью лидеров с экономическими знаниями, необходимыми для управления все более сложным обществом. Это этап, на котором для управляющих необходимы, как экономические, так и политические знания и опыт, так называемые “навыки двойного лидерства”.

В своей монографии, Дж. Фишер отстаивает тезис, что советская система, представляет собой альтернативную модель общественного устройства, которая в будущем будет существовать и конкурировать с плюралистическими моделями организации общества и производства.

²⁸ *Fischer G. The soviet system and modern society. N.Y., 1968.*

После увольнения из престижного Колумбийского университета Дж. Фишера пригласили преподавать в городском университете Нью-Йорка. Он принял приглашение и в основном занимался с аспирантами и докторантами. Дж. Фишер ценил свой опыт работы в городском университете. Он чувствовал самоуважение, работая в небогатом, “народном” университете, помогая добиться успеха не богатым студентам, выходцам из бедных, не элитарных семей. В Городском университете Нью-Йорка он помог борьбе против зажима новых веяний. “Однако и начальство извело меня порядочно”, — вспоминал Дж. Фишер. Он возненавидел нетерпимость в храме науки. Возненавидел “оруэлловский кошмар на длинном поводке”²⁹.

В эти же годы он проводит исследование о городском образовании в США. Рукопись осталась неизданной: “Городское высшее образование в Соединенных Штатах”. Он отметил бюрократизацию науки и процесса обучения, конформизм, нетерпимость критики, имитацию деятельности, невозможность студентов и преподавателей участвовать в управлении университетами.

В 1978 г. Дж. Фишер издал сборник очерков “Пути к самоуправлению. Между марксизмом и анархизмом”³⁰. Это главная и последняя книга Дж. Фишера. В этой работе он пытался воплотить свою мечту — “не писать как сирота”. Не писать для “галочки”. А писать искренне, честно, писать о том, что тебя волнует, затрагивает все движения души. Пережив яркие 60-е и застойные, по его мнению, 70-е прошлого века, он многие вещи переосмыслил. Эта книга рассказывает о терзаниях, мыслях, мечтах и переживаниях Джорджа, подводя итоги его жизни. Монография своеобразное интеллектуальное зеркало борьбы и душевной работы автора, на протяжении всей его жизни.

Это книга-исповедь, в которой автор с предельной честностью попытался рассказать о своем жизненном, пути о поиске ответов, на вопросы которые мучили и вдохновляли его на всем протяжении жизненного пути. Он предупреждает читателя, что тот не найдет в этой работе ответов на все вопросы. Скорее, больше появится вопросов, чем будет найдено ответов. Он пишет, что эта книга о его прошлом и сочетании теории и практики жизни. В тоже время не все идеи самоуправления и собственной биографии отражены в мо-

²⁹ Попов А.В. Джордж Фишер — странный странник или пять раз по четыре // Берега. Информационно-аналитический сборник о “Русском зарубежье”. 2004. № 3. С. 29.

³⁰ Fischer G. Ways to self rule. Beyond Marxism and Anarchism. N.Y., 1978.

нографии. Он выражает надежду, что возможно удастся сделать это в будущем.

Методология его исследования неординарна для исследователя. Обычно ученые ищут и открывают факты, закономерности и законы. Дж. Фишер наоборот старается искать и изучать процессы, с помощью которых мы создаем факты и законы. Необходимым для ученого навыком он считает умение переключить фокус исследования с описания, сбора эмпирических данных, логики и логической индукции на глубокий анализ. Он пытается с помощью аналитического метода искать вещи, которые не могут быть. Поэтому в своей работе он много пишет о том, что сделало бы иной образ жизни “мыслимым” и возможным. Что бы нам пришлось бы принять как должное, чтобы другая форма организации жизни стала понятной, естественной и обычной?

Монография Дж. Фишера состоит из шести глав (эссе). Первая глава “Вопрос науки” посвящена критике науки, как “священной корове” и “главной религии современности”. Значительное место в этой главе уделено идеологии и анализу взаимовлияний идеологии и науки.

Вторая глава “Выбор в социальных науках” рассматривает обществознание в целом и социологию в частности. Цель главы состоит в том, чтобы указать выбор для ученых, которые хотят выйти, как и Фишер, за пределы доминирующей научной структуры и теории.

Третья глава, посвящена реформе городских колледжей. В ней автор частично поддерживает и больше критикуют либеральные реформы в системе высшего образования США.

Четвертая глава “Против всех начальников” (Against all bosses) в работе Дж. Фишера, состоит из нескольких небольших очерков, связанных между собой общей темой — самоуправлением. Предваряя эссе, Д. Фишер пишет, что в Нью-Йорке и во всем мире за работающих людей все решают другие: начальники, политики, профсоюзные лидеры, пресса и т.д. Люди растят детей, делают свою работу, платят налоги, но ничего не контролируют, считает автор. Он видит лучшее будущее, когда люди будут объединены в сообщество свободных людей, когда они сами будут управлять своей жизнью, и смогут управлять своими больницами, школами, коммунальными службами. В этом же эссе Дж. Фишер рассказывает, на примере закрытого Нью-Йоркского городского университета, о волнующих его проблемах образования в США. Он считает, что городской университет, был возможностью, “дверью в будущее” для малообеспеченных жителей Нью-Йорка. Но работал университет,

не как демократическая институция, а как корпорация. Большая бюрократия и иерархия сверху вниз значили гораздо больше, чем голос и потребности студентов, преподавателей, сотрудников.

Дж. Фишер делится своими мыслями о смерти Мао Цзэдуна. Он ужасается зверствам Мао. Но в то же время считает, что Мао Цзэдун для развития самоуправления, сделал больше, чем все другие коммунистические правители. По мнению автора с Мао Цзэдуном умерла и его попытка соединить местное самоуправление с действительно социалистическими отношениями людей.

Также в этой части своей работы, Дж. Фишер рассказывает о деятельности: Национальной ассоциации соседей, Национальном конгрессе женщин соседок и других общественных организациях.

Пятая глава в книге “Самоуправление или 1984 год”. Автор считал это эссе, главным, своеобразным изложением своего кредо в отношении способов самоуправления. При подготовке главы он опирался на лучшее из учений анархизма, марксизма, а также на свои собственные мысли, чтобы представить современные перспективы самоуправления на широком историческом фоне.

В заключительном, шестом эссе, Дж. Фишер подводит выводы и обосновывает свою концепцию самоуправления. Его концепция самоуправления предполагает, что не существует такого понятия, как совершенство или конец истории. Она предполагает, что ничто из того, чего мы когда-либо достигнем, не будет совершенным. Мы стараемся идти к лучшему, но никогда не приходим к финишу, всегда проходим только часть пути. Можно уйти далеко, добиться успеха на некоторое время, а затем успех уйдет. Но это не означает, что мы потерпели поражение. Автор также обращает внимание на страх перед кооперацией и самоуправлением. В Америке он объясняется гениальным американским изобретением — длинным поводком. Всего один процент населения управляет политикой, экономикой, они же управляют остальными, держа их на длинном поводке. Людям дается большая свобода в частной жизни, но они отстранены, находятся на периферии политической и общественной жизни.

Дж. Фишер приходит к выводу, что гармония вытекает не из концентрации, а из сложной фрагментации. Истинная сложность означает не отдельные центры, а связанную сеть очень разнообразных, автономных групп. Обратная связь принимает форму федераций без установленных полномочий. В этом ракурсе самоуправления не должно рассматриваться как приз, который люди получают, а затем сохраняют в течение длительного времени.

Самоуправление не означает конец истории. Фишер видит самоуправляющееся сознательное сообщество не более чем, как одну из исторических возможностей. Каждое поколение будет выбирать из этих постоянно меняющихся возможностей и альтернатив. И каждое поколение сделает свой выбор исходя из собственного видения настоящего, а не в соответствии с выбором и желаниями прошлых поколений.

Самоуправление не обещает никаких сверхчеловеческих изменений или небес на земле. Каждое поколение вполне может снова увидеть пользу авторитарного правления, структурированного неравенства, иерархии всех видов. Концепция, которую отстаивает Дж. Фишер, напоминает о том, как медленно должно расти самоуправление. Это означает, что каждый шаг связан с сомнениями людей, их расколом. Чуть-чуть отодвинуть “1984” год означает простые вещи: демократия на рабочем месте, самоуправление в университете, власть в районе, личное освобождение. Советы Дж. Фишера указывают не просто на индивидуальность или просто общность, а на то и другое. Они указывают не на капитализм или социализм, а на смешанную систему. Не поклонение “священным коровам”, а активный выбор. Не решения элит, а эксперименты, и риски людей, свободных в своем выборе. Важно быть деятельным и честным везде: дома, в соседской общине, на работе. Мы должны быть реалистичны и полны фантазии, заботиться об общественном и индивидуальном развитии, уметь создавать баланс умственной и физической работы для всех. Мы должны решать повседневные проблемы и мечтать о будущем, жить всерьез и просто ради веселья, быть принципиальными и идти на компромисс.

Пять раз по четыре

В своей жизни Джордж Фишер выделяет пять четверок — пять раз по четыре. Это то, что во многом определило его жизнь и судьбу и то, что во многом помогает нам лучше понять его.

Первая четверка — это четыре национальности четыре возможных гражданства. Постоянные поиски себя — кто я немец, русский, американец, еврей?

Вторая четверка — это четыре книги, четыре идеи и четыре разных жизненных поприща. Первая книга “Советская оппозиция Сталину” (1952) посвящена второй мировой войне и послевоенной русской эмиграции. Вторая книга “Русский либерализм” (1958). Третья книга — труды о молодых послесталинских социологах в СССР “Наука и политика: новая социология в Советском Союзе” (1964)

и монография “Советская система и современное общество”. Четвертая книга “Пути к самоуправлению” посвящена вопросам возможности свободы, самоуправления.

Третья четверка — четыре большие связи с Россией, четыре жизни (1930-е, 1944–1945, 1960-е гг.): университетская работа, первая половина из 33 лет профессорства была посвящена России).

Четвертая четверка — четыре связи с русской эмиграцией (до-революционная, белая, вторая волна, третья волна).

Пятая четверка — духовное влияние: Э. Рузвельт, Э. Голдман, Ф. Кафка, М. Ганди³¹.

“Я барахтался в ртути своих часто менявшихся чувств, ощущений, поступков. Мои *американские горки* бросали меня то вверх, то вниз. То к взлетам восторга, то к спадам уныния. Но более всего барахтался в своей множественности — в русском-немце-еврее-американце всеобщем, в Марксе-Рузвельт-Ганди-Инанне, в страннике-мечтателе-мыслителе-бунтаре-сироте, в политике-природе-духе-книгах.

В этой неразберихе, во мраке моего спуска в преисподнюю помогли проблески *с поверхности*, извне. Пролески света со всего мира. Повсюду я узнавал себя”³².

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

5 лет Института по изучению истории и культуры СССР (1950–1955) / Отв. ред. М.А. Миллер. Мюнхен, 1955.

А.Г. Здравомыслов. Вехи научной биографии. Публикация подготовлена Е.А. Здравомысловой // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. № 3. С. 5–21.

В поисках истины. Пути и судьбы второй эмиграции: Сб. статей и документов // Материалы к истории русской политической эмиграции Вып. III / Сост. В.С. Карпов, А.В. Попов, Н.А. Троицкий; под общ. ред. А.В. Попова. М., 1997.

Вольф М. Трое из 30-х: история несозданного фильма. М., 1990.

Зиновьев А.А. Гомо советикус. Lausanne, 1982.

Попов А.В. Джордж Фишер — странный странник или пять раз по четыре // Берега. Информационно-аналитический сборник о “Русском зарубежье”. 2004. № 3. С. 25–30.

Попов А.В. Мюнхенский институт по изучению истории и культуры СССР и “вторая волна” эмиграции // Новый исторический вестник. 2004. № 1 (10). С. 54–70.

³¹ Попов А.В. Джордж Фишер — странный странник или пять раз по четыре // Берега: Информационно-аналитический сборник о русском зарубежье / Информационно-культурный центр “Русская эмиграция”. Т. 3. СПб., 2004. С. 29.

³² Там же. С. 30.

Социология в СССР: взгляд изнутри и извне в работах Геннадия Осипова, Джорджа Фишера, Ильи Земцова, Алекса Самиренко / Отв. ред. Ю.А. Голубицкий. М., 2008.

Трибунский П.А. Фонд Форда, фонд "Свободная Россия". Восточно-европейский фонд и создание "Издательства имени Чехова" // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. 2013. № 4. С. 577–600.

Фирсов Б.М. Как наводились мосты между советской и зарубежной социологией, или "self-made sociologists" // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2013. № 1. С. 8–24.

Фишер Дж.Ю.У. Две страсти. В поисках истины // Пути и судьбы второй эмиграции: Сб. ст. и документов. Материалы к истории русской политической эмиграции Вып. III / Сост. В.С. Карпов, А.В. Попов, Н.А. Троицкий; под общ. ред. А.В. Попова. М., 1997. С. 177–219.

Фишер Джордж (Fischer George) // Американские советологи [Для служебного пользования]. М., 1981.

REFERENCES

5 let Instituta po izucheniiyu istorii i kul'tury SSSR (1950–1955) [5 Years of the Institute for the Study of History and Culture of the USSR (1950–1955)] / Отв. ред. М.А. Миллер. Мюнхен, 1955 (in Russian).

A.G. Zdravomyslov. Vekhi nauchnoj biografii. Publikaciya podgotovlena E.A. Zdravomyslovoj [A.G. Zdravomyslov. Milestones in a Scientific Biography. Publication prepared by E.A. Zdravomyslova] // Zhurnal sociologii i social'noj antropologii. 1998. T. 1. N 3. S. 5–21 (in Russian).

Billington J.H. Russian Liberalism from Gentry to Intelligentsia // American Slavic and East European Review. 1960. Vol. 19. N 2. P. 289–291.

Firsov B.M. Kak navodilis' mosty mezhdu sovetsoj i zarubezhnoj sociologiej, ili "self-made sociologists" [How Bridges Were Built Between Soviet and Foreign Sociology, or "Self-Made Sociologists"] // Teleskop: zhurnal sociologicheskikh i marketingovykh issledovanij. 2013. N 1. S. 8–24 (in Russian).

Fisher Dzh.Yu.U. Dve strasti. V poiskah istiny [Two Passions. In Search of Truth] // Puti i sud'by vtoroj emigracii: Sb. st. i dokumentov. Materialy k istorii russkoj politicheskoy emigracii Vyp. III / Sost. V.S. Karpov, A.V. Popov, N.A. Troickij; pod obshch. red. A.V. Popova. M., 1997. S. 177–219 (in Russian).

Fisher Dzhordzh (Fischer George) [Fischer George] // Amerikanskije sovetologi [Dlya sluzhebnogo pol'zovaniya]. M., 1981 (in Russian).

Fisher G. The Russian Archive in Prague // American Slavic and East European Review. 1949. N 8. P. 289–296.

Fisher G. Soviet opposition to Stalin: a case study in World War II. Cambridge, 1952.

Fisher G. Russian liberalism, from gentry to intelligentsia. Cambridge, 1958.

Fisher G. Science and politics: the new sociology in the Soviet Union. N.Y., 1964.

Fisher G. American research on Soviet Society: guide to specialized studies since World War II. N.Y., 1967 (a).

Fisher G. Sociology // Science & ideology in Soviet society / Ed. by G. Fischer. N.Y., 1967. P. 1–46 (b).

Fischer G. The soviet system and modern society. N.Y., 1968.

Fischer G. Ways to self rule. Beyond Marxism and Anarchism. N.Y., 1978.

Fischer G. U. Insatiable. A story of my nine lives. Philadelphia, 2000.

Popov A. V. Dzhordzh Fisher — strannyj strannik ili pyat' raz po chetyre [George Fisher — a Strange Wanderer, or Five Times Four] // Berega. Informacionno-analiticheskij sbornik o "Russkom zarubezh'e". 2004. N 3. S. 25–30 (in Russian).

Popov A. V. Myunhenskij institut po izucheniyu istorii i kul'tury SSSR i "vtoraya volna" emigracii [The Munich Institute for the Study of the History and Culture of the USSR and the "Second Wave" of Emigration] // Novyj istoricheskij vestnik. 2004. N 1 (10). S. 54–70 (in Russian).

Sociologiya v SSSR: vzglyad iznutri i izvne v rabotah Gennadiya Osipova, Dzhordzha Fishera, Il'i Zemcova, Aleksa Simirenko [Sociology in the USSR: A View from Inside and Outside in the Works of Gennady Osipov, George Fisher, Ilya Zemtsov, and Alex Simirenko] / Otv. red. Yu. A. Golubickij. M., 2008 (in Russian).

Tribunskij P. A. Fond Forda, fond "Svobodnaya Rossiya". Vostochno-evropejskij fond i sozdanie "Izdatel'stva imeni Chekhova" [Ford Foundation, Free Russia Foundation. The East European Foundation and the Creation of the Chekhov Publishing House] // Ezhegodnik Doma russkogo zarubezh'ya imeni Aleksandra Solzhenicyna. 2013. N 4. S. 577–600 (in Russian).

V poiskah istiny. Puti i sud'by vtoroj emigracii: Sb. statej i dokumentov [In Search of Truth. The Paths and Fates of the Second Emigration: A Collection of Articles and Documents] // Materialy k istorii russkoj politicheskoy emigracii Vyp. III / Sost. V. S. Karpov, A. V. Popov, N. A. Troickij; pod obshch. red. A. V. Popova. M., 1997 (in Russian).

Vol'f M. Troe iz 30-h: istoriya nesozdannogo fil'ma [Three from the 1930s: The History of an Unmade Film]. M., 1990 (in Russian).

Zinov'ev A. A. Gomo soveticus [Homo Sovieticus]. Lausanne, 1982 (in Russian).

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

DOI: 10.24290/1029-3736-2026-32-1-55-83

ИНТЕГРАЦИОННАЯ ПАРАДИГМА ОРГАНИЗАЦИОННОЙ МОТИВАЦИИ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ ПРАКТИЧЕСКОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

В.П. Пугачев, докт. филос. наук, проф., зав. кафедрой управления персоналом факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова, Ломоносовский просп., д. 27, корп. 4, г. Москва, Российская Федерация, 119991*

В статье разрабатываются основы новой, интеграционной парадигмы организационной мотивации. Анализируются современные исследовательские подходы к мотивации, характеризуются их достоинства и дисциплинарная ограниченность, несоответствие потребности современного, цифрового общества в системном использовании всех важнейших детерминантов организационного поведения. Обосновывается необходимость разработки и практического использования новой, интеграционной парадигмы мотивационного процесса. главным императивом которой является рассмотрение организационной мотивации как целостного процесса детерминации и практической реализации поведения сотрудников, осуществляемого в их деятельности: живой и овеществленной, индивидуальной и коллективной, управленческой и исполнительской, конструктивной и деструктивной. Анализируются конституирующие установки интеграционной парадигмы, позволяющей отразить мотивационный процесс в его системной целостности, синхронии и диахронии, взаимодействии прошлых, настоящих и будущих (прогнозируемых) факторов, системно учесть все значимые для организации детерминанты поведения сотрудников. Раскрываются конструктивные возможности использования интеграционной парадигмы для теории и практики мотивационной работы.

Ключевые слова: мотивация персонала, организационная мотивация, мотивационная парадигма, система мотивации организации, деятельностный подход к мотивации.

* Пугачев Василий Павлович, e-mail: VPugachev@spa.msu.ru

INTEGRATION PARADIGM OF ORGANIZATIONAL MOTIVATION: CONCEPTUAL FOUNDATIONS AND POSSIBILITIES OF PRACTICAL USE

Pugachev Vasily P., Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Personnel Management, Faculty of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, 27 Lomonosovskiy Avenue, Bldg. 4, Moscow, Russian Federation, 119991, e-mail: VPugachev@spa.msu.ru

The article develops the foundations of a new, integrative paradigm of organizational motivation. Modern research approaches to motivation are analyzed, their advantages and disciplinary limitations, the discrepancy between the need of a modern, digital society in the systematic use of all the most important determinants of organizational behavior are characterized. The need for the development and practical use of a new, integrative paradigm of the motivational process is substantiated. The main imperative of which is the consideration of organizational motivation as an integral process of determination and practical implementation of the behavior of employees carried out in their activities: living and embodied, individual and collective, managerial and performing, constructive and destructive. The author analyzes the constitutive settings of the integration paradigm, which makes it possible to reflect the motivational process in its systemic integrity, synchrony and diachrony, the interaction of past, present and future (predicted) factors, and systematically take into account all the determinants of employee behavior that are significant for the organization. The constructive possibilities of using the integration paradigm for the theory and practice of motivational work are revealed. For this purpose, the need to develop a general integration model of the personnel motivation system, which is designed to reflect and represent all practically significant determinants of employee behavior, is substantiated, and the general contours of such a model are outlined. In the light of the integration paradigm, the categorical apparatus of the theory of organizational motivation is clarified and updated.

Keywords: personnel motivation, organizational motivation, motivational paradigm, organization motivation system, activity approach to motivation.

Одним из важнейших направлений управления любыми — коммерческими, государственными и общественными организациями является мотивация персонала. В современном, цифровом обществе значение конструктивной мотивации сотрудников неуклонно повышается. Именно она обеспечивает приверженность людей организации, ее целям и задачам, усердие в работе, готовность действовать для этого свой трудовой, в том числе интеллектуальный потенциал. Повышение значимости мотивации персонала для успеха современных организаций связано с воздействием целого ряда факторов. Важнейшие из них: растущая в ходе цифровой революции интеллектуализация труда, делающая традиционные формы мотивации, основанные на стимулировании и внешнем контроле

за работниками, все менее эффективными; повышение значимости инновационной деятельности, эффективность которой требует вовлеченности работника, его полной самоотдачи, “горения” новыми идеями; растущий дефицит высококвалифицированных работников на рынке труда, обострение глобальной конкуренции и в том числе, борьбы за таланты, победа в которой становится невозможной без создания для наиболее ценного персонала привлекательного мотивационного предложения и мотивационной среды, побуждающей к эффективной деятельности.

О несоответствии традиционного подхода к мотивации персонала, обычно сводящегося к материальному и, отчасти, нематериальному, моральному стимулированию, свидетельствуют и результаты эмпирических исследований. Хотя специальных исследований факторов, негативно влияющих на мотивацию персонала, (прежде всего, факторов деструктивной мотивации и оппортунистического поведения), практически нет, целый ряд исследований свидетельствует о необходимости разработки и использования нового концептуального подхода к теории и практике мотивационной работы. Так, согласно исследованию ВЦИОМ, если в 2016 г. 62% граждан страны считали, что повышение зарплаты — основной фактор роста производительности труда, то в 2023 г. таких людей стало 45%¹. Растущее значение неденежных факторов мотивации у россиян подтвердило и недавнее (результаты опубликованы 30.06.2025) исследование, согласно которому своей работой довольны 79% занятых, а получаемыми от своего труда доходами — только 56%². Это свидетельствует о значительном снижении мотивационной значимости денег, материального стимулирования и повышении роли других, нематериальных факторов. Согласно другим исследованиям, существенно меняются и требования к одному из главных мотиваторов — руководителю. Так, к примеру, в 2021 г. ВЦИОМ представил сравнительный анализ данных опросов россиян в 2014 и в 2021 гг. о качествах идеального руководителя по целому спектру позиций. В частности, согласно этим данным, в 2021 г почти половина россиян (47%) хотели бы иметь строгого начальника (66% в 2014 г.), а мягкого — только 13% (26% в 2014 г., 21% в 1989 г.)³. Это и другие исследования также показывает, как быстро изменяются и стано-

¹ Можно ли замотивировать и удержать работников с помощью доски почта? // Аргументы и Факты. 2023. 2 нояб. URL: aif.ru (дата обращения: 12.09.2025).

² Сайт ВЦИОМ. Аналитические обзоры. Работа и зарплата. URL: <https://wciom.ru/> (дата обращения: 12.09.2025).

³ Сайт ВЦИОМ. Аналитические обзоры. Идеальный босс. 2021. 3 ноября. URL: <https://wciom.ru/> (дата обращения: 03.09.2025).

вятся более разнообразными и значимыми другие, ранее не проявлявшие себя у большинства работников, мотиваторы.

Существенных изменений в понимании мотивации и организации мотивационной работы организации также требует смена поколений, вступление в активную жизнь поколения Z, у представителей которого более выраженными, чем у предшествующих поколений, становятся черты индивидуализма и в работе, и в жизни. Это поколение оценивает действительность достаточно скептически и реалистично. Для молодых (и уже не очень молодых) специалистов характерны цифровая подготовленность, высокая значимость цели трудовой деятельности, стремление к балансу между работой и личной жизнью, к гибким формам занятости и возможности удаленной работе, непрерывному обучению и развитию, ценность совместной и инклюзивной рабочей среды, предпринимательский образ мышления и др.⁴ Учет всего многообразия мотиваторов организационного поведения, изменение их структуры и субординации невозможны в рамках традиционного восприятия мотивационного процесса.

Мотивационные вызовы цифрового общества требуют от теории и практики организационной мотивации соответствующих научных разработок и практических действий. Однако в теории организационной мотивации, как это более детально будет показано ниже на примерах трактовки самого понятия мотивации, а также достоинств и ограниченности современных подходов к мотивации и мотивационной работе, не произошло должных качественных изменений, позволяющих адекватно отражать реалии цифрового общества и повышать эффективность практической мотивационной работы в соответствии с новыми возможностями. Несмотря на поистине огромное количество научных и научно-прикладных работ по проблемам мотивации, нынешнее состояние исследований в этой важнейшей области управления далеко не соответствует новым требованиям. Весьма наглядно это проявляется уже в категориальном аппарате теории мотивации и, прежде всего, в трактовке ее основополагающего, базисного понятия — «мотивация».

Отмечая большое количество порою слабо совместимых теорий мотивации в современной западной науке (около 50 теорий), Е.П. Ильин уместно приводит слова Д. Дьюсбери, о том, что «понятие «мотивация» используется обычно как мусорная корзина для разного рода факторов, природа, которых недостаточно

⁴ *Schroth H.* Are you ready for Gen Z in the workplace? // *California Management Review*. 2019. N 61(3). P. 5–18; *Dimock M.* Defining generations: where millennials end and generation Z begins. Washington, 2019.

ясна»⁵. Действительно, в российской и зарубежной специальной литературе под мотивацией понимаются порою самые различные явления, детерминирующие поведение людей и высших животных: от сложных психических процессов, совершающихся в их мозге, до различных внешних факторов, определяющих их поведение.

Неодинаковость и порою несовместимость трактовок целого ряда базисных категорий и концепций теории мотивации затрудняет их применение в практической работе, не позволяет создать целостную, интеграционную модель мотивационного процесса, которую можно было бы положить в основу управления системой организационной мотивации, учитывать с ее помощью разнообразные детерминанты деятельности сотрудников и тем самым повышать эффективность мотивационной работы.

Отмеченные выше методологические проблемы в области теории и практики мотивации и, прежде всего, трактовки категориального аппарата концепции мотивации, а также комплексного, системного учета различных детерминантов организационного поведения в практической управленческой деятельности определили **цель** настоящей статьи — на основе разрабатываемого автором нового, интеграционного подхода в понимании мотивационного процесса обосновать и представить важнейшие конституирующие установки интеграционной парадигмы организационной мотивации, определить возможности и основные направления ее использования в научной и практической работе по повышению эффективности управления сотрудниками.

Несоответствие нынешнего состояния теории мотивации персонала требованиям современного общества связано в первую очередь с разобщенностью основных направлений научных исследований, отсутствием общей методологической парадигмальной основы в понимании мотивации, позволяющей увязать различные подходы и концепции друг с другом, учесть важнейшие детерминанты организационного поведения в теории и практике мотивационной работы.

Исследовательские подходы к организационной мотивации

В современной науке можно выделить четыре главных научных и дисциплинарных подхода к исследованию мотивации: психологический, экономический, комплексный — экономико-психологиче-

⁵ Цит. по: Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. СПб., 2011. С. 17–18 и др.

ский, социологический⁶. Все они исходят из понимания мотивации как причины деятельности человека. Однако сами эти причины трактуются во многом по-разному, что затрудняет целостное восприятие этого феномена и негативно влияет на организацию практической мотивационной работы.

Пожалуй, наиболее широко представлен в научных исследованиях психологический подход к мотивации персонала. Это объясняется, прежде всего, тем, что непосредственным наиболее замечаемым детерминантом поведения человека является сознание (в том числе подсознание) и его составляющие. С точки зрения **психологического подхода** мотивация понимается как внутренняя, субъективная детерминация поведения и деятельности (в силу близости понятий поведения и деятельности между ними в дальнейшем не будет проводиться строгих различий) психический процесс, преобразовывающий внешние воздействия во внутреннее побуждения человека, “как совокупность движущих сил, побуждающих человека к определенным целям”⁷. Психологический подход, безусловно, необходим для изучения процессов детерминации поведения людей, однако он, отражая главным образом лишь субъективные, психические детерминанты человеческой активности, оставляет в тени ее объективные причины, связанные с влиянием на человека среды, практической деятельности. Методологической слабостью этого подхода является определенный отрыв сознания людей от их практической и иной деятельности, хотя, как это будет показано ниже, сознание и деятельность неразрывны.

Экономический подход, исходя из определенной картины человека как производителя и потребителя, обладающего определенным набором потребностей, по существу отождествляет мотивацию как причину поведения работника со стимулированием, которое трактуется как использование внешних факторов, побуждающих человека к деятельности, как “инструмент управления мотивацией человека посредством внешнего побуждения к активности через различные блага (стимулы), способные удовлетворить потребности человека”⁸.

⁶ Пугачев В.П. Теория и практика мотивации персонала в свете интеграционной парадигмы // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2024. № 2. С. 202–220.

⁷ Суловицкая Ю.Ю. Мадимухаметов М.Н. Понятие о мотивации в психологии // НИР/S&R. 2023. № 1 (13). С. 39.

⁸ Управление персоналом: учебник и практикум для прикладного бакалавриата / Под ред. А.А. Литвинюка. М., 2023. С. 14.

Многие годы экономический подход исходил из упрощенной картины потребностей работника, сводя их главным образом к материальным потребностям, сегодня же он обычно применяется как **экономико-психологический**, или, точнее, **стимуляционно-психологический подход**, который пытается совместить два вышеназванных подхода, учесть как внутренние, так и внешние детерминанты поведения работников в целях эффективного управления персоналом. В рамках этого подхода стимулирование понимается как “процесс и результат осуществления управленческих воздействий со стороны администрации предприятия. Мотивация — это процесс и результат принятия/не принятия этих управленческих воздействий и ответная реакция на них со стороны объекта управления, т.е. персонала”⁹. Стимуляционно-психологический подход преобладает в современной научной и теоретико-прикладной литературе по проблемам трудовой мотивации, а также среди специалистов-практиков.

Безусловно, объединение в стимуляционно-психологическом подходе к процессу детерминации трудовой деятельности психологического и экономического научных направлений, рассмотрение этого процесса в двух соответствующих ракурсах — психологическом и экономическом практически полезно. Однако такое совмещение двух вышеназванных подходов недостаточно научно обосновано, во многом механистично. Оно не дает целостного представления о мотивационном процессе, оставляя вне поля зрения многие важные аспекты теории и практики мотивационной работы, а также социальные детерминанты мотивации. Кроме того, отрывать мотивацию как состояние сознания человека от его деятельности, в том числе коллективной практической деятельности, связанной с работой коллективов (команд, рабочих групп) различного уровня, методологически неправомерно, поскольку сознание, как это будет более детально рассмотрено ниже, формируется и существует только в едином процессе деятельности.

Устранить некоторые из этих белых пятен в объяснении детерминации поведения людей удастся с помощью **социологического подхода**. Он ориентирует на изучение социальных явлений как органических, неотъемлемых компонентов всего общества как целостной системы, на учет при исследовании мотивационного процесса взаимодействия общества как макросистемы и образу-

⁹ Мазур А. В. Стимулирования труда: понятие, сущность и особенности стимулирования труда различных категорий персонала предприятия // Вестник ИЭАУ. 2019. № 25. С. 9.

щих его подсистем и их элементов. Этот подход требует анализа детерминирующего воздействия общества на личность, ее сознание и поведение, составляющих его социальных групп и индивидов, социальных институтов и сфер деятельности (экономика, политика, культура и др.), а также учета внутреннего мира человека, его ценностей, убеждений и установок, индивидуальной и коллективной активности, взаимовлияния личности и социальных систем различного уровня, составляющих общество как целое.

В рамках социологического подхода мотивация рассматривается как взаимодействие всех — как социальных, так и индивидуальных — детерминантов поведения людей, куда входят внешние и внутренние, объективные и субъективные, социальные и биологические детерминанты.

Рассматриваемая с точки зрения социологического подхода мотивация персонала (т.е. мотивация в широком значении этого слова, в узком — она ограничивается элементами сознания и подсознания) представляет собой весь процесс детерминации поведения людей, побуждающий их к определенным действиям (или бездействию)¹⁰. Мотивационный процесс как процесс детерминации организационного поведения включает две группы взаимодействующих факторов: **субъективные (субъектные)**, связанные с физиологией человека, его сознанием и подсознанием (когнитивная, мыслительная деятельность, психофизиологические качества, потребности, убеждения, ценности, установки, Я-концепция и т. п.), и **объективные** (ситуационные) — непосредственно не контролируемые личностью факторы среды.

Важным, практически значимым достоинством социологического подхода является также то, что он трактует мотивацию сотрудников как процесс и результат не только индивидуального, но и коллективного, группового влияния, воздействия на члена организации социальных систем более высокого по сравнению с межличностным взаимодействием уровня и в первую очередь организации как высоко интегрированной социальной системы.

Поистине огромное мотивационное влияние закрытых социальных систем на психику и поведение людей было подтверждено, в частности, в знаменитом Стэнфордском эксперименте Ф. Зимбардо, а также в его последующих исследованиях влияния порядков в тюрьме Абу-Грейб в Ираке на ее узников. Базируясь на анализе многочисленных эмпирических фактов, Зимбардо делает вывод, что

¹⁰ Мотивация трудовой деятельности: Учеб. пособие / Под ред. В.П. Пугачева. М., 2025. С. 6–10.

“система важнее всего... Власть Системы основана на официальном разрешении вести себя определенным образом или запрещать и наказывать действия, которые этому противоречат. <...> Оправданием для новых правил обычно становится идеология”¹¹.

Социологический подход, поскольку он связан с рассмотрением взаимовлияния различных подсистем и элементов общества, является наиболее сложным и многосоставным, и потому он сравнительно слабо разработан, в том числе применительно к мотивации членов организации, ее сотрудников. В области управления персоналом этот подход нашел свое применение в первую очередь в социологии труда, социологии организаций, социологии управления и экономической социологии. Применительно к мотивации персонала наиболее широко он используется в исследованиях мотивационного влияния организационного (институционального) порядка (прежде всего, ролевого влияния), рабочей группы (трудового коллектива), организационной культуры, трудового сознания и некоторых других факторов, детерминирующих поведение работников. В целом же эвристические и интеграционные, целостно объединяющие другие подходы возможности социологического подхода применительно к организационной мотивации пока используются явно недостаточно.

Обобщая вышесказанное, можно констатировать, что использование рассмотренных выше и некоторых других научных подходов позволяет вывить и учесть в теории и практике организационной мотивации целый ряд важнейших аспектов процесса детерминации деятельности работников. Однако простое, механическое соединение научных подходов и методов, не позволяет отразить мотивационный процесс во всем его многообразии и целостности, дает лишь фрагментарные знания¹².

Некоторые авторы предлагают устранить эти и другие слабости отдельных дисциплинарных и более частных подходов к мотивационному процессу с помощью интеграционного (интегрального) подхода. Так, В.И. Маршев анализирует основные черты интегрального подхода, в том числе отображения в его рамках системы управления, а также проблемы его разработки и использования применительно

¹¹ Зимбардо Ф. Эффект Люцифера. Почему хорошие люди превращаются в злодеев. М., 2023. С. 358–359 и др.

¹² Ищенко М.М. Прогнозирование и формирование мотивационной парадигмы управления на основе социально-психологических факторов // Россия и мир: развитие цивилизаций. Преобразования цивилизационных ценностей в современном мире: Материалы XI международной научно-практической конференции: В 2-х ч., Москва, 21–22 апреля 2021 года. М., 2021. С. 120–124.

к управлению организацией¹³. Однако концептуальной разработки применительно к процессу организационной мотивации и системе управления ею интеграционный подход пока не получил.

Отсутствие такого рода разработок обусловлено, прежде всего, сложностью процесса управления человеком вообще, и группы работников в частности, необходимостью учета и системной увязки множества факторов детерминации поведения сотрудников: субъективных и объективных, индивидуальных и коллективных, внутриорганизационных и внешних, ситуационных. Интегрировать и учесть достижения различных научных подходов к мотивационному процессу, найти для разнообразных знаний и парадигм “общий знаменатель”, системно и целостно отразить и упорядочить их позволяет, на наш взгляд, деятельностный подход.

Деятельностный подход как методологическая основа интеграционной парадигмы мотивации

Деятельностный подход позволяет использовать и целостно, органично (не механически) объединять, интегрировать все вышеназванные междисциплинарные и другие подходы к мотивации, представляя все компоненты мотивации как социального феномена в сопоставимой деятельностной форме, оперировать ими и систематизировать их, переводить теоретические установки и рекомендации в практическую работу.

Этот подход исходит из рассмотрения любых социальных явлений и процессов как различных компонентов и видов овеществленной (прошлой) и “живой” (настоящей), материальной (практической) и идеальной (мыслительной, когнитивной) деятельности. Деятельность — это мельчайшая клеточка, своего рода универсальный “строительный кирпичик” любого социального организма, любых социальных явлений. Причем эта клеточка далее неделима, не разлагаема без утраты людьми, их объединениями и отношениями своей качественной определенности именно как социальных явлений. И с этой точки зрения любые социальные и в том числе мотивационные феномены выступают как компоненты и виды опредмеченной и “живой” деятельности.

Это относится и к сознанию, и, соответственно, к психологической мотивации человека. Как писал один из создателей теории деятельности академик А.Н. Леонтьев, психика, сознание личности — «это не плоскость, даже не емкость, заполненная образами

¹³ Маршев В.И. История управленческой мысли. Уч. М., 2024. С. 755–758 и др.

и процессами. Это и не связи отдельных его “единиц”, а внутреннее движение его образующих, включенное в общее движение деятельности, осуществляющей реальную жизнь индивида в обществе. Деятельность человека и составляет субстанцию его сознания»¹⁴. Само сознание и мотивы поведения личности можно понять лишь рассматривая их в системе ее индивидуальной и коллективной, материальной и идеальной, прошлой, настоящей и будущей (планируемой) деятельности.

С точки зрения деятельностного подхода **организационная мотивация понимается как социально и индивидуально, объективно (ситуационно) и субъективно (психически) обусловленный процесс и результат взаимодействия множества разнообразных индивидуальных (отдельные работники), в том числе когнитивных и коллективных деятельностей, сложное институционально оформленное и регулируемое взаимодействие руководителей, сотрудников и внешних агентов, непосредственно влияющих на персонал. В рамках этого сложного, многосоставного процесса функционирует индивидуальное и коллективное сознание, формируются, реализуются и изменяются мотивы деятельности сотрудников**¹⁵.

Деятельностный подход может служить методологической базой дальнейшего развития теории мотивации и совершенствования на этой основе практики мотивационной работы. Проявляющиеся в рассмотренных выше основных подходах к мотивации сегодняшние узко дисциплинарные, во многом фрагментарные представления о детерминации организационного поведения нуждаются в основательном критическом анализе и пересмотре, в концептуальном, парадигмальном развитии.

Интеграционная парадигма в теории и практике мотивации

О необходимости глубоких, принципиальных изменений в самом понимании мотивации в науке и практической работе говорят сегодня многие ученые-специалисты. Как отмечает один из современных “классиков” теории мотивации и менеджмента персонала Райнхард Шпренгер (в западно-европейской литературе его называют “классиком” без кавычек), преобладающие среди ученых и руководителей-практиков многие десятилетия представления о мотивации (мотивировании) как ориентированном на потребности

¹⁴ Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1976. С. 175.

¹⁵ Пугачев В.П. Управление свободой. М., 2025. С. 22–23 и др.

людей внешнем стимулировании сегодня все чаще демонстрируют свою несостоятельность, а практическое применение этого постулата демотивирует наиболее квалифицированных работников. На современных предприятиях мотивирование, внешнее стимулирование разрушает ценностные основы мотивации, приводит к демотивированию, внутреннему увольнению, поскольку оно фактически является разновидностью манипулирования, основано на недоверии к людям, исходит из предположения, что “все работники — обманщики. Они утаивают от работодателя часть рабочей силы, которую тот оплачивает... Система мотивирования есть недоверие в ранге методики”¹⁶.

Не только Р. Шпренгер, но и другие ученые отмечают растущую несостоятельность господствующей сегодня концептуальной модели мотивационного процесса в организации, говорят о необходимости перехода к новой парадигме мотивации. Так, А. Ребров на основе обобщения ряда исследований делает вывод о том, что “содержащееся в современной литературе по проблемам мотивации бесконечное разнообразие подходов, моделей и стимулов роднит общая парадигматика: работника можно и нужно мотивировать к более эффективному труду. Для этого необходимо выделить актуальные потребности работника и удовлетворить их. И ответ на поставленный вопрос напрашивается сам собой — надо научиться правильно удовлетворять потребности работников и увязать это удовлетворение с результатами работы. <...> Однако опытный руководитель-практик почувствует в этом месте подвох. Что-то неправильно в парадигме бесконечного удовлетворения потребностей работника”¹⁷.

Отдельные исследователи, констатируя необходимость изменения доминирующей в наши дни парадигмы мотивации, пытаются наметить некоторые черты новой парадигмы. Так, по мнению Л.Н. Смирновой, формирование новой парадигмы мотивации требует изменения “ценностной парадигмы, ориентированной на духовность. Это означает переход от развития технологической мощи к ценностям познавательным и нравственным, создающим поле духовности”¹⁸.

¹⁶ Шпренгер Р. Мифы мотивации. Выход из тупика. Калуга, 2004. С. 46–47. См. также: Sprenger R.K. Mythos Motivation: Wege aus einer Sackgasse. Zürich, 2014. S. 24–25.

¹⁷ Ребров А. Влияние структуры мотивации работника на результативность труда: новая парадигма в управлении мотивацией. Saarbrücken, 2011. С. 6.

¹⁸ Смирнова Л.Н. Актуальные аспекты смены мотивационной парадигмы // Лесной вестник (1997–2002). 1999. № 3.

Анализ целого ряда работ свидетельствует о растущем признании учеными-специалистами необходимости смены самой модели восприятия мотивационного процесса и разработке его новой парадигмы. Однако до сих пор такая, интеграционная парадигма мотивации, позволяющая охватить процесс мотивирования в его целостности, не сформулирована сколь-нибудь определенно, что тормозит развитие теории и практики мотивационной работы¹⁹. Обновление мотивационной парадигмы является первым и, пожалуй, самым важным шагом на пути развития теории и практики мотивации персонала в соответствии с требованиями цифрового общества.

Термины “парадигма” и, особенно, “мотивационная парадигма” употребляются различными учеными очень неоднозначно, что тормозит позитивную разработку этой проблематики. В научной литературе анализируются различные значения термина “парадигма”²⁰. В данной статье в соответствии с преобладающей в мировой науке традицией, восходящей к Т. Куну, парадигма будет пониматься как *методологически обоснованная модель (квинтэссенция, образец, стандарт) восприятия и осмысления действительности, интерпретации и оценки фактов и событий, постановки целей и задач, построения практической деятельности.*

Термины “парадигма” и “мотивационная парадигма” применимы к различным областям и уровням деятельности людей. Так, например, в литературе по проблемам мотивации представлены работы, посвященные мотивационным парадигмам в сферах высокотехнологичных организаций²¹, услуг²², обучения студентов эконо-

¹⁹ Как отмечает М.М. Ищенко “На нынешнем этапе развития общества мотивационная парадигма развития менеджмента приобрела важное теоретическое и практическое значение, так как решение задач, которые стоят перед обществом, возможно только при условии создания надлежащей мотивационной основы” (Ищенко М.М. Прогнозирование и формирование мотивационной парадигмы управления на основе социально-психологических факторов // Россия и мир: развитие цивилизаций. Преобразования цивилизационных ценностей в современном мире. М., 2021. С. 124).

²⁰ Анализ во многом различных трактовок термина “парадигма”: от философов древней Греции и средневековья до Т. Куна, М. Лакатоса, М. Фуко, Ю. Хабермаса и других современных исследователей содержится в работе: Котенко В.П. Парадигма как методология научной деятельности // Библиосфера. 2006. № 3.

²¹ Глуценко В.В., Мусатова О.А., Мишутин С.А. и др. Парадигма формирования политики мотивации персонала высокотехнологичной организации // Бюллетень науки и практики. 2019. Т. 5. № 1. С. 264–281.

²² Памятушева В.В. Формирование мотивационной парадигмы развития менеджмента в сфере услуг // Научный вестник МГИИТ. 2012. № 4 (18). С. 52–58.

мических вузов²³, на предприятиях железнодорожного транспорта²⁴ и др. Достаточно широкая трактовка мотивационной парадигмы распространена и в западной литературе. Так, к примеру, немецкий исследователь Г. Шух называет классическую концепцию мотивации К. Альдерфера “эмпирически фундированной мотивационной парадигмой”²⁵.

Специальный анализ трактовки терминов “парадигма” и “мотивационная парадигма” выходит за рамки цели настоящей статьи. В нашем исследовании термин “мотивационная парадигма” характеризует высший уровень любой организации (коммерческой, государственной, общественной), т.е. уровень организации как целостного социального организма, системы, а не более низких, подчиненных уровней и сфер деятельности. Такая, системная парадигма мотивационного процесса в организации в литературе пока не представлена, хотя, на наш взгляд, в первую очередь она необходима для научной организации управления мотивацией персонала в современных компаниях и государственных учреждениях²⁶.

Применительно к мотивации персонала организации парадигма — это концептуально обоснованная модель восприятия и осмысления процесса детерминации организационного поведения людей, его различных составляющих в их целостности и взаимодействии, а также соответствующего построения мотивационной работы. **Интеграционная парадигма требует восприятия мотивации как целостного процесса детерминации и практической реализации организационного поведения сотрудников, осуществляемого в их субъект-субъектной (т.е. не только воздействия руководства на сотрудников, но и работников на руководителей), индивидуальной и коллективной, конструктивной и деструктивной деятельности в определенной среде (ситуации), в ходе которой формируются и реализуются их мотивы.** Она ориентирует на рассмотрение мотивационного процесса в организации в его целост-

²³ Арутюнян В.С. Мотивационная парадигма обучения студентов экономических вузов в период нестабильности мировой экономики // Самоуправление. 2022. № 2(130). С. 177–181.

²⁴ Гладышева Э.Г. Современная парадигма мотивации персонала на предприятиях железнодорожного транспорта // Вестник университета. 2011. № 21. С. 30–31.

²⁵ Schuh G. Gestaltung eines Anreizsystems für den Produktionsstandort Rumänien // Zeitschrift für wirtschaftlichen Fabrikbetrieb. 2011. Vol. 106. N 5. S. 295.

²⁶ Пугачев В.П. Интеграционная парадигма в исследовании системы организационной мотивации и в практике мотивационной работы // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. Научно-практический журнал. 2019. № 3. С. 33–38.

ности, учета всего многообразия непосредственных детерминантов поведения людей, их стихийного воздействия и сознательного использования, а также соответствующего построения практической мотивационной работы.

Эта, новая парадигма исходит из широкой трактовки мотивации как сложного процесса детерминации поведения людей в организации, целостного, системного взаимодействия самых различных факторов, непосредственно влияющих на поведение человека. В современной же научной литературе в соответствии с различными подходами к мотивации преобладают относительно узкие, односторонние трактовки мотивации. Поэтому для своего развития и практического применения эта, новая парадигма требует критического анализа и существенного обновления самой теории организационной мотивации и ее категориального аппарата.

Трактовка основополагающих категорий концепции мотивации в свете интеграционной парадигмы

Центральным императивом интеграционной парадигмы является принцип целостности, наиболее полно представленный в системном подходе. Исходным категориальным воплощением этого подхода применительно к организационной мотивации является **понятие системы мотивации персонала организации**. Эта базисная для теории и практики организационной мотивации категория нуждается в переосмыслении в свете интеграционной парадигмы и лежащего в ее основе деятельностного анализа различных элементов процесса детерминации организационного поведения с целью их целостной концептуальной интеграции и практического использования в управлении персоналом.

Хотя термин “система мотивации персонала” широко распространен среди ученых и специалистов-практиков, используется он крайне неоднозначно. Одни авторы отождествляют систему мотивации с “комплексом материальных и нематериальных стимулов, призванных обеспечить качественный и производительный труд работников, а также привлечь в компанию наиболее талантливых специалистов и удержать их”²⁷; другие (это преимущественно практики) — с системой стимулирования — совокупностью стимулов, принципов, норм и механизма их использования в их целостности, а также учреждений и лиц, занятых этого рода деятельностью;

²⁷ Официальный сайт “HR-Portal” — сообщество HR-менеджеров. URL: <http://hr-portal.ru/varticle/cistema-motivacii> (дата обращения: 03.01.2025).

третьи (В.М. Жигалов²⁸) — включают в эту систему три ключевые подсистемы: внутренней мотивации, внешней мотивации и подсистему оценки. Однако и в последнем, третьем случае, существенно углубляющем понимание системы мотивации персонала, вне этой системы остаются многие элементы мотивационного процесса.

Общей слабостью подавляющего большинства трактовки системы мотивации персонала является то, что они применяют сам термин “система” достаточно произвольно, не учитывая его специфического содержания, связанного с использованием системного метода анализа общественных явлений. Современная наука различает два типа принципиально отличающихся систем: материальные (физические²⁹) и абстрактные³⁰.

Первые, физические системы представляет собой реально существующие целостные комплексы взаимодействующих со средой материальных объектов — именно к ним относятся основные характеристики системного подхода, вторые же, абстрактные системы являются продуктом человеческого мышления, служат инструментом познания и классификации различных, в том числе несистемных по своей природе явлений. В этом, последнем случае термин “система” по существу является синонимом слова “комплекс”.

Учет специфики и принципиальных различий систем необходим для эффективного управления организациями. Очевидно, что управлять можно лишь реальными, физическими системами, обладающими реальной, органической целостностью. Такие системы живут и развиваются по своим собственным законам независимо от нашего мышления и сознания. Учитывать это необходимо и при определении системы мотивации персонала, которая является материальной, физической, реально существующей системой. Характеризуемая в этом ракурсе, она представляет собой целостное, интегративное объединение составляющих ее элементов, или же совокупность элементов и связей между ними, которые образуют единое организационное целое, находящееся во взаимодействии с окружающей средой.

Непосредственной, внутренней средой системы мотивации персонала является организация, все ее другие подсистемы: произ-

²⁸ Жигалов В.М. Управление системой мотивации персонала сервисных предприятий: Дисс. ... канд. эконом. наук. СПб., 2009.

²⁹ Optner S.L. System analysis for business and industrial problem solving; Оптнер Л. Системный анализ для решения деловых и промышленных проблем. М., 1969. URL: Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. 01.09.2012. URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/5775> (дата обращения: 17.04.2025).

³⁰ Философский энциклопедический словарь. М., 1989. С. 611.

водственная, маркетинговая, финансовая и др. Система мотивации персонала является открытой. Это, а также ее сложный, многосубъектный и многоуровневый состав обуславливают разнообразие сегментов ее среды, охват ею факторов макро-, мезо- и микросреды, к примеру, ситуации на рынке труда и в экономике в целом, законов и политик государства, решений местных органов власти, воздействия институтов социализации, членов семей сотрудников, их друзей, окружения и т.д., влияющих на их потребности, ценности, ожидания и компетенции. Многомерность среды системы организационной мотивации предполагает субординацию ее различных сегментов, плоскостей с точки зрения опосредованности и неодинаковости их влияния на мотивацию сотрудников.

Система мотивации персонала реально существует как составная часть, подсистема системы более высокого уровня — **системы персонала (кадровой системы) организации**, потребности которой она предназначена удовлетворять и целям которой она призвана служить (хотя не все ее элементы и не всегда делают это), выполняющая в ней определенные функции.

Формально и неформально организованные работники и их объединения, рассматриваемы с точки зрения формирования и проявления побудительных сил их деятельности, детерминации их организационной активности (и пассивности) являются основными, первичными, физически неделимыми элементами системы организационной мотивации — одной из подсистем кадровой системы организации как целого. Элементов кадровой системы организации много, и сами они иерархически организованы, прежде всего, в соответствии с организационной структурой предприятия (учреждения), его формализованными линейными и функциональными подсистемами разного уровня, должностными позициями и ролями.

Сотрудники, их объединения, в том числе их руководители, выступают элементами не только системы мотивации, но и всей организации как системы, рассматриваемой в ее человеческом аспекте, а также и других систем организации: производственной, технической, финансовой и т.д. Любая из таких подсистем не существует без людей как мельчайшей, далее неделимой клеточки и движителя всего социального организма, как источника и носителя любой социальной активности.

Сотрудники выступают элементами системы мотивации персонала в двух главных аспектах (и соответствующих измерениях): как личности и члены определенных групп, социально-психологиче-

ских общностей и как носители определенных должностей, исполнители соответствующих ролей, т.е. как элементы формальной организации, институтов³¹. Работая в организации, человек, обладая разнообразными качествами, входит в систему мотивации персонала не полностью, а лишь частично, в своих определенных аспектах, выполняя в системе организации соответствующие функции.

Структура системы мотивации персонала как совокупность элементов и связей между ними, как инвариантный аспект системы, включает всех работников организации, их различные, в первую очередь формальные, но и неформальные объединения как элементы системы, а также институционально упорядоченные устойчивые связи и отношения между ними, в том числе сложные отношения каждого со всеми в рамках различных уровней организации и ее многочисленных подсистем.

Система мотивации **многосубъектна и многополярна**. Это значит, что не только администрация (руководители и службы персонала), но и каждый сотрудник, поступающий в организацию и работающий в ней, имеет определенную, свою личностную, субъективную мотивацию, стремится реализовать в организации собственные интересы, в том числе воздействуя по разным каналам на руководство. Там, где развита производственная демократия, система мотивации имеет институционально представленную двуполярность, которая наиболее ярко выражена в системах социального партнерства, где в органах управления компании представлены как администрация, так и трудовой коллектив.

В свете этого, по крайней мере применительно к современным компаниям с развитой производственной демократией, следует отказаться от широко распространенных упрощенных представлений, согласно которым мотивация (мотивирование) представляет собой иерархический однонаправленный процесс, идущий от собственников и представляющих их руководства к наемным работникам как носителям определенных наборов потребностей и что субъектом мотивации (и соответственно элементом системы организационной мотивации) являются лишь органы управления, руководители и службы персонала, а остальные же работники выступают в роли пассивного объекта денежного и неденежного стимулирования, действующего по принципу: стимул — реакция и по существу лишённого возможности воздействия на мотивационный процесс. Хотя, конечно же, в традиционном производстве, да и на многих современных предприятиях, для таких представлений есть основания,

³¹ Пригожин А.И. Организации. Системы и люди. М., 2021. С. 72 и др.

поскольку ресурсы мотивирующего влияния наемных работников (особенно если они плохо организованы) часто невелики и возможности их воздействия на администрацию очень ограничены. И все же такие возможности всегда имеются и могут проявляться, например, в пассивности, абсентеизме, внутреннем увольнении, деструктивной деятельности, забастовках, ухода с предприятия и т.п.

В современной организации с развитой производственной демократией, влиятельными профсоюзами, сплоченным коллективом и сильными неформальными отношениями) реальные мотивы деятельности персонала, их формирование и реализация — это результат “встречи” и взаимодействия, прежде всего, двух сторон — работников и администрации, а также интенсивности и психологической значимости взаимодействия каждого сотрудника со всеми в рамках формальных и неформальных групп и межличностного общения. Эти мотивы формируются и реализуются как динамический баланс различных по силе и направленности побуждений, их результирующая, установившаяся в сознании, реализующаяся в практической деятельности и подтверждающаяся и воспроизводящаяся (или, напротив, не подтверждающаяся, ослабевающая и утрачивающая поведенческую значимость) под влиянием практического опыта людей.

Как и кадровая система в целом, система мотивации персонала, имеет обладающее властью и ресурсами **управленческое ядро — подсистему (систему) управления мотивацией**. Она представляет собой обладающий властью комплекс субъектов, институтов и ресурсов, осуществляющих систематическое мотивирование сотрудников, побуждение их к поведению, необходимому для реализации целей организации. Иными словами, система управления мотивацией — это совокупность взаимосвязанных факторов: субъектов мотивирования (руководители, службы персонала, органы производственной демократии и др.), обладающих властью и ресурсами влияния, а также институтов, принципов и норм их использования, т.е. по существу это система стимулирования (в том числе антистимулирования, наказания), мотивирования целенаправленной организационной деятельности. Специальный анализ категориального аппарата теории мотивации в свете интеграционной парадигмы не является целью настоящей статьи и требует отдельного специального рассмотрения. Однако, не вызывает сомнения, что такой анализ будет способствовать более точному и глубокому изучению мотивационного процесса и повышению эффективности управления им за счет учета всего многообразия детерминантов организационного поведения и в том числе различных по своей направленности видов деятельности.

Деструктивная и исполнительская деятельность в системе мотивации

Трактовка в рамках интеграционной парадигмы системы мотивации персонала как взаимодействия облеченных властью и обладающих ресурсами влияния субъектов позволяет включить в общую для организации систему мотивации не только мотивирующие управленческие действия администрации, но и другие непосредственно неконтролируемые ею факторы, как официально не запрещенные, но не желательные для нее инструменты мотивирующего воздействия работников на администрацию (работа по правилам, забастовка и т.п.), так и теневые, скрытые проявления деструктивной мотивации (внутреннее увольнение, абсентеизм, саботаж, коррупция, злоупотребления служебным положением, различного рода интриги и т. п.)³²

В рамках традиционных воззрений (и стимуляционно-психологической парадигмы мотивации) за пределами специального мотивационного анализа и мотивационной политики организации остается деструктивная и особенно микрополитическая мотивация и активность работника. Неудачи стимулирования воспринимаются как пассивность, нежелание сотрудника добросовестно работать вследствие наличия у него демотивации, влияния более значимых для него мотивов или антистимулов.

Однако современный работник обладает разнообразными знаниями, развитым самосознанием и способностью к критическому анализу. Он является не только исполнителем организационных ролей, предписаний и указаний руководства, но и активным субъектом, стремящимся с помощью собственной часто скрытой деятельности реализовать свои личные интересы в том числе за счет и в ущерб организации. Это делается посредством **микрополитики** — устойчивой целенаправленной деятельности руководителей и других сотрудников, нацеленной на реализацию с помощью влияния на власть, организационный порядок и распределение ресурсов личных интересов, противоречащих официальным целям, ценностям и нормативным документам организации³³.

Использование интеграционной парадигмы мотивации предполагает не только введение в поле целостного, системного научного

³² Аброськин П.Н. Формирование деструктивной управленческой мотивации в экономической политике и предпринимательстве // Вестник МНЭПУ. 2019. № 5 2. С. 5–8.

³³ Пугачев В.П. Деструктивная деятельность в современном обществе. Saarbrücken, 2014. S. 238–245.

анализа и учета в практической работе деструктивной мотивации и деструктивной активности работников, но и обеспечивает более глубокое понимание механизма формирования и реализации мотивов за счет включения в систему мотивации организации **исполнительской деятельности**.

В научной литературе вхождение в систему мотивации персонала исполнительской деятельности до сих пор не нашло своего должного адекватного концептуального отражения. Систему мотивации персонала обычно отождествляют лишь с системой управления мотивацией (или с системой субъективной, психической мотивации и стимулирования), т.е. не включают в систему мотивации исполнительскую производственную, сервисную и административно-организаторскую деятельность.

В этой связи уместно вспомнить, что некоторые классики теории мотивации, исходя из обобщений практического опыта и опережая ее общую теорию, включали не только руководящую, стимулирующую, но и исполнительскую деятельность в мотивационный процесс. Так, например, в теории Б. Скиннера актуальная мотивация связывается с оценкой работниками прошлого опыта подобной деятельности, в теории ожиданий В. Врума — с уверенностью в достижении цели и получении желаемого результата, в общей модели мотивации Э. Лоулера и Л. Портера — с осмыслением организационной ситуации, привлекательностью вознаграждения, определением вероятности достижения цели, с величиной требуемых усилий, ролевыми требованиями, оценкой достигнутых результатов и справедливости вознаграждения. Таким образом, у этих авторов **прошлая, настоящая и будущая, предполагаемая исполнительская деятельность включена в объяснение мотивов, движителей, т.е. непосредственных детерминантов поведения работников**.

Включение в систему организационной мотивации исполнительской деятельности необходимо также для понимания формирования и воспроизводства мотивационной сферы сознания работников (субъективной мотивации), поскольку, как уже отмечалось, только в деятельности формируются и реализуются субъективные детерминанты их поведения.

Возможности использования интеграционной парадигмы в теории и практики мотивационной работы

Конструктивные возможности использования интеграционной парадигмы для разработки и систематизации категориального аппарата концепции мотивации никак не исчерпываются переосмыс-

лением и уточнением ее рассмотренных выше базовых категорий. Научно-теоретические и прикладные эвристические возможности общих установок интеграционной парадигмы весьма широки. Трактую организационную мотивацию как весь процесс детерминации организационного поведения сотрудников, мотивационная парадигма позволяет включить в поле научных исследований и практической управленческой работы все составляющие этого процесса и тем самым повысить эффективность мотивационной работы. Не претендуя на завершенность суждений и окончательность выводов, можно утверждать, что **применение этой парадигмы в единстве ее методологической и практико-ориентированной, прикладной, составляющих позволяет:**

- учесть и интегрировать в управлении мотивацией наработки всего комплекса наук, исследующих детерминацию организационного поведения работников: социологии, экономики, психологии и др.;

- преодолеть ограниченность традиционных упрощенных представлений о мотивации персонала организации (но не отказываясь от них полностью), по существу представляющих детерминацию поведения работников в духе бихевиоризма по принципу “стимул — реакция” или необихевиоризма, признающего психологическую опосредованность этого взаимодействия и трактующего мотивационную работу как тщательный контроль за персоналом на базе учета его потребностей;

- по-новому переосмыслить и уточнить основные категории теории мотивации персонала, приблизить их к реальности, сделать их операционализируемыми, т.е. сводимыми к конкретным, эмпирически проверяемым явлениям. С помощью применения деятельностного и системного подходов создается возможность для представления управленческих задач, путей и способов их решения в форме технологий, позволяющих переводить научные разработки в алгоритмизируемые практические действия;

- расширить представления о субъектах мотивации, рассматривая мотивационный процесс как взаимодействия различных институционализированных (администрация, руководители, службы персонала, советы трудовых коллективов, отдельные сотрудники как носители определенных организационных ролей и т. п.) и неинституционализированных (неформальные группы и отдельные работники) акторов. Многосубъектный подход к мотивации позволяет учесть в управленческой деятельности двуполярность (администрация — работники) и даже многополярность системы

организационной мотивации, в рамках которой ее субъекты преследуют собственные индивидуальные и коллективные интересы, которые могут в разной степени совпадать с интересами организации. Такой подход открывает для исследователей и специалистов-практиков новые возможности в повышении эффективности мотивационной работы за счет выявления и учета интересов, целей и действий, в том числе скрытых, всех субъектов мотивационного процесса;

- включить в систему мотивации персонала и учесть в научных исследованиях и практической работе не только управленческую, но и исполнительскую деятельность сотрудников, в которой формируются и реализуются мотивы их деятельности, формируется их опыт, и мотивационное влияние которой на настоящую и будущую работу обычно не заметно для руководителей. Разрыв между управленческой и исполнительской работой, управлением и исполнением может свести на нет все усилия по мотивированию сотрудников. Однако этот аспект управления мотивацией до сих пор не нашел должного теоретического осмысления, в том числе учета в мотивационной диагностике;

- рассматривать деструктивную и, прежде всего, наиболее вредную для организации микрополитическую деятельность сотрудников как нежелательную, но неотъемлемую составляющую, оборотную сторону мотивационного процесса в организации и, соответственно, учитывать это в управлении ею. Так называемые “деструктивные триггеры” посредством акупунктурного эффекта могут резко понизить эффективность мотивационной работы, свести на нет прилагаемые усилия. В современной России деструктивная мотивация по существу остается вне поля систематических комплексных научных исследований, в основном ограничиваясь локальными прикладными исследованиями оппортунистического поведения, осуществляемыми с позиций преимущественно психологического подхода. Она крайне слабо учитывается в практической работе, особенно в организациях государственной службы;

- представить организационную мотивацию в динамике, как процесс детерминации организационного поведения. Процессуальный характер организационной мотивации означает, в частности, что на формирование и актуализацию мотивов работников непосредственно влияет их прошлая, настоящая и будущая (предполагаемая, планируемая) деятельность. Достоинством процессуального подхода к мотивации является также то, что он ориентирует на выделение основных этапов и составляющих мотивационного

процесса: от постановки до достижения цели и, в частности вводит в теорию мотивации и в систему мотивационной работы мотивационную диагностику, целевую мотивацию, контроль и контроллинг персонала, его оценку и др. Он также позволяет представлять мотивационную работу в технологической форме³⁴, т.е. как алгоритмизируемый последовательный процесс, цепочку практических действий по формированию и реализации детерминантов деятельности сотрудников, а также используемых на каждом этапе мотивационной работы целей, методов, средств и процедур. Тем самым обеспечивается конвертация научно-теоретических разработок в практическую организационно-мотивационную деятельность;

– рассматривать систему мотивации персонала в единстве и взаимодействии с ее организационной и социальной средой, ситуацией, которая представлена на мезо- (внеорганизационный), макро- (внутриорганизационный, взаимодействие с финансовой, маркетинговой и др. подсистемами в рамках организации как целого) и микро- (в рабочей группе) уровнях. Ситуационные факторы мотивации сотрудников разнообразны: ресурсы и имидж организации, ее положение на рынке труда, система стимулирования, корпоративная культура, социально-психологический климат, стили руководства и т.д. Все они в большей или меньшей степени воздействуют на мотивационный процесс и требуют учета в управлении сотрудниками;

– разработать и практически использовать **общую интегративную модель системы мотивации**, которая должна отражать и представлять ее различные плоскости и уровни, все важнейшие составляющие, непосредственно детерминирующие поведение работников. Исходным моментом построения такой модели является выявление различных плоскостей, структур мотивационного процесса и их элементов. В основе этой модели, на наш взгляд, должна лежать деятельностная структура и соответствующая ей модель мотивационного процесса, представляющая его как целостное взаимодействие субъектов, объектов, ресурсов, методов, отношений между агентами организационного влияния и механизма этих отношений, а также ситуации³⁵. Такая модель могла бы служить своего рода эталоном для управления организационной мотивацией, ориентируясь

³⁴ Современные технологии управления персоналом: Монография / Под ред. В.П. Пугачева, Е.А. Пановой. М., 2025. С. 14–35.

³⁵ Пугачев В.П. Системно-ситуационная модель организационной мотивации // Государственное управление в XXI веке: материалы 13-й международной конференции, май 2015. М., 2016. С. 4–9.

на который можно научно обоснованно строить практическую мотивационную работу организации, учитывая различные плоскости (и соответствующие им структуры) и элементы мотивационного процесса, в том числе осуществлять мотивационную диагностику и аудит. Нынешние разработки в области искусственного интеллекта и информационных технологий вполне позволяют создавать компьютерные мотивационные программы, учитывающие многообразие детерминантов организационного поведения и их сложное системное взаимодействие, а также мониторить состояние мотивационного процесса, выявлять возникающие проблемы и находить оптимальные решения.

Заключение

Проделанный выше анализ теории и практики организационной мотивации позволяет сделать следующие обобщения и выводы. Несмотря на ключевую роль мотивации персонала в обеспечении эффективности управления государственными и коммерческими организациями научные разработки в этой области значительно отстают от требований современного общества. Существующие научные подходы и направления в исследовании организационной мотивации в основном механически дополняют друг друга, оставляют в тени многие элементы мотивационного процесса и не позволяют отразить процесс детерминации поведения сотрудников в его системной целостности, синхронии и диахронии, взаимодействии прошлых, настоящих и будущих (прогнозируемых), конструктивных и деструктивных факторов.

В теории и практике социального управления явно назрела потребность в переходе от существующих преимущественно узко дисциплинарных, фрагментарных парадигм восприятия организационной мотивации к интеграционной парадигме, позволяющей представить этот процесс как сложное системное взаимодействие различных видов деятельности, непосредственно детерминирующих поведение людей.

Интеграционная парадигма открывает широкие возможности для дальнейшего развития теории и совершенствования практики мотивационной работы на основе системного учета всех значимых для организации детерминантов поведения сотрудников. В частности, на ее основе может быть построена общая, интеграционная модель мотивационного процесса, а также более частные мотивационные модели, отображающие самые различные, в том числе противоположные по своей целевой направленности, детерминанты

индивидуального и коллективного организационного поведения людей в их целостном взаимодействии.

В данной статье основные черты и императивы интеграционной парадигмы мотивации и возможности ее практического применения были обрисованы в самом общем виде. Некоторые из высказанных идей нуждаются в уточнении и дальнейшем развитии. Однако не вызывает сомнения, что дальнейшая разработка концепции интеграционной парадигмы мотивационного процесса, путей и способов ее практического применения будет способствовать выходу теории и практики мотивационной работы и организационного управления в целом на новый, более высокий уровень, адекватный запросам и возможностям цифрового общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аброськин П.Н. Формирование деструктивной управленческой мотивации в экономической политике и предпринимательстве // Вестник МНЭПУ. 2009. № 5 2.

Арутюнян В.С. Мотивационная парадигма обучения студентов экономических вузов в период нестабильности мировой экономики // Самоуправление. 2022. № 2 (30).

Гладышева Э.Г. Современная парадигма мотивации персонала на предприятиях железнодорожного транспорта // Вестник университета. 2011. № 21.

Глуценко В.В., Мусатова О.А., Мишутин С.А. и др. Парадигма формирования политики мотивации персонала высокотехнологичной организации // Бюллетень науки и практики. 2019. Т. 5. № 1.

Жигалов В.М. Управление системой мотивации персонала сервисных предприятий: Дисс. ... канд. эк. наук. СПб., 2009.

Зимбардо Ф. Эффект Люцифера. Почему хорошие люди превращаются в злодеев. М., 2023.

Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. СПб., 2011.

Иценко М.М. Прогнозирование и формирование мотивационной парадигмы управления на основе социально-психологических факторов // Россия и мир: развитие цивилизаций. Преобразования цивилизационных ценностей в современном мире: Материалы XI международной научно-практической конференции: В 2-х ч., Москва, 2–22 апреля 2021 года. М., 2021.

Котенко В.П. Парадигма как методология научной деятельности // Библиосфера. 2006. № 3.

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1976.

Мазур А.В. Стимулирование труда: понятие, сущность и особенности стимулирования труда различных категорий персонала предприятия // Вестник ИЭАУ. 209. № 25.

Маршев В.И. История управленческой мысли. Уч. М., 2024.

Можно ли замотивировать и удержать работников с помощью доски почета? // Аргументы и Факты. 2 ноября 2023 г. URL: aif.ru (дата обращения: 12.09.2025).

Мотивация трудовой деятельности: учеб. пособие / Под ред. В.П. Пугачева. М., 2025.

Оптнер Л. Системный анализ для решения деловых и промышленных проблем. М., 1969.

Официальный сайт “HR-Portal” — сообщество HR-менеджеров. URL: <http://hr-portal.ru/varticle/cistema-motivacii> (дата обращения: 03.01.2025).

Памятушева В.В. Формирование мотивационной парадигмы развития менеджмента в сфере услуг // Научный вестник МГИИТ. 2022. № 4.

Пригожин А.И. Организации. Системы и люди. М., 2021.

Пугачев В.П. Деструктивная деятельность в современном обществе. Saarbrücken, 2014.

Пугачев В.П. Системно-ситуационная модель организационной мотивации // Государственное управление в XXI веке: материалы 3-й международной конференции, май 2015. М., 2016.

Пугачев В.П. Интеграционная парадигма в исследовании системы организационной мотивации и в практике мотивационной работы // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. Научно-практический журнал. 2019. № 3.

Пугачев В.П. Теория и практика мотивации персонала в свете интеграционной парадигмы // Вестник Московского университета. Серия 2. Управление (государство и общество). 2024. № 2.

Пугачев В.П. Управление свободой. М., 2025.

Ребров А. Влияние структуры мотивации работника на результативность труда: новая парадигма в управлении мотивацией. Saarbrücken, 2011.

Сайт ВЦИОМ. Аналитические обзоры. Идеальный босс — 2021. 3 ноября. URL: <https://wciom.ru/> (дата обращения: 03.09.2025).

Сайт ВЦИОМ. Аналитические обзоры. Работа и зарплата. URL: <https://wciom.ru/> (дата обращения: 12.09.2025).

Смирнова Л.Н. Актуальные аспекты смены мотивационной парадигмы // Лесной вестник (1997–2002). 1999. № 3.

Современные технологии управления персоналом: монография / Под ред. В.П. Пугачева, Е.А. Пановой. М., 2025.

Суровицкая Ю.Ю. Мадимухаметов М.Н. Понятие о мотивации в Управление персоналом: учебник и практикум для прикладного бакалавриата / Под ред. А.А. Литвинюка. М., 2023.

Философский энциклопедический словарь. М., 1989.

Шпренгер Р. Мифы мотивации. Выход из тупика. Калуга, 2004.

REFERENCES

Abros'kin P.N. Formirovanie destruktivnoj upravlencheskoj motivacii v ekonomicheskoy politike i predprinimatel'stve [Formation of Destructive Managerial Motivation in Economic Policy and Entrepreneurship] // Vestnik MNEPU. 2009. N S 2 (in Russian).

Arutyunyan V.S. Motivacionnaya paradigma obucheniya studentov ekonomicheskikh vuzov v period nestabil'nosti mirovoj ekonomiki [Motivational Paradigm for Teaching Students of Economic Universities During the Period of Global Economic Instability] // Samoupravlenie. 2022. N 2 (30) (in Russian).

Dimock M. Defining generations: where Millennials end and Generation Z begins. N.Y., 2019.

Filosofskij enciklopedicheskij slovar' [Philosophical Encyclopedic Dictionary]. M., 1989 (in Russian).

Gladysheva E.G. Sovremennaya paradigma motivatsii personala na predpriyatiyah zheleznodorozhnogo transporta [The Modern Paradigm of Personnel Motivation at Railway Transport Enterprises] // Vestnik universiteta. 2011. N 21 (in Russian).

Glushchenko V.V., Musatova O.A., Mishutin S.A. i dr. Paradigma formirovaniya politiki motivatsii personala vysokotekhnologichnoj organizatsii [A paradigm for developing a personnel motivation policy in a high-tech organization] // Byulleten' nauki i praktiki. 2019. T. 5. N 1 (in Russian).

Il'in E.P. Motivatsiya i motivy [Motivation and Motives]. SPb., 2011 (in Russian).

Ishchenko M.M. Prognozirovanie i formirovanie motivatsionnoj paradigmy upravleniya na osnove social'no-psihologicheskikh faktorov [Forecasting and Formation of a Motivational Management Paradigm Based on Socio-Psychological Factors] // Rossiya i mir: razvitie civilizatsij. Preobrazovaniya civilizatsionnykh cennostey v sovremennom mire: Materialy XI mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii: V 2-h ch., Moskva, 2–22 aprelya 202 goda. M., 2021 (in Russian).

Kotenko V.P. Paradigma kak metodologiya nauchnoj deyatel'nosti [Paradigm as a Methodology of Scientific Activity] // Bibliosfera. 2006. N 3 (in Russian).

Leont'ev A.N. Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost' [Activity. Consciousness. Personality]. M., 1976 (in Russian).

Mazur A.V. Stimulirovaniya truda: ponyatie, sushchnost' i osobennosti stimulirovaniya truda razlichnykh kategorij personala predpriyatiya [Labor Incentives: Concept, Essence, and Features of Labor Incentives for Various Categories of Enterprise Personnel] // Vestnik IEAU. 209. N 25 (in Russian).

Marshev V.I. Istoriya upravlencheskoj mysli. Uch. [History of Management Thought]. M., 2024 (in Russian).

Mozhno li zamotivirovat' i uderzhat' rabotnikov s pomoshch'yu doski pocheta? [Is it Possible to Motivate and Retain Employees Using an Honor Roll?] // Argumenty i Fakty. 2 noyabrya 2023 g. URL: aif.ru (data obrashcheniya: 12.09.2025) (in Russian).

Motivatsiya trudovoy deyatel'nosti: ucheb. posobie [Motivation of Labor Activity: A Textbook] / Pod red. V.P. Pugacheva. M., 2025 (in Russian).

Ofitsial'nyj sayt "HR-Portal" — soobshchestvo HR-menedzherov [Official web-site of "HR-Portal" — a community of HR managers]. URL: <http://hr-portal.ru/var-ticle/cistema-motivatsii> (data obrashcheniya: 03.01.2025) (in Russian).

Optner S.L. System analysis for business and industrial Problem Solving. M., 1969.

Pamyatusheva V.V. Formirovanie motivatsionnoj paradigmy razvitiya menedzhmenta v sfere uslug [Formation of a Motivational Paradigm for Management Development in the Service Sector] // Nauchnyj vestnik MGIT. 2022. N 4 (in Russian).

Prigozhin A.I. Organizatsii. Sistemy i lyudi [Organizations. Systems and People]. M., 2021 (in Russian).

Pugachev V.P. Destruktivnaya deyatel'nost' v sovremennom obshchestve [Destructive Activity in Modern Society]. Saarbrucken, 2014 (in Russian).

Pugachev V.P. Sistemno-situatsionnaya model' organizatsionnoj motivatsii [System-Situational Model of Organizational Motivation] // Gosudarstvennoe upravlenie

v XXI veke: materialy 3-j mezhdunarodnoj konferencii, maj 2015. M., 2016 (in Russian).

Pugachev V.P. Integracionnaya paradigma v issledovanii sistemy organizacionnoj motivacii i v praktike motivacionnoj raboty [Integration Paradigm in the Study of the Organizational Motivation System and in the Practice of Motivational Work] // Upravlenie personalom i intellektual'nymi resursami v Rossii. Nauchno-prakticheskij zhurnal. 2019. N 3 (in Russian).

Pugachev V.P. Teoriya i praktika motivacii personala v svete integracionnoj paradigmy [Theory and Practice of Personnel Motivation in Light of the Integration Paradigm] // Vestnik Mosk. Un-ta. Seriya 2. Upravlenie (gosudarstvo i obshchestvo). 2024. N 2 (in Russian).

Pugachev V.P. Upravlenie svobodoy [Managing Freedom]. M., 2025 (in Russian).

Rebrov A. Vliyanie struktury motivacii rabotnika na rezul'tativnost' truda: novaya paradigma v upravlenii motivaciej [The Impact of Employee Motivation Structure on Labor Performance: A New Paradigm in Motivation Management]. Saarbrücken, 2011 (in Russian).

Sayt VCIOM. Analiticheskie obzory. Ideal'nyj boss — 2021. 3 noyabrya [VTsIOM. Analytical Reviews. The Ideal Boss — 2021. November 3]. URL: <https://wciom.ru/> (data obrashcheniya: 03.09.2025) (in Russian).

Sayt VCIOM. Analiticheskie obzory. Rabota i zarplata [VTsIOM. Analytical Reviews. Work and Salary]. URL: <https://wciom.ru/> (data obrashcheniya: 12.09.2025) (in Russian).

Schroth H. Are you ready for Gen Z in the Workplace? // California Management Review. 2019. N 61(3).

Schuh G. Gestaltung eines Anreizsystems für den Produktionsstandort Rumänien // Zeitschrift für wirtschaftlichen Fabrikbetrieb. 2011. Vol. 106. N 5. P. 295–300.

Shprenger R. Mify motivacii. Vyhod iz tupika [Myths of Motivation: A Way Out of the Deadlock]. Kaluga, 2004 (in Russian).

Sprenger R.K. Mythos Motivation: Wege aus einer Sackgasse. Zürich, 2014.

Smirnova L.N. Aktual'nye aspekty smeny motivacionnoj paradigmy [Current Aspects of the Shift in the Motivational Paradigm] // Lesnoj vestnik (1997–2002). 1999. N 3 (in Russian).

Sovremennye tekhnologii upravleniya personalom: monografiya [Modern HR Management Technologies: Monograph] / Pod red. V.P. Pugacheva, E.A. Panovoj. M., 2025 (in Russian).

Surovickaya Y.U., Madimuhametov M.N. Ponyatie o motivacii v Upravlenii personalom: uchebnik i praktikum dlya prikladnogo bakalavriata [The Concept of Motivation in HR Management: Textbook and Workshop for Applied Bachelor's Degrees] / Pod red. A.A. Litvinyuka. 3-e izd. M., 2023 (in Russian).

Zhigalov V.M. Upravlenie sistemoy motivacii personala servisnyh predpriyatij [Managing the personnel motivation system of service enterprises]: Diss. ... kand. ek. nauk. SPb., 2009 (in Russian).

Zimbardo F. Effekt Lyucifera. Pochemu horoshie lyudi prevrashchayutsya v zlodeev [The Lucifer Effect: Why Good People Turn into Villains]. M., 2023 (in Russian).

СЛУХИ В СОВРЕМЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ: ФУНКЦИИ, ПОСЛЕДСТВИЯ И ОТНОШЕНИЕ РОССИЙСКИХ СОТРУДНИКОВ

А.В. Маркеева, канд. социол. наук, доц., доцент кафедры экономической социологии и менеджмента социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

Статья посвящена рассмотрению феномена слухов как социальной коммуникации и неотъемлемой части современных внутриорганизационных процессов. Актуальность темы обусловлена ускорением информационных потоков в постиндустриальную эпоху, где слухи превращаются в ресурс стратегического и тактического менеджмента, способствующий формированию организационных легенд, брендов и инноваций. В условиях российской специфики, характеризующейся высокой степенью неформальных связей и низким уровнем доверия к официальным источникам, слухи приобретают особое значение, часто становясь механизмом адаптации к неопределенности.

Автором проведен комплексный анализ функций слухов, что позволяет показать их амбивалентный характер, с одной стороны, потенциал применения для восполнения информационных пробелов, сплочения коллектива, антистрессовые функции, с другой — возможные деструктивные последствия их распространения в организациях (усиление конфликтности, рост стресса и снижение продуктивности).

На основе комплексного анализа вторичных данных (волновые и специализированные опросы исследовательских центров SuperJob, Работа.ру, опросы российских работодателей и т.д.) выявлены тенденции в изменении отношения к слухам у сотрудников российских организаций, показаны направления интеграции данного типа неформальных коммуникаций в решение организационных задач. Акцентируется внимание, что в современных российских условиях слухи часто ассоциируются с абьюзивным поведением и хроническим стрессом, что способствует выгоранию и текучести кадров.

Автор стремится интегрировать теоретические рамки изучения слухов с практическими аспектами организационного поведения, подчеркивая необходимость баланса между контролем и использованием слухов для повышения эффективности современных организаций. Статья способствует разработке практических инструментов для устойчивого управления неформальными коммуникациями, гармонизации рабочих процессов и социального благополучия в эпоху цифровизации, предлагая рекомендации для HR-специалистов.

* Маркеева Анна Валерьевна, e-mail: anna_markeeva@mail.ru

Ключевые слова: слухи, сплетни, современные организации, функции слухов, внутрикорпоративные коммуникации, сотрудники.

RUMORS IN MODERN ORGANIZATIONS: FUNCTIONS, CONSEQUENCES AND ATTITUDES OF RUSSIAN EMPLOYEES

Markeeva Anna V., PhD in Sociology, Associate Professor of Department of Economic Sociology and Management, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninskiye Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: anna_markeeva@mail.ru

The article is devoted to the phenomenon of rumors as a social communication and an integral part of modern organizational processes. The relevance of the topic attributed to the acceleration of information flows in the post-industrial era, where rumors are becoming a resource for strategic and tactical management, contributing to the formation of organizational legends, brands and innovations. In the context of Russian specifics, characterized by a high degree of informal ties and a low level of trust in official sources, rumors acquire special importance, often becoming a mechanism for adapting to uncertainty. The author has carried out a comprehensive analysis of the functions of rumors, which allows us to show their ambivalent nature, on the one hand, the potential for filling information gaps, team cohesion, anti-stress functions, on the other — the possible destructive consequences of their spread in organizations (increased conflict, increased stress and decreased productivity).

Based on a comprehensive analysis of secondary data (wave and specialized surveys of SuperJob, surveys of Russian employers, etc.) revealed trends in changing attitudes towards rumors among employees of Russian organizations, showed the directions of integration of this type of informal communication in solving organizational problems. It is emphasized that in modern Russian conditions, rumors are often associated with abusive behavior and chronic stress, which contributes to burnout and staff turnover.

The author strives to integrate the theoretical framework of the study of rumors with practical aspects of organizational behavior, emphasizing the need for a balance between control and the use of rumors to improve the effectiveness of modern organizations. The article promotes the development of practical tools for the sustainable management of informal communications, the harmonization of work processes and social well-being in the age of digitalization, offering recommendations for HR specialists.

Key words: rumors, gossip, modern organizations, internal corporate communications, rumor functions, employees.

Слухи являются неотъемлемым элементом социальной коммуникации людей. Можно спорить с современными исследователями, указывающими на основополагающее значение слухов и сплетен в формировании социальной общности и языковых сис-

тем¹, но нельзя отрицать, что они выполняли и будут выполнять ряд важнейших функций в обеспечении жизнедеятельности и кооперации. Слухи устраняют информационные пробелы, выступают компонентом выстраивания и поддержания внутригрупповых отношений и взаимодействий, являются важным элементом внутригрупповой идентификации, выполняют антистрессовую и досуговые функции, нивелируя последствия повседневной рабочей и личной рутины. Слухи и сплетни всегда присутствовали в различных практиках: трудовых, досуговых, политических и иных. Однако отношение к данным феноменам менялось. Так, в условиях формирования индустриальной экономики с главенством четко выстроенных обезличенных организационных структур, распространением формализованных подходов к управлению организациями и людьми, слухи рассматривались как требующий искоренения элемент организационной культуры. Система управления в той или иной мере активно работала на снижение слухов. Вхождение общества в постиндустриальную фазу заставило переосмыслить сложившиеся подходы: радикальные трансформации организационных структур и постиндустриальных принципов управления сформировали новый ракурс рассмотрения слухов не только как элемента деструкции, расшатывания сложившихся отношений, а как “нового ресурса” — потенциала для управления организациями. Фактически в XXI в. в ряде концепций стало признаваться, что слухи присущи (имманентно вплетены в деятельность) любой организации, но главное — ими можно управлять. Это привело к созданию разнообразных инструментов диагностики, а также прикладных направлений румолорология, управление слухами (*rumors management*), в которых слухи становятся и объектом изучения, и инструментом целенаправленного управленческого воздействия. Высокий уровень доверия к неформальной коммуникации, интерес, быстрая оборачиваемость слухов (при правильной организации) создают возможности использования слухов для решения разных внутриорганизационных задач (от информирования, мобилизации и задания драйва до снижения сопротивляемости организационным изменениям). При этом управленцы стали рассматривать слухи не в только в контексте тактического, но и стратегического управления: слухи имеют свойство закрепляться, превращаясь в организационные ле-

¹ Наиболее острые дискуссии вызывает концепция Р. Данбара, см.: *Dunbar R.I. Gossip in evolutionary perspective // Review of General Psychology. 2004. Vol. 8. N 2. P. 100–110. DOI: 10.1037/1089-2680.8.2.100*

генды, постоянно воспроизводятся в новых форматах, давая возможность реализовываться посредством сторителлинга творческой, самобытной инициативе сотрудников. Так, слухи о начале пути того или иного руководителя или предпринимателя вырастают в легенды, которые становятся фундаментом организационной культуры, закрепляя правила, нормы, транслируя во внутреннюю и внешнюю среду ценности организации. Это было значимым и во времена расцвета индустриального бизнеса Рокфеллеров или Форда, но приобрело на порядок больше значение в информационную эпоху для формирования персональных брендов представителей цифрового бизнеса: Илона Маска, Марка Цукерберга или Павла Дурова. Но главное — превратило слухи наряду с другими сложно формализуемыми феноменами в ресурс для социального конструирования и инжиниринга.

Слухи, являясь нематериальным продуктом, тем не менее обретают свое материальное воплощение — закрепляясь в виде организационных легенд или историй. Судачить, распускать сплетни, пускать слух, рассказывать анекдоты и т.д. — все эти варианты социальных практик — работают на формирование или закрепление “нужных”, “правильных”, “необходимых организационных практик, структурируют и обучают современные организации². Они же формируют и закрепляют определённые организационные роли (например, “штатных сплетников”). Слухи, обретая возможность передачи в определенных организационных пространствах, придают последним новые смыслы и значения.

Значимую роль в популяризации слухов как управленческого инструмента оказали маркетинговые и журналистские сообщества, которые первыми оценили потенциал их использования во взаимодействиях с внешними аудиториями. Маркетологи, находясь в высоконкурентной среде искали новые (как правило, более дешевые и эффективные) способы выделиться, напомнить о своем продукте, журналисты — интегрировали слухи в существующий новостной и медийный контент. Развитие технологической инфраструктуры (социальных сетей и социальных медиа) не только усилило распространение технологий запуска слухов как в отношении внешних аудиторий, так и внутри организаций, но создало предпосылки формирования новых феноменов, фейков, недостоверной, лживой, сфальсифицированной информации, которая будучи облеченной

² Baumeister R.F., Liqing Z. Gossip as Cultural Learning // Review of General Psychology. 2004. Vol. 8. N 2. P. 111–121. DOI: 0.1037/1089-2680.8.2.111

в оболочку правдоподобия используется как инструмент манипуляции и информационной борьбы. В целом, распространение фейков, постоянная техническая модернизация их создания (дипфейки и т.д.) создают серьезную угрозу развитию общества и индивида. Особенно остро проблема фейков проявляется в отношении использования средств массовой коммуникации в воздействии на молодежь³ и требует не только научных исследований данного феномена, но целенаправленной технологической и ценностной контр-пропагандистской и информационной работы для нивелирования деструктивного воздействия на молодые поколения⁴. При этом важно работать в трех ключевых направлениях⁵: над совершенствованием политико-правовых норм, над добровольными или принудительными по закону изменениями в техническом дизайне медийных платформ, и над информированием общественности, повышением медиаграмотности населения.

Слухи в системе неформальных коммуникаций

Сложность определения слухов обусловлена двумя аспектами: 1) сложившейся историей изучения слухов в разных предметных полях, способствовавшей формированию различных (часто не пересекающихся и не имеющих точек соприкосновения) научных дискурсов; 2) наличием множества феноменов, связанных с передачей неподтвержденной информации, близких по своему значению и функциям со слухами.

Множественность понятий слухов (при соотнесении складывается впечатление, что речь идет о разных явлениях или процессах), проистекает из различия исследовательских традиций. В последние годы особое значение приобретают следующие научные дискурсы:

³ Елишев С.О. Средства методы и технологии манипулятивного воздействия на современную молодежь // Представительная власть — XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2019. № 7–8 (174–175). С. 31–43; Елишев С.О. Спецслужбы иностранных государств, международные организации и СМИ, поддерживаемые ими, как субъекты манипулятивного воздействия на молодежь // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2018. Т. 24. № 3. С. 121–132.

⁴ Елишев С.О. Социальное манипулирование молодёжью. М., 2018; Дорцева Е.В. Особенности пропагандистского воздействия на современную российскую молодёжь в цифровой среде // Социология. 2024. № 2. С. 19.

⁵ Medeiros B., Singh P. Addressing misinformation on WhatsApp in India through intermediary liability policy, platform design modification, and media literacy // Journal of Information Policy. 2020. Т. 10. Р. 276–298.

- стихийность — целенаправленность формирования и управления слухами;
- слухи как индивидуальный, межличностный, межгрупповой феномен;
- положительные и деструктивные последствия слухов.

Отражением второго аспекта является богатство синонимов слова “слухи” в русском языке: *молва, сплетни, толки, кривотолки, пересуды, оговор, байки, легенды* — вот неполный перечень слов, призванных описать нюансы различных близких друг другу форм неформальной коммуникации, связанных с неподтвержденной, недостоверной, неопределённой информацией. Наиболее активно в российских и зарубежных исследованиях обсуждаются вопросы различения понятий слухов со сплетнями и легендами.

Значительная часть исследователей сходится во мнении, что сплетни являются разновидностью слухов. Различия проводится по темам повествования (сплетни чаще касаются конкретных людей), ситуации высказывания и маркерам повествования. Отмечается, что сплетни отличает большая эмоциональная вовлеченность, выраженность личностных оценок к событиями или людям. Они не столько решают инструментальную задачу передачи некоторой информации, но приобретают “форму распространения информации, которая сродни религиозной вере. Сплетню нельзя верифицировать. Поэтому она выступает как своего рода пародирование веры, как низведение веры до быта, почти как *parodia sacra*”⁶.

При разделении сплетен и слухов указывается также на “атрибуцию косвенной причастности”. Сплетни, благодаря передаче информации об отсутствующих лицах, сохраняют вовлеченность “только в силу того влияния, которое они окажут на дальнейшие взаимоотношения с окружением. Сплетничая, собеседники получают информацию о поведении тех или иных лиц, демонстрируют приверженность общественной морали и групповым нормам, повышают самооценку и укрепляют социальные связи”⁷.

Слухи же традиционно считаются имеющими менее пристрастный характер, а также характеризуются персональной вовлеченностью в происходящее и собственной причастностью собеседников к обсуждаемым событиям. Поэтому в слухах меньше праздного морализаторства, реже выдерживаются каноны и стилистика худо-

⁶ Цит. по: Автухович Т. Сплетня как феномен жизни и литературы // Филолог. 2004. Вып. 5. URL: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mnum_5 (дата обращения 09.09.2025).

⁷ Горбатов Д.С. Психология слухов и сплетен: монография. СПб., 2012.

жественного повествования. Как правило, слухи передаются в виде краткого сообщения, содержащего описание, предсказание или объяснение определенной ситуации.

Слухи — это истории или утверждения, передающие в общих чертах без подтверждения фактов. Наиболее значимым компонентом этой коммуникации выступает то, что обычно приукрашенные утверждения или приписывания, основанные на косвенных, непроверенных фактах и доказательствах отражают предположения или подозрения людей о том, как устроен мир⁸. Современные исследования слухов в рамках внутриорганизационных взаимодействий позволяют утверждать, что необоснованно выделять в качестве атрибутивных свойств слухов заведомую ложность или априори меньшую достоверность в сравнении с официальными сведениями, иррациональность и анонимность происхождения, устный характер распространения.

Важно подчеркнуть, что длительное повторение, рециркуляция слуха или определенные управленческие (организационные) усилия, направленные на повторяемость, способствуют превращению слухов в легенды. Так, различные повествования о происшествиях, будто бы имевших место в действительности, поучительные и развлекательные рассказы о “знакомых знакомых”, об организационных героях, об обычных сотрудниках, случайно или по своей вине столкнувшихся с одной из многочисленных проблем современного мира закрепляются в организационной коммуникации, становясь важным элементом организационной культуры. В целом легенды и слухи обладают общими механизмами передачи информации. Несмотря на закрепившееся в обыденном сознании восприятие данных феноменов как ошибочных, неверных, ложных, они возникают из реальности и всегда обладают правдоподобием. Специалисты также отмечают, что *“отношения слухов и современной легенды — это всегда отношения взаимодействия, они постоянно подпитывают друг друга”*⁹. В качестве примера взаимодействия и связанности легенд и слухов можно привести историю о “героях” *Vodafone*¹⁰. Изначально родившийся как смелый эксперимент HR-специалистов по повышению мотивации региональных подразделе-

⁸ Kimmel A.J. Rumors and rum or control: a manager's guide to understanding and combatting rumors. N.Y., 2012. P. 21.

⁹ Mullen P.B Modern legend and rumor theory// Journal of the Folklore Institute. 1972. Aug.–Dec. Vol. 9. N 2–3. P. 95–109.

¹⁰ Томпсон К. Рецепты корпоративной культуры. Как изменить привычное поведение. М., 2005.

ний в выполнении плана продаж (был сфабрикован и запущен слух о достижениях якобы одного из территориальных подразделений), он превратился в организационную легенду. Сейчас любой новый сотрудник организации обязательно посвящается и пропитывается духом “героев” *Vodafone* (которых никогда в действительности не существовало).

Необходимо отметить и еще одно важно свойство и легенд, и слухов, они часто возникают как ответ на кризисные (неопределенные) или необычные события, нечто, что имеет *множественность смыслов и исходов, на что невозможно ответить обычными средствами*. В большинстве слухов двусмысленность исходной ситуации разрешается, и слух в конце концов умирает. Но когда ситуация остается двусмысленной, шансы на то, что он сохранится и закрепиться в виде легенды возрастает.

Функции слухов

Сложность и многогранность данного феномена, различные традиции его изучения (в рамках социологии, психологии, коммуникативистики и т.д.) предопределяют многообразие выделяемых функций слухов, которые сложно классифицировать, уложить в какие-либо четкие группы. Безусловно, подобные попытки научного осмысления слухов делаются, но, как справедливо отмечает Д. Горбатов, ни одна из них пока не увенчалась успехом¹¹.

Попытки выделения специфических функций слухов в конкретных сферах (социальных конфликтах, толпе, компаниях и т.д.) приводят к тому, что мы теряем возможность интегрировать и объяснять слухи. Складывается впечатление, что исследователи ведут речь совершенно о разных явлениях и процессах. Подходы, пытающиеся систематизировать функции на двух уровнях анализа — групповом и индивидуальном — сталкиваются с тем, что практически любая из выделенных функций (будь то получение информации или формирование идентичности) не реализуется в “чистом” виде на одном из этих уровней. Но главное, при распространении слухов мы имеем дело и с механизмом сети, а значит бесконечным процессом кристаллизации временных или постоянных сообществ и индивидов, задействованных в создании и интерпретации слухов.

¹¹ См.: Горбатов Д.С., Большаков С.Н. Слухи в зарубежной социологии и социальной психологии: теоретические подходы // Социологические исследования. 2015. № 7. С. 98–107; Горбатов Д.С. Функции слухов в социальной среде // Ученые записки СПбГИПСР. 2014. Вып. 1. Т. 21. С. 17–22.

Примерно с теми же сложностями сталкиваются исследователи, которые выделяют другие базовые основания для разделения слухов: позиция в распространении слухов (создатель слуха или аудитория восприятия слуха), содержательный тип слуха и др. Кроме того, всегда формируемый исследователем перечень функций будет неполным, что закономерно вызывает критику.

В исследовании слухов в системе организационных коммуникаций, целесообразно будет сосредоточиться на тех функциях, которые важны для решения ключевых задач управления персоналом (мотивации, вовлечения, повышения продуктивности, нивелирования организационного стресса и т.д.). При этом именно “качество” управленческого воздействия во многом определяет позитивных или разрушительный потенциал слухов в компаниях. Слухи могут стимулировать как деструктивные процессы в современных организациях (усиливать конфликты, разрушать сложившиеся системы взаимодействий, способствовать разобщению и стрессу), так и выполнять ряд конструктивных функций:

- *восполнять информационные пробелы в формальных коммуникациях, способствовать объяснению и осмыслению ситуации;*
- *создавать ориентиры и модели действий для сотрудников;*
- *выступать инструментом борьбы за внимание и влияния;*
- *способствовать сплочению и социальному объединению коллектива.*

Любой слух содержит не только информацию, которая используется для восполнения пробелов, но направлен на то, чтобы понять ситуацию. Так, Н. Смелзер при анализе действий толпы на примере беспорядков в Уоттсе указывал именно на эту важную составляющую слухов — они не только призваны дать информацию, мобилизовать толпу, но “слухи готовят людей к действиям. Они помогают им понять, что случилось и должно произойти, а также что и где надо предпринять”¹².

Исследователи слухов в системе формализованных структур указывали на этот важнейший компонент, однако акцентировали внимание на разных уровнях аспектах осмысления. Так, Г. Олпорт и Л. Постмэн концентрировались на тех усилиях для понимания происходящего, которые принимают субъекты при попадании в “неструктурированную ситуацию”¹³, а Т. Шибутани был интере-

¹² Смелзер Н. Социология. М., 1994. Гл. 19.

¹³ Allport G. W., Postman L. The basic of psychology of rumor. N.Y., 1945. S. II. Vol. 8. P. 49–58.

сен аспект “коллективного решения проблемы”, когда включенные в слухообразование и распространения субъекты объединяли свои интеллектуальные ресурсы для выработки “коллективной интерпретации происходящего”¹⁴. Очень показательны в этом отношении группы работников в социальных сетях — преобразующиеся от полей обсуждений (в большинстве основанных на слухах) к самоорганизующимся инициативам защиты своих прав. Например, один из многочисленных Telegram-каналов сотрудников *Wildberries* (Правда сотрудников Вайлдберриз. Кубань¹⁵), недовольных условиям труда и существующей в организации системой контроля — на базе сбора слухов с разных территориальных подразделений (“в отделах брака готовятся сокращения”; “работники из разных регионов сообщают, что выплаты за декабрь не соответствуют выполненной работе”, “сотрудников складов заставляют принудительно раздеваться” и т.д.), их совместного анализа и интерпретации в интернет-пространстве создают основу для коллективных действия (петиций, забастовок, блокировки деятельности компании и т.д.).

В процессе осмысления и интерпретации поступившей информации, включенные в слух, получают возможность найти ориентиры поведения, судить о правильности своих действий, в целом соотносить свои действия с коллективными. Эта функция слухов достаточно подробно была исследована и описана в работах Г. Тарда. Важно подчеркнуть, что слухи часто связывают с ситуацией неопределенности, с наличием недостаточной информации, однако они могут использоваться и в рутинной деятельности, в стандартных условиях просто как инструмент структурирования рабочих процессов. Это значение слуха четко показано И. Гофманом в процессе воспроизводства типичной для современных организаций ситуации — умения “изображать работу”. Современные организации часто создают процессы и условия, в которых сотрудники должны быть готовыми демонстрировать усердную работу в конкретный момент, а не выполнять ее фактически. Важно, что слух как инструмент, может быстро приводить систему в нужное состояние имитации. Вот как описывает данный процесс И. Гофман на примере корабельной верфи: “Было удивительно наблюдать, как все кругом преображалось, когда проносился слух, что в корабельном корпусе или в цеху появился мастер или что где-то рядом начальник из управления компании. Бригадиры и звеньевые бросались

¹⁴ Shibutani T. *Improvised news: a sociological study of rumor*. Indianapolis, 1966.

¹⁵ Правда сотрудников Вайлдберриз. Кубань. URL: https://t.me/pravda23_wb

к своим рабочим и всячески понукали их проявлять активность. «Не дайте ему застать вас сидящими!» — таково было универсальное наставление, и там где не было работы, люди деловито гнули и резали какую-нибудь трубу, без нужды подтягивали уже твердо закрепленный на месте болт. Это была формальная дань, неизменно приносимая каждому обходу работ боссом»¹⁶.

Особое внимание уделяется возможностям таких неформальных коммуникаций выступать инструментом влияния на настроения, мнения и поведение. Например, прибегание к слухам позволяет добиться внимания (выиграть борьбу за внимание) как во внутри-организационных процессах, так и в случае борьбы с конкурирующими фирмами за внимание потребителей.

Важно понимать, что слухи способствуют формированию и поддержанию особого образа (причастности к недоступной, эксклюзивной информации), способствуют повышению авторитета и престижа в глазах слушателей. Так, по мнению А.И. Караяни, именно реализация слухом потребности в престиже приводит к его коммодификации: «Сообщая другому сведения, составляющие содержание слуха, человек поднимает себя в своих глазах... У окружающих создается впечатление о некой “принятости”, “вхожести” носителя эксклюзивной информации в референтные группы, формируется мнение о нем как о человеке осведомленном. В данном случае слух рассматривается в качестве товара»¹⁷. Так, в организациях появляются “штатные сплетники” (вспомним образ знаменитой Шурочки из фильма “Служебный роман”). Несмотря на смену экономических формаций — Шурочки существуют и в современных компаниях. Теперь HR-специалисты красиво называют их “третьей стороной в сплетнях” и пытаются вывести различные характеристики таких организационных ролей (например, штатный сплетник связывает как минимум два отдела или отделы и руководителей; распространяет плохие новости и сплетни; дает оценки, не привязанные к данным; не имеет собственных результатов), при этом достаточно часто связывая таких людей с определенными социально-психологическими чертами и качествами. Однако, современные исследования с применением комбинации опросного инструментария и агрегации больших данных, получаемых с помощью трекинговых приложений, фиксирующих все взаимодействия, контекст

¹⁶ Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М., 2000. С. 145–146.

¹⁷ Караяни А.И. Слухи как средство информационно — психологического противодействия // Психологический журнал. 2003. № 6.

и разговоры респондента убедительно доказывают, что существующие стереотипы, что сплетниками и разносчиками слухов являются “аморальные, необразованные, люди; как правило, женщины и представителями низшего социального класса” не находят своего эмпирического подтверждения¹⁸. Интересно и то, что большая часть продуцируемых сплетен и слухов в реальной жизни не несут негативной информации. Так, 467 участников исследования М. Роббинса и А. Карана 2020 г. в среднем проводили в день 52 минуты за сплетнями, три четверти из которых были нейтральными, безобидной болтовней и касались социальной информации. При этом женщины чаще сплетничали нейтрально, чем мужчины, а молодые люди чаще распускали негативные слухи, чем пожилые¹⁹.

Слухи могут кардинально изменить интенсивность переживаемых людьми чувств (причем речь может идти об изменении поведения как в малых, так и больших социальных группах), побудить их к определенному поведению. Любая организация представляет собой “политическую карту”, на которой разные “группы”, “коалиции”, “профессиональные группы”, отдельные сотрудники не только формируют свой особый имидж, но и соревнуются за доступ или использование определенных ресурсов. С этой позиции слухи можно и нужно рассматривать в контексте инструментов властных отношений.

Слух позволяет за счет кристаллизации общей точки зрения, выработки и обсуждения сценариев и стратегий действия обретать чувство сопричастности, единения “Мы”. Значительная часть исследователей слухов акцентирует внимание на том, что часто инструментом такого объединения выступает незримо формируемым образ врага²⁰ (какой-либо проблемы, угрозы или индивидов или групп, стоящих или связанных с ними).

Так, достаточно часто в территориальных филиалах компаний слухи о “далеком” столичном руководстве формируют образ этого руководства, что сплавливает коллектив филиала и позволяет им вырабатывать как отношение, так и общие стратегии в случае возможных проверок.

В рамках организационных процессов важно чувствовать тонкую грань, когда слухи способны выступить инструментом кон-

¹⁸ Robbins M.L., Karan A. Who gossips and how in everyday life? // Social Psychological and Personality Science. 2020. Vol. 11(2). P. 185–195. DOI: <https://doi.org/10.1177/1948550619837000>

¹⁹ Там же.

²⁰ Горбатов Д.С. Функции слухов в социальной среде // Ученые записки СПбГИПСР. 2014. Вып. 1. Т. 21. С. 17–22.

солидации и сотрудничества, но не запустить разрушительные центробежные силы, которые поляризуют коллектив. В целом механизм влияния слухов на сотрудничество достаточно подробно исследуется в последние годы²¹: через укрепление сотрудничества посредством прямой взаимности (на примере экономических игр²², стимулирования более длительных коалиций и партнерств на основе информации о прошлом поведении партнеров, получаемой из слухов²³). Но этими данными надо еще научиться пользоваться HR-специалистам и руководителям.

Слух может быть инициирован стремлением помочь коллегам, друзьям по работе, предупредить их и дать возможность самим или совместно подготовиться к встрече с неприятным событием. Слухи могут способствовать сплочению не только в проблемной ситуации, этот эффект может проявляться и в рутинных, в повседневных задачах, как следствие и желания преодолению этой рутины. В отсутствии проблемной ситуации можно говорить о *развлекательной или досуговой функции слухов*. Сотрудникам организации нужно пространство для домыслов, пустой болтовни, интересных сплетен о коллегах. Это то, что скрашивает монотонность рабочих будней, позволяет создать повод для контактов и разговоров — в целом “оживляет” и наполняет рабочие процессы. В этом отношении слухи могут стать и особым элементом реализации творчества — формируя в процессе такого времяпровождения современные организационные мифы.

В реализации досуговой функции слуха важно то, что слухи могут быть толчком для установления социального взаимодействия, той отправной точкой, которая задает контекст или линию разговора. Так, исследуя городские легенды, связанные с взаимодействием компаний и потребителей социолог Дэн Миллер описывал необходимость обязательного изучения слуха в его социальном контексте, указывая что слух выступает основой для взаимодействий, “открывает разговор, задав тон и контекст для остальной части беседы”²⁴.

²¹ Balliet D., Wu J., Van Lange P. A. M. Indirect reciprocity, gossip, and reputation-based cooperation. N.Y., 2020. P. 265–287.

²² Sommerfeld R.D. et al. Gossip as an alternative for direct observation in games of indirect reciprocity // Proceedings of the national academy of sciences. 2007. Vol. 104. N 44. P. 17435–17440.

²³ Feinberg M., Willer R., Schultz M. Gossip and ostracism promote cooperation in groups // Psychological science. 2014. Vol. 25. N 3. P. 656–664.

²⁴ Miller D.E. Rumor: An Examination of Some Stereotypes // Symbolic Interaction. 2005. Vol. 28. N 4. P. 516.

Важно понимать и использовать это социально-психологическое значение слухов — как элемента снятия стресса и тревожности. В период сильных динамичных изменений слухи естественным образом возрастают, но они же выполняют компенсаторную и анти-стрессовую функцию — проговаривая, воспринимая и обсуждая слух, человек восстанавливает контроль над ситуацией. Так, пример ковидной ситуации продемонстрировал, что чем более многочисленными и фантастичными становились слухи, тем быстрее в организациях начинало самостоятельно (без руководящего вмешательства) формироваться ядро людей с взвешенным и рациональным подходом к преодолению ситуации. Шибутани называл этот эффект “критическим размышлением”.

Необходимо подчеркнуть, что для многих организаций с жестко регламентированными, формализованными процессами, с преобладанием обезличенного, формального общения, слухи и сплетни выступают эмоциональными компенсаторами, наполняя общение внутри организации эмоциональным содержанием, становятся своеобразной попыткой придать “бездушной” машине эмоций.

Важно и то, что слухи препятствуют деактуализации информации. Этот важный аспект напоминания о каком-то событии, персоне, воскрешение казалось бы ушедшего в прошлое факта был отмечен Н. Луманом. Он предполагал, что слухи придают событию, вышедшему из поля внимания аудитории, вес, предотвращая деактуализацию²⁵. Таким образом, слухи и сплетни, становятся механизмом напоминания, подогревая интерес к очередному событию. Поэтому умело сфабрикованный слух или сплетня может стать способом контроля над настроением сотрудников, привлечь внимание к какому-либо событию, стать инфоповодом для вовлечения персонала и наконец, просто оживить уже существующую внутриорганизационную историю или легенду. Но все это работает только в условиях непрерывной диагностики и управления подобными неформальными коммуникациями со стороны компании, для нивелирования возможностей, когда неуправляемый поток слухов и сплетен начинает внутренне дезорганизовать и разрушать коллектив компании.

Слухи и сплетни в восприятии российских сотрудников

Начиная с 2008 г. компания SuperJob проводит волновые исследования, посвященные самым раздражающим российских сотрудников факторам на работе. Более, чем 17-летний период изучения данного вопроса дает интересную картину восприятия сплетен и слухов.

²⁵ Луман Н. Реальность массмедиа. М., 2005. С. 37.

Во-первых, достаточно динамичное изменение отношение к данной неформальной коммуникации со стороны российских сотрудников сочетается с относительной стабильностью тем. Как правило, слухи в российских организациях укладываются в три основных тематических блока: 1) рабочие процессы (повышения, организационные изменения, контроль, рабочие конфликты и т.д.); 2) подробности личной жизни других сотрудников; 3) другое (имплементация различных внешних событий и их связь с внутриорганизационными процессами, событиями или персонами).

Значительная часть слухов касается коллег и руководителей, при чем в разных аспектах — и в части выполнения организационных задач и функциональных обязанностей, и обсуждения их личных качеств и жизненных обстоятельств. В этом отношении в современных российских организациях слухи часто переплетаются со сплетнями. И в этом как в зеркале проявляется двойственность и противоречивость нашей культуры. С одной стороны, считается нормальным, допустимым и естественным обсудить коллег, а с другой — как будет показано ниже, эти естественные (закреплённые и воспроизводимые) практики выступают одними из самых раздражающих, стрессовых факторов в российских коллективах. И когда они становятся избыточными, не подвергаются нивелированию, профилактике, это естественным образом запускает деструктивные процессы разрушения коллектива и снижения возможностей эффективно решать поставленные задачи.

Слухи о персонах демонстрируют творческое начало русского человека — будучи небольшими по размеру, они всегда образны (метафоричны), могут рассматриваться как мини-истории. Такое творчество жизни, как уже отмечалось, не только дает участникам информацию (фактологию) о внутриорганизационных взаимодействиях, но позволяет ее создателю “преодолеть монотонность существования и реализовать нереализуемую в официальной социальной практике энергию созидания”²⁶.

В корпоративном секторе некоторые российские руководители оценили потенциал использования практики “посудачить о них в коллективе” и используют их как инструмент формирования и укрепления персональных брендов. Руководители как селебрити начинают относиться к слухам и к сплетням, как показателям и свидетельствам их личной популярности. Принимая высказывание

²⁶ Автухович Т. Сплетня как феномен жизни и литературы // Филолог. 2004. Вып. 5. URL: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mnum_5 (дата обращения: 22.09.2025).

Оскара Уайльда: “Хуже, чем сплетни о вас, может быть только их отсутствие” — как руководство к действию. Достаточно часто они не только не запрещают, но стимулируют народное творчество. Но использование такого подхода допустимо и приводит к позитивным последствиям только в организациях с определённым типом корпоративной культуры. Управленческая мода на такие технологии (без учета факторов особенностей коллектива, сложившегося типа взаимодействий) способна оказать в целом разрушительное влияние на и без того низкий уровень доверия в российских компаниях.

Начиная с момента первого этапа волновых исследований в 2008 г. и до наступления пандемии (2020), слухи постепенно становились менее раздражающим организационным фактором (рис.).

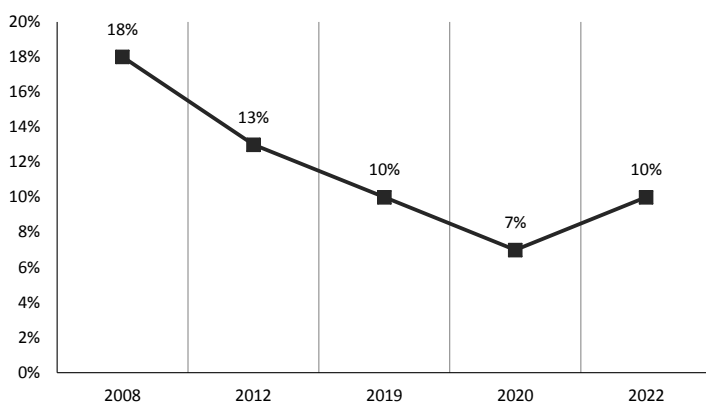

Рис. Динамика отношения российских сотрудников к слухам как раздражающему фактору в рабочих процессах, 2008–2022

Источник: Составлено автором на основании данных опросов SuperJob²⁷

Во многом по оценкам экспертов это было связано с тем, что устойчиво формировался тренд на более конструктивную рабочую обстановку в российских организациях: увеличивался процент опрошенных, которых ничего не раздражало на рабочем месте (с 10% в 2008 г. до 23% в 2022-м). Представленные данные, с одной стороны, подтверждают очевидную вещь — фактор социально-эко-

²⁷ Составлено на основе результатов исследований SuperJob. URL: <https://www.superjob.ru/community/kollektiv/9290/?next=15>; <https://www.superjob.ru/community/kollektiv/68875/>; <https://www.superjob.ru/research/articles/113445/v-kollegah-po-ofisu-rossiyan-bolshe-vsego-razdrzhayut-spletni/>; <https://www.superjob.ru/research/articles/112569/v-ofise-v-kollegah-bolshe-vsego-razdrzhaet-kurenie/>; <https://www.superjob.ru/research/articles/112176/bolshe-vsego-v-kollegah-razdrzhaet-kurenie/>

номической и политической нестабильности (2008 г. — финансовый кризис, 2022 — специальная военная операция) провоцирует вероятно усиление слухов в организациях, создает общий контекст их неприятия и раздражения. Так, первые замеры отношения к слухам были проведены в 2008 г. в разгар экономического кризиса, что вкупе с общей неопределенностью, стимулировало негативное отношение к слухам, которые не проясняли перспективы для работников (увольят или нет, сможет организация остаться на плаву, сократят ли заработную плату, что будет с инфляцией и т.д.), а еще более усугубляли и без того стрессовую ситуацию. По мере того, как потенциал слухов в объяснении ситуации, выработке стратегии поведения в условиях неопределенности начинал работать, а также в общем контексте улучшения ситуации — россияне толерантнее начинали относиться к подобной информации.

Интересно, что пандемия COVID-19 со всей ее неопределенностью и страхами не вызвала такого эффекта, а наоборот сгладила отношение. Расширение удаленных форматов работы — позволили россиянам не только сравнить и понять особенности удаленного взаимодействия, но и внесли коррективы в представление о том, что раздражает в коллегам. В ходе исследования 2020 г. раздражающие факторы оффлайн формата не претерпели изменений в ранге, но сделали более лояльным отношение к привычкам и поведению других — также как и в 2019 г. курение и сплетни лидировали в перечне раздражителей, но нервировали только 9% и 7% опрошенных²⁸. Удаленный формат привел к заметному снижению раздражения: 38% опрошенных отметили, что в коллегам на удаленке их ничего не раздражает. Самым же неприятным явлением в рабочем общении через интернет стало игнорирование сообщений и звонков коллегами на удаленке (7%). На втором месте — лень (6%). Протестировав онлайн формат работы, значительная часть российских работников позитивно отнеслась к возврату в офисы, к “живому общению”: после периода заточений и социальных изоляций, соскучившись, российские работники стали терпимее относиться к слухам и сплетням.

В 2022 г. процент российских работников, высказывающих негативное отношение к слухам и сплетням на рабочем месте, опять

²⁸ В офисе в коллегам больше всего раздражает курение, на удаленке — игнорирование сообщений // Опрос Исследовательского центра портала SuperJob.ru 19–30 ноября 2020 года. Место проведения опроса: Россия, все округа. Исследуемая совокупность: экономически активные граждане России старше 18 лет, имеющие постоянную работу. N=1600. URL: <https://www.superjob.ru/research/articles/112569/v-ofise-v-kollegah-bolshe-vsego-razdrzhaet-kurenie/> (дата обращения: 13.09.2025).

начал расти (10% опрошенных указали на них как самый раздражающий фактор в работе). И как будет показано на данных 2024–2025 гг., раздражение и недовольство в отсутствии конструктивных действий со стороны руководства компаний способствовало переходу в более жесткую плоскость: россияне стали не просто раздражаться на наличие слухов, пустой болтовни и сплетен от коллег и сослуживцев, но рассматривать их в качестве стрессора, как проявление абьюзивного поведения и манипуляций.

Следует также отметить, что за весь период обследований сплетни/ слухи/ пустая болтовня на рабочем месте устойчиво входили в топ-3 основных причин, раздражающих российских сотрудников (таб.).

Таблица

Топ-3 раздражающих российских сотрудников факторов на работе 2008–2022 гг.

2008		2012		2019		2020		2022	
Топ-3 раздражающих фактора	% опрошенных	Топ-3 раздражающих фактора	% опрошенных	Топ-3 раздражающих фактора	% опрошенных	Топ-3 раздражающих фактора	% опрошенных	Топ-3 раздражающих фактора	% опрошенных
1. Сплетни, пустые разговоры	18	1. Курение	15	1. Курение	12	1. Курение	9	1. Сплетни, слухи, пустые разговоры	10
2. Курение	16	3. Сплетни, пустые разговоры	13	2. Сплетни, слухи, пустые разговоры	10	3. Сплетни, слухи, пустые разговоры	7	2. Курение	9
3. Звездная болезнь/ высокомерие коллег	6	4. Бестактность, бесцеремонность, навязчивость	5	4. Лицемерие, интриги, жалобы, лень	5	4. Бескультурье, хамство	7	2. Лень и халатность на работе	5

Источник: Составлено автором на основе результатов исследований SuperJob²⁹

²⁹ Составлено на основе результатов исследований SuperJob. URL: <https://www.superjob.ru/community/kollektiv/9290/?next=15>; <https://www.superjob.ru/community/kollektiv/68875/>; <https://www.superjob.ru/research/articles/113445/v-kollegah-po->

Интересно, что на протяжении всего периода изучения с 2008 по 2020 г. сплетни и слухи были единственной раздражающей привычкой, по которой существенно в оценках расходились мнения мужчин и женщин: представительниц слабого пола эта черта в коллегах раздражала чаще, чем мужчин (например, 7% мужчин против 17% женщин (2012), 5% мужчин против 9% женщин (2020)), но к 2022 г. этот фактор стал одинаково негативно восприниматься и мужчинами, и женщинами.

Важно указать и на связь слухов с другой раздражающей российских сотрудников привычкой коллег — курением. Иностранные компании давно выявили прямую связь между двумя главными стрессорами (слухами и курением) — поэтому в ряде организационных программ пытаются “убить двух зайцев сразу”. Например, British American Tobacco много лет подбирает в штат некурящих сотрудников. Делается это не только ради того, чтобы сотрудники не тратили зря рабочее время или следования моде на здоровый образ жизни, а именно для системного искоренения слухов. По мнению компании, чем реже сотрудники курят, тем меньше сплетен и слухов.

Таким образом, пост-пандемийный эффект снижения негатива в отношении сплетен и слухов длился недолго, как отмечалось выше уже в 2022 г. для вернувшихся к традиционному оффлайновому формату работы они начали выступать самыми раздражающими факторами. По сравнению с 2020 г. опрошенные стали спокойнее реагировать на хамство и опоздания соседей по офису, а также на лень и прокрастинацию удаленных работников. При этом сплетни и чаепития на рабочем месте стали вызывать больше раздражения.

В последние два года все чаще слухи и сплетни со стороны сослуживцев начинают восприниматься как один из основных факторов абьюзивного поведения, с ними сталкиваются в рабочих процессах 11% опрошенных российских работников. Поэтому слухи наряду с психологическим давлением (13%), публичной критикой и оскорблениями (13%) становятся инструментами системного психологического давления на работе, приводящего к стрессу, снижению продуктивности, падение самооценки у сотрудников и усиливающими процессы отчуждения в коллективе³⁰. Так в 2025 г.

ofisu-rossiyan-bolshe-vsego-razdrzhayut-spletni/; <https://www.superjob.ru/research/articles/112569/v-ofise-v-kollegah-bolshe-vsego-razdrzhaet-kurenie/>; <https://www.superjob.ru/research/articles/112176/bolshe-vsego-v-kollegah-razdrzhaet-kurenie/>

³⁰ В условиях дефицита кадров россияне стали чаще винить руководство в абьюзе // SuperJob.ru. 2024. 24 окт. URL:<https://www.superjob.ru/research/articles/114949/v-usloviyah-deficita-kadrov-rossiyane-stali-chasche-vinit-rukovodstvo-v-abyuze/> (дата обращения: 22.09.2025).

процент недовольных коллегами россиян вырос вдвое: главным источником стресса на работе 14% опрошенных назвали поведение коллег (в 2024 г. таких было 7%)³¹. В сослуживцах раздражает токсичность, склонность к сплетням, грубость, недоброжелательность, суетливость и проч. Даже отношение руководства и непрофессионализм команды раздражают и приводят к стрессу у россиян существенно реже, чем слухи и сплетни. Следует отметить, что ряд исследований показывает еще более высокий уровень неприятия слухов в организационной среде. Так, согласно исследованию Работу.ру в 2023 г. половина опрошенных (45%) отмечала, что больше всего в коллективе раздражают сплетни и слухи. Это нервировало чаще, чем привычки громко разговаривать по телефону (31%) и откладывать выполнение задач на последний момент (26%). При этом представителей старших поколений это раздражало гораздо больше, чем молодых: среди опрошенных в возрасте от 20 до 30 лет доля россиян негативно оценивающих слухи — 38%, а среди респондентов старше 50 лет — 44%³².

Данные свидетельствуют об усилении деструктивного воздействия этого типа неформальной коммуникации на рабочие процессы и межличностные взаимодействия, но главное в отсутствие должного внимания со стороны организации к диагностике и при необходимости купировании ситуации становятся фактором, усиливающим и без того высокий уровень стресса в современных российских организациях: доля российских сотрудников, оценивающих свой стресс как сильный и очень сильный, увеличилась с 36% (2023) до 45% (2025), а почти треть отмечают, что стресс на работе они испытывают постоянно³³. В этой связи слухи в отсутствии решения или контроля над ситуацией могут становиться устойчивым, долгосрочным фактором хронического стресса сотрудников, приводить к снижению продуктивности, выгоранию и потере вовлеченности. Важным позитивным драйвером изменения сложившейся ситуации, выступает то, что российские организации постепенно формулируют запрос к соискателям вакантных

³¹ Стресс на работе // SuperJob.ru. 2025. 13–17 июля. URL: <https://www.superjob.ru/pro/6505/> (дата обращения: 22.09.2025).

³² Россияне рассказали, что их раздражает в коллегам // Работа.ру. 2023. Сент. URL: <https://press.rabota.ru/rossiyane-rasskazali-cto-ikh-razdrazhaet-v-kollegakh> (дата обращения: 12.09.2025).

³³ Новая стабильность: почему у россиян острый стресс сменился на хронический // Forbes. 2025.28.03. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/533702-novaa-stabil-nost-pocemu-u-rossian-ostriy-stress-smenilsa-na-hronicseskij> (дата обращения: 12.09.2025).

мест и к действующим сотрудникам на конструктивную модель организационного поведения. В стоп-лист требований работодателей, не позволяющих войти в организацию или сохранить должность, а также существенно ограничивающих возможность карьерного продвижения, входят не только привычки курить в ущерб рабочим процессам (67,4%), регулярно опаздывать (45,6% работодателей негативно относятся к данной практике), но и распространять слухи и сплетни (38,7%)³⁴. Положительно сработают и грамотно организованные информационные кампании с позитивными слухами. Исследования демонстрируют, что если слухи содержат позитивную информацию о рабочем процессе, организации, каких-то важных социальных явлениях, то это может укреплять сотрудничество и социальные связи в группах без необходимости в формальных механизмах наказания, способствовать более быстрой адаптации нового сотрудника, который через, казалось бы, пустые разговоры много понимает о внутренних процессах³⁵. В целом слухи способны стать инструментом извлечения знания о социальном мире, наряду с развлечением и возможностью установить контакты с другим человеком.

Важно понимать, что бороться со слухами прямыми директивными методами неэффективно. Слухи нельзя просто запретить. Иллюстрацией неэффективности такого подхода является эксперимент муниципальных властей Филиппин. Муниципалитет города Биналонана в 2019 г. принял закон о запрете слухов и сплетен (“chismis”), таким образом муниципалитет хотел сэкономить ресурсы — из-за любви горожан к сплетням и слухам, которые преимущественно касались собственности, денег, супружеских измен, власти вынуждены были разрешать и урегулировать множество возникающих конфликтов³⁶. В ходе эксперимента нарушителей ждали суровые санкции: при первом правонарушении штрафовали на 200 песо (около 4 долл.) и приговаривали к трем часам уборки городского мусора, при повторных нарушениях штраф в размере до 20 долл. и восемь часов общественных работ. Несмотря на

³⁴ Опоздания, сон на рабочем месте и сплетни: работодатели назвали главные привычки, которые мешают карьере // КоммерсантЪ. 2024.27.09. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7195314> (дата обращения: 10.09.2025).

³⁵ Jolly E., Chang L.J. Gossip drives vicarious learning and facilitates social connection // *Current Biology*. 2021. Vol. 31. N 12. P. 2539–2549.

³⁶ Ellis-Petersen H. Have you heard about the Philippine mayor who banned gossip? // *The Guardian*. 2019.01.05. URL: <https://www.theguardian.com/world/2019/may/01/have-you-heard-about-the-philippine-mayor-who-banned-gossip> (дата обращения: 18.09.2025).

временное снижение частоты выявленных слухов и даже попытки распространить эксперимент еще на несколько ближайших муниципалитетов, эксперимент был свернут после того, как слухи были направлены на инициаторов закона. Многочисленные слухи и сплетни о главах и сотрудников муниципалитета (например, об их огромных доходах и возможности решить любые, в том числе материальные проблемы людей), распушенные недовольными горожанами, привели к росту массовых обращений жителей за материальной помощью и фактически коллапсу городского управления. Поэтому необходимо искать инновационные подходы к управлению слухами. С одной, стороны, современным организациям нужно научиться не бояться слухов, видеть в них те факты жизни, которые умалчиваются и не попадают в официальную коммуникацию, то, что составляет оборотную, закулисную сторону событий и фактов. Важно вовремя разглядеть за слухами растущую неуверенность сотрудников (именно она часто порождает необходимость поделиться с другими своей интерпретацией событий) и недостаточную организационную работу по выстраиванию эффективных обратных связей (информационные пробки в организационных каналах коммуникации являются катализаторами увеличения слухов). Современная методологическая и прикладная база изучения слухов, диагностики подобных коммуникаций дает широкие возможности и определения причин спонтанно возникающих слухов внутри организаций³⁷, и инструменты их дезавуирования, если они содержат негативную, разрушающую имидж, репутацию или систему взаимодействий информацию, так и пространство для создания и включения слухов в дополнение к существующей системе формальных коммуникаций. Цифровая трансформация управления человеческими ресурсами, появление новых технических возможностей как в генерации и распространении слухов, так и оценке их влияния на организационные процессы, создают базу для превращения слухов в позитивный ресурс, особенно в кризисных ситуациях, выступая основой для формирования коллективной резилентности. Но реализовать этот позитивный потенциал можно только в условиях понимания ограничений, с упором на приоритет устойчивого управления такими неформальными коммуникациями, не для манипуляций, а с целью гармонизации рабочих процессов и улучшения социального благополучия сотрудников.

³⁷ Sun T., Schilpzand P., Liu Y. Workplace gossip: an integrative review of its antecedents, functions, and consequences // *Journal of Organizational Behavior*. 2023. Vol. 44. N 2. P. 311–334.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

В условиях дефицита кадров россияне стали чаще винить руководство в абьюзе // SuperJob.ru. 2024. 24 окт. URL: <https://www.superjob.ru/research/articles/114949/v-usloviyah-deficita-kadrov-rossiyane-stali-chasche-vinit-rukovodstvo-v-abyuze/> (дата обращения: 22.09.2025).

Горбатов Д.С. Функции слухов в социальной среде // Ученые записки СПбГИПСР. 2014. Вып. 1. Т. 21. С. 17–22.

Горбатов Д.С. Психология слухов и сплетен: Монография. СПб., 2012.

Горбатов Д.С., Большаков С.Н. Слухи в зарубежной социологии и социальной психологии: теоретические подходы // Социологические исследования. 2015. № 7. С. 98–107.

Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М., 2000.

Дорцева Е.В. Особенности пропагандистского воздействия на современную российскую молодёжь в цифровой среде // Социология. 2024. № 2.

Елишев С.О. Социальное манипулирование молодёжью. М., 2018.

Елишев С.О. Спецслужбы иностранных государств, международные организации и СМИ, поддерживаемые ими, как субъекты манипулятивного воздействия на молодёжь // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2018. Т. 24. № 3. С. 121–132.

Елишев С.О. Средства методы и технологии манипулятивного воздействия на современную молодёжь // Представительная власть — XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2019. № 7–8 (174–175). С. 31–43.

Караяни А.И. Слухи как средство информационно-психологического противодействия // Психологический журнал. 2003. № 6.

Луман Н. Реальность массмедиа. М., 2005.

Новая стабильность: почему у россиян острый стресс сменился на хронический // Forbes.. 2025.28.03. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/533702-novaa-stabil-nost-posemu-u-rossian-ostriy-stress-smenilsa-na-hronicskij> (дата обращения: 12.09.2025).

Опоздания, сон на рабочем месте и сплетни: работодатели назвали главные привычки, которые мешают карьере // Коммерсантъ. 2024.27.09. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7195314> (дата обращения: 10.09.2025).

Россияне рассказали, что их раздражает в коллегам // Работа.ру. 2023. Сент. URL: <https://press.rabota.ru/rossiyane-rasskazali-chto-ikh-razdrazhaet-v-kollegakh> (дата обращения: 12.09.2025).

Смелзер Н. Социология. М., 1994.

Стресс на работе // SuperJob.ru. 2025. 13–17 июля. URL: <https://www.superjob.ru/pro/6505/> (дата обращения: 22.09.2025).

Томпсон К. Рецепты корпоративной культуры. Как изменить привычное поведение. М., 2005.

REFERENCES

Allport G.W., Postman L. The basic of psychology of rumor. N.Y., 1945. S. II. Vol. 8.

Balliet D., Wu J., Van Lange P.A.M. Indirect reciprocity, gossip, and reputation-based cooperation. N.Y., 2020.

Baumeister R.F., Liqing Z. Gossip as cultural learning // Review of General Psychology. 2004. Vol. 8. N 2. P. 111–121. DOI: 0.1037/1089-2680.8.2.111

Dortseva E.V. Osobennosti propagandistskogo vozdeistviya na sovremennuyu rossiiskuyu molodezh' v tsifrovoi srede [Features of propaganda influence on modern Russian youth in the digital environment] // Sotsiologiya. 2024. N 2 (in Russian).

Dunbar R.I. Gossip in evolutionary perspective // Review of General Psychology. 2004. Vol. 8. N 2. P. 100–110. DOI: 10.1037/1089-2680.8.2.100

Elishev S.O. Sotsial'noe manipulirovanie molodezh'yu [Social manipulation of youth]. M., 2018 (in Russian).

Elishev S.O. Spetssluzhby inostrannykh gosudarstv, mezhdunarodnye organizatsii i SMI, podderzhivaemye imi, kak sub"ekty manipulyativnogo vozdeistviya na molodezh' [Special services of foreign states, international organizations and media supported by them as subjects of manipulative influence on youth] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya. 2018. T. 24. N 3. P. 121–132 (in Russian).

Elishev S.O. Sredstva, metody i tekhnologii manipulyativnogo vozdeistviya na sovremennuyu molodezh' [Means, methods and technologies of manipulative influence on modern youth] // Predstavitel'naya vlast' — XXI vek: zakonodatel'stvo, komentarii, problemy. 2019. N 7–8 (174–175). P. 31–43 (in Russian).

Ellis-Petersen H. Have you heard about the Philippine mayor who banned gossip? // The Guardian. 2019.01.05. URL: <https://www.theguardian.com/world/2019/may/01/have-you-heard-about-the-philippine-mayor-who-banned-gossip> (accessed: 18.09.2025).

Feinberg M., Willer R., Schultz M. Gossip and ostracism promote cooperation in groups // Psychological science. 2014. Vol. 25. N 3. P. 656–664.

Goffman I. Predstavlenie sebya drugim v povsednevnoi zhizni [The Presentation of Self in Everyday Life]. M., 2000 (in Russian).

Gorbatov D.S. Funktsii slukhov v sotsial'noi srede [Functions of rumors in the social environment] // Uchenye zapiski SPbGIPSR. 2014. Vyp. 1. T. 21. P. 17–22 (in Russian).

Gorbatov D.S. Psikhologiya slukhov i spletni: monografiya [Psychology of rumors and gossip: monograph]. SPb., 2012 (in Russian).

Gorbatov D.S., Bol'shakov S.N. Slukhi v zarubezhnoi sotsiologii i sotsial'noi psikhologii: teoreticheskie podkhody [Rumors in foreign sociology and social psychology: theoretical approaches] // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2015. N 7. P. 98–107 (in Russian).

Jolly E., Chang L.J. Gossip drives vicarious learning and facilitates social connection // Current Biology. 2021. Vol. 31. N 12. P. 2539–2549.

Karayani A.I. Slukhi kak sredstvo informatsionno-psikhologicheskogo protivodeistviya [Rumors as a means of information-psychological counteraction] // Psikhologicheskii zhurnal. 2003. N 6 (in Russian).

Kimmel A.J. Rumors and rum or control: a manager's guide to understanding and combatting rumors. N.Y., 2012.

Luhmann N. Real'nost' massmedia [The Reality of the Mass Media]. M., 2005 (in Russian).

Medeiros B., Singh P. Addressing misinformation on WhatsApp in India through intermediary liability policy, platform design modification, and media literacy // Journal of Information Policy. 2020. T. 10. P. 276–298.

Miller D.E. Rumor: an examination of some stereotypes // *Symbolic Interaction*. 2005. Vol. 28. N 4.

Mullen P.B. Modern legend and rumor theory // *Journal of the Folklore Institute*. 1972. Aug.–Dec. Vol. 9. N 2–3. P. 95–109.

Novaya stabil'nost': pochemu u rossiyan ostryi stress smenilsya na khronicheskii [New stability: why Russians' acute stress turned into chronic] // *Forbes*. 2025.28.03. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/533702-novaa-stabil-nost-pocemu-u-rossian-ostryj-stress-smenilsa-na-hroniceskij> (accessed: 12.09.2025) (in Russian).

Opozdayaniya, son na rabochem meste i spletni: rabotodateli nazvali glavnye privycki, kotorye meshayut kar'ere [Lateness, sleeping at work and gossip: employers named the main habits that hinder career] // *Kommersant*. 2024.27.09. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7195314> (accessed: 10.09.2025) (in Russian).

Robbins M.L., Karan A. Who gossips and how in everyday life? // *Social Psychological and Personality Science*. 2020. Vol. 11(2). P. 185–195. DOI: <https://doi.org/10.1177/1948550619837000>

Rossiyanе rasskazali, chto ikh razdrazhaet v kollegakh [Russians told what annoys them about colleagues] // *Rabota.ru*. September 2023. URL: <https://press.rabota.ru/rossiyane-rasskazali-chto-ikh-razdrazhaet-v-kollegakh> (accessed: 12.09.2025) (in Russian).

Shibutani T. *Improvised news: a sociological study of rumor*. Indianapolis, 1966.

Smelser N. *Sotsiologiya* [Sociology]. M., 1994 (in Russian).

Sommerfeld R.D. *et al.* Gossip as an alternative for direct observation in games of indirect reciprocity // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2007. Vol. 104. N 44. P. 17435–17440.

Stress na rabote [Stress at work] // *SuperJob.ru*. 2025.13–17.07. URL: <https://www.superjob.ru/pro/6505/> (accessed: 22.09.2025) (in Russian).

Sun T., Schilpzand P., Liu Y. Workplace gossip: an integrative review of its antecedents, functions, and consequences // *Journal of Organizational Behavior*. 2023. Vol. 44.

Tompson K. *Retsepty korporativnoi kul'tury. Kak izmenit' privychnoe povedenie* [Recipes for corporate culture. How to change habitual behavior]. M., 2005 (in Russian).

V usloviyakh defitsita kadrov rossiyanе stali chashche vinit' rukovodstvo v ab'yuze [In conditions of personnel shortage, Russians more often blame management for abuse] // *SuperJob.ru*. 2024.24.10. URL: <https://www.superjob.ru/research/articles/114949/v-usloviyah-deficita-kadrov-rossiyane-stali-chasche-vinit-rukovodstvo-v-abyuze/> (accessed: 22.09.2025) (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2026-32-1-109-127

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ КАК ИНСТРУМЕНТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ СНИЖЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ РИСКОВ

В.А. Сушко, канд. социол. наук, доц., доц. кафедры социологии государственного управления социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

В данной статье рассматриваются механизмы и инструменты предотвращения экологических рисков посредством реализации национальных экологических проектов, включая организационно-экономические отношения, методы оценки эффективности и пути совершенствования экологической политики.

Актуальность данной проблематики заключается в растущем осознании значимости экологического равновесия для обеспечения стабильности социально-экономического развития стран. Экологические риски могут приводить к экономическим потерям, проблемам со здоровьем населения и социальным конфликтам. Поэтому анализ того, как национальные проекты могут способствовать снижению этих рисков, имеет прямое отношение к обеспечению устойчивости и безопасности общества.

Исследование этого вопроса также открывает возможность выявить лучшие практики и интегрировать их в различные области управления и планирования. Участие населения и вовлечение различных социальных групп в реализацию экологических инициатив становятся важным аспектом, который может значительно повысить эффективность национальных проектов.

Национальные проекты могут служить основой для формирования устойчивых управленческих практик, которые помогают минимизировать риски, связанные с экологической неграмотностью населения и недостаточной координацией между различными уровнями власти. Их реализация требует межведомственного взаимодействия, что, в свою очередь, создает платформу для более эффективного обмена знаниями и ресурсами.

В качестве примера в статье рассматривается национальный проект “Экология”, утвержденный правительством России в декабре 2018 г., и который стал одной из наиболее масштабных государственных инициатив по переосмыслению и реформированию экологической политики страны.

Ключевые слова: роль государства в предотвращении экологических рисков, национальные проекты, государственная политика, социальная экология, экологические вызовы.

* Сушко Валентина Афанасьевна, e-mail: valentina.sushko@gmail.com

NATIONAL PROJECTS AS AN INSTRUMENT OF STATE POLICY IN THE SPHERE OF REDUCING ENVIRONMENTAL RISKS

Sushko Valentina A., Associate Professor, Candidate of Sociology, Department of sociology of public administration Faculty of Sociology of Lomonosov Moscow State University, Leninskiye Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, Moscow, Russian Federation, e-mail: valentina.sushko@gmail.com

This article examines mechanisms and tools for preventing environmental risks through the implementation of national environmental projects, including organizational and economic relationships, methods for evaluating effectiveness, and ways to improve environmental policy.

The relevance of this issue lies in the growing awareness of the importance of ecological balance for ensuring stable socioeconomic development in countries. Environmental risks can lead to economic losses, public health problems, and social conflicts. Therefore, analyzing how national projects can help reduce these risks is directly related to ensuring the sustainability and security of society.

Research into this issue also offers the opportunity to identify best practices and integrate them into various areas of management and planning. Public participation and the involvement of various social groups in the implementation of environmental initiatives are becoming an important aspect that can significantly improve the effectiveness of national projects.

National projects can serve as a basis for developing sustainable management practices that help minimize the risks associated with environmental illiteracy and insufficient coordination between different levels of government. Their implementation requires interagency cooperation, which, in turn, creates a platform for more effective knowledge and resource sharing. As an example, the article examines the national project "Ecology", approved by the Russian government in December 2018 and which has become one of the most ambitious state initiatives to rethink and reform the country's environmental policy.

Key words: role of the state in preventing environmental risks, national projects, state policy, social ecology, environmental challenges.

Введение

Национальные проекты в сфере экологии часто включают в себя широкий спектр мероприятий, от восстановления экосистем и очистки водоемов до внедрения новых технологий, направленных на снижение выбросов и уменьшение загрязнения. Эти проекты могут служить основой для формирования устойчивых управленческих практик, которые помогают минимизировать риски, связанные с экологической неграмотностью населения и недостаточной координацией между различными уровнями власти. Их реализация требует межведомственного взаимодействия, что, в свою очередь,

создает платформу для более эффективного обмена знаниями и ресурсами.

Исследование национальных проектов в сфере экологии как фактора предотвращения экологических рисков является крайне актуальным в свете глобальных экологических вызовов, с которыми сталкивается человечество в XXI в. Непредсказуемые изменения климата, резкое сокращение биоразнообразия, загрязнение ресурсов и деградация экосистем — все эти факторы ставят под угрозу не только естественную среду обитания, но и качество жизни людей. В этом контексте, национальные проекты, направленные на решение экологических проблем, представляют собой стратегически важный инструмент, способный существенно изменить ситуацию.

Начало XXI в. ознаменовалось новой волной общественного интереса к экологическим вопросам. Например, по данным ВЦИОМ (2018–2021), в структуре социальных страхов вопросы, связанные с качеством воды, воздуха и отходами, уверенно вышли в тройку наиболее острых для большинства россиян. На протяжении десятилетий граждане ощущали быстрое ухудшение состояния окружающей среды как на уровне своих городов и поселков, так и в информационном пространстве: новости об авариях, вспышках заболеваний, коммунальных и промышленных кризисах формировали стойкое коллективное ощущение экологической тревоги. Стало очевидно, что без системных преобразований проблема становится национальной угрозой¹.

Поэтому очевидная актуальность данного вопроса заключается в растущем осознании значимости экологического равновесия для обеспечения стабильности социально-экономического развития стран. Экологические риски могут приводить к экономическим потерям, проблемам со здоровьем населения и социальным конфликтам. Поэтому анализ того, как национальные проекты могут способствовать снижению этих рисков, имеет прямое отношение к обеспечению устойчивости и безопасности общества.

Роль государства в предотвращении экологических рисков

Роль государства в предотвращении экологических рисков в России регламентируется и утверждается целым рядом официальных документов, отражающих стратегические приоритеты на

¹ Кудинова Г.Э., Розенберг А.Г. Переход к зеленой экономике и устойчивому развитию России и регионов // Районирование территорий: принципы и методы. Тольятти, 2021. С. 158–166.

разных уровнях власти. В Конституции РФ содержатся фундаментальные гарантии. Статья 42 закрепляет право каждого гражданина на благоприятную окружающую среду, а также на возмещение причиненного ущерба вследствие экологических правонарушений. В свою очередь, статья 114 обязывает Правительство Российской Федерации принимать меры по сохранению природного богатства, биологического разнообразия страны и снижению негативного воздействия на окружающую среду².

На практике система правового регулирования строится вокруг понятия жизненно важных интересов личности, общества и государства, о чем говорится в статье 1 Закона РФ “О безопасности”³. Здесь подчеркивается, что безопасность включает в себя защищенность от внутренних и внешних угроз, а к жизненно важным интересам относят не только существование и развитие самих субъектов, но и право на благоприятную окружающую среду, здоровье, а также сохранение материальных, духовных и культурных ценностей, поддержание суверенитета и экономической независимости, основанных на доступных природных ресурсах.

Положение Конституции и базовые ценностные ориентиры находят свое продолжение в конкретных нормативно-правовых актах. Так, Федеральный закон “Об охране окружающей среды” № 7-ФЗ от 10 января 2002 г. определяет основы государственной экологической политики, ее задачи и инструменты, направленные на сохранение природы, обеспечение экологической безопасности и устойчивого развития⁴. Важно, что данный документ формирует систему государственной ответственности за сохранение природного потенциала страны.

Особое внимание уделяется чистоте атмосферного воздуха: в Федеральном законе “Об охране атмосферного воздуха” № 96-ФЗ от 4 мая 1999 г. регулируются вопросы предотвращения загрязнения, ответственность хозяйствующих субъектов, правила между-

² Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/00001202007040001> (дата обращения: 08.09.2025).

³ Федеральный закон “О безопасности” от 28.12.2010 N 390-ФЗ (последняя редакция) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108546/ (дата обращения: 08.09.2025).

⁴ Федеральный закон “Об охране окружающей среды” от 10.01.2002 N 7-ФЗ (последняя редакция) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108546/ (дата обращения: 08.09.2025).

народного сотрудничества, государственный учет вредных воздействий и регламенты по организации контроля⁵. Это позволяет выстроить прозрачную и подконтрольную всем участникам систему учета и снижения источников загрязнения.

В качестве стратегических инструментов выделяются и акты Президента и Правительства РФ. Указ Президента РФ от 19 апреля 2017 г. № 176 утвердил “Стратегию экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года”, обозначив основные экологические угрозы и задачи государственной политики по их нейтрализации, а также определив механизмы взаимодействия, координации органов власти и инструментов реализации⁶.

Комплексная государственная программа Российской Федерации “Охрана окружающей среды”, утвержденная постановлением Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 326 (в редакции от 14 мая 2025 г.), систематизирует и объединяет усилия по различным направлениям: от мониторинга и устранения повреждений до просвещения и формирования культуры бережного отношения к природе.

Рассмотрение роли государства требует понимания. Действительно ли есть принципиальная специфика в обеспечении экологической безопасности применительно к человеку, обществу и государству, либо меры по предотвращению экологических рисков совпадают с иными направлениями экологической политики. В не юридической литературе нередко встречается трактовка экологической безопасности через призму состояния самой природы, без акцента на стержневые интересы человека и общества. Между тем, в праве экологическая безопасность — это прежде всего защищенность человека, общества и государства.

В современной российской правовой системе (и практике правоприменения) обеспечение экологической безопасности практически неотделимо от задач охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов. Итоговое состояние защищенности достигается за счет нормативного регулирования качества окружающей среды, установления допустимых уровней антропогенного воздействия, контроля над промышленными вы-

⁵ Федеральный закон “Об охране атмосферного воздуха” от 04.05.1999 N 96-ФЗ (последняя редакция) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108546/ (дата обращения: 18.09.2025).

⁶ Указ Президента РФ от 19.04.2017 N 176 “О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года” // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108546/ (дата обращения: 18.09.2025).

бросами, введения требований к размещению и эксплуатации хозяйственных объектов, проведения оценки воздействия на окружающую среду (ОВОС), экологической экспертизы и сертификации. Искключительно важную роль играет и система экологического нормирования, в рамках которой устанавливаются допустимые уровни вредных выбросов, сбросов, изъятия природных ресурсов и иных воздействий на окружающую среду.

Важность комплексного подхода подтверждается и в отдельных стратегических государственных программах и законах. Например, Федеральный закон “Об охране окружающей среды” определяет систему регулирования, направленную на сбалансированное решение социально-экономических задач, сохранение благоприятной окружающей среды, биологического разнообразия и ресурсов для нынешних и будущих поколений. Здесь же отмечено — правовые механизмы, требования к хозяйственной и иной деятельности, осуществляемой человеком, служат одновременно задаче обеспечения экологической безопасности и предотвращения негативного воздействия на природу.

Рассуждая о самостоятельности направления деятельности государства по обеспечению экологической безопасности, научная литература и законодательство не выделяют специфических мер, уникальных только для этой сферы. Все основные инструменты (экологическое нормирование, экспертиза, мониторинг, контроль, лицензирование) — это и есть формы охраны окружающей среды и обеспечения рационального использования ресурсов. Соответственно, предотвращение экологических рисков посредством деятельности государства заключается в последовательной реализации именно этих комплексных мер⁷.

Особое место занимают принципы предупреждения и предотвращения экологических угроз. Международный опыт и доктрина показывают рост осознания приоритета “предупреждения и предотвращения” перед парадигмой “реагирования и корректировки”, что перерастает в законодательное закрепление механизмов ранней оценки, обязательного учета экологических факторов еще на стадии принятия управленческих и хозяйственных решений. Однако, как отмечают специалисты, концепция экологической безопасности не всегда обеспечивает действенный сдвиг в приоритетах государственной деятельности. Часто декларации о признании экологической безопасности частью национальной безопасности не влекут за собой реальное ужесточение контроля и внедрение новых ин-

⁷ Бринчук М.М. Обеспечение экологической безопасности как правовая категория // Государство и право. 2008. № 9. С. 38.

струментов, а практические меры ограничиваются привычными механизмами охраны природы.

Российское государство, являясь наследником богатейших природных ресурсов, объективно заинтересовано в их сбережении — не только из соображений устойчивого развития, но и в целях сохранения суверенитета, экономической самостоятельности, поддержания бюджетных доходов. Поэтому государственная политика по предотвращению экологических рисков тесно связана с интересами национальной безопасности, энергетики, промышленности, демографии и здравоохранения.

При этом степень эффективности предотвращения экологических рисков значительно определяется готовностью государства жестко контролировать выполнение экологических стандартов, противодействовать экономическим интересам в ущерб экологии, а также способностью интегрировать экологические приоритеты в архитектуру развития ключевых отраслей. Критически важна прозрачность, открытость экологической информации, развитие общественного экологического контроля, реальное участие населения в принятии решений, способных повлиять на окружающую среду⁸.

Международные соглашения и стандарты, в свою очередь, задают рамки и направления национальной политики, что дополнительно подчеркивает значимость ответственности государства в поддержании экосистемной устойчивости не только в национальных, но и глобальных масштабах.

В итоге роль государства в предотвращении экологических рисков заключается в следующем: именно оно формирует правовые и организационные основы охраны окружающей среды, разрабатывает и внедряет принципы и механизмы экологического контроля, обеспечивает реализацию обязательств по устойчивому развитию, создает предпосылки для гармоничного сосуществования экономических, социальных и природных систем, поддерживает баланс между развитием и сохранением ресурсов для будущих поколений⁹. Все это невозможно без системной работы — от нормотворчества и регулирования до мониторинга, просвещения и стимулирования деловой и общественной активности в интересах природы и будущего страны.

⁸ Голиченков А.К. Охрана окружающей природной среды, обеспечение экологической безопасности, обеспечение рационального использования природных ресурсов: общее и особенное // Экологическая безопасность: проблемы, поиск, решения: Сб. статей. М., 2001. С. 144.

⁹ Кадомцева А.Е. Экологическая функция современного российского государства / Под ред. М.И. Байтина. Саратов, 2001. С. 46–71.

Национальные проекты как инструмент государственной политики в сфере снижения экологических рисков

Одним из центральных направлений и долгосрочных векторах российской экологической политики выступает формирование экономики замкнутого цикла. В нормативных документах и национальных указах последних лет неоднократно заявлялась задача сократить количество отходов, уменьшить их захоронение и повысить долю вторичного вовлечения ресурсов. Экономика замкнутого цикла — это принципиально новый взгляд на природопользование: отходы должны рассматриваться не как обуза, а как источник сырья и энергии, который можно и нужно возвращать в хозяйственный оборот¹⁰.

В рамках национальных целей до 2030 г. поставлена задача обеспечить сортировку 100% ежегодно образуемых твердых коммунальных отходов (ТКО) и ограничить объем их захоронения не более, чем 50%. Одновременно ставится цель: не менее 25% отходов производства и потребления должны использоваться как вторичные ресурсы и сырье. Уже к 2022 г. достигнута почти половина запланированных показателей: около 50% ТКО направляются на сортировку, а параллельно снижается и общий объем захоронения. Но особенно важно, что теперь ставка делается не просто на уменьшение количества отходов, но и на вовлечение их в хозяйственный оборот¹¹.

Этот переход совпадает с мировой тенденцией, где ключевыми словами становятся “рециклинг”, “регенерация”, “рекуперация”, создание промышленной и инфраструктурной базы для глубокой переработки¹². Нормативные акты (в частности, ФЗ “Об отходах производства и потребления”) четко определяют методы вторичного использования — от прямого применения в производстве до извлечения полезных компонентов и преобразования в энергию.

Вместе с тем, на практике эффективность перехода к замкнутому циклу во многом определяется экономическими механизмами и региональной спецификой. Низкая рентабельность рециклинга, слабые стимулы для предприятий, отсутствие гибкой дифферен-

¹⁰ Прохоров А.П. Перспективы реализации национальных проектов Российской Федерации на период 2025–2030 годов с учетом новой модели экономического развития // Мир новой экономики. 2024. № 18(1). С. 18–26. DOI: 10.26794/2220-6469-2024-18-1-18-26

¹¹ Тагаева Т.О. Реформирование управления деятельностью по ликвидации отходов в РФ // ЭКО: всероссийский экономический журнал. 2020. № 9. С. 46–61. DOI: 10.30680/ЕКО0131-7652-2020-9-46-61

¹² Пискулова Н.А. Влияние экологического фактора на мировое экономическое развитие // Вестник МГИМО-Университета. 2010. № 6. С. 208–214.

цированной поддержки пока сдерживают масштабное вовлечение отходов во вторичный оборот. Наиболее активно этот процесс идет в отдельных крупных промышленных регионах (Московская, Тамбовская, Тюменская области), где уровень сортировки ТКО достигает 100%, тогда как в ряде субъектов сортировка практически не ведется, и показатели утилизации стремятся к нулю. Такая диспропорция требует гибкой региональной политики и адресных программ поддержки.

Национальные проекты детально прописывают механизмы формирования единой системы обращения с отходами. Еще в Указе Президента РФ от 07.05.2018 № 204 был сделан акцент на ликвидации несанкционированных свалок, комплексной структуризации обращения с ТКО, создании системы общественного контроля. В новой редакции до 2030 г. задачи обновлены и дополнены: достичь 100% сортировки ТКО, вдвое снизить объемы захоронения, вовлечь в оборот не менее четверти всех отходов производства и потребления.

Следует отметить, что объем захоронения — показатель абсолютный, фактически не зависящий от изменений в способе подсчета, в то время как сортировка ТКО методологически требует еще отдельных уточнений, так как терминологически “сортировка” не выделена в действующем законодательстве как самостоятельный этап, а выступает частью широкой “обработки”. Аналогичная ситуация наблюдается и с терминами “вовлечение в хозяйственный оборот”, “утилизация”, которые охватывают разные по сложности и стоимости технологии.

Важно подчеркнуть, что сегодняшние проекты уже опираются на тщательно проработанную инфраструктурную основу. Федеральный проект “Комплексная система обращения с твердыми коммунальными отходами” аккумулирует значительные средства (преимущественно внебюджетные), формирует новую индустрию обращения с отходами, создает рабочие места, способствует развитию муниципальных образований.

Серьезной проблемой остается региональная дифференциация. Стратегия, ориентированная на средние показатели, не учитывает разницу возможностей и потребностей субъектов федерации. Для ряда территорий установленные индикаторы могут оказаться недостижимыми, а для лидеров — не сыграть стимулирующей роли. Гибкость и адресность — ключевые направления совершенствования¹³.

¹³ Изотова Г. Большинство проблем национальных проектов пока не решены // Сайт Счетной палаты Российской Федерации. 2022.19.12. URL: <https://ach.gov.ru/news/galina-izotova-bolshinstvo-problem-natsionalnykh-proektov-poka-ne-resheny>

Еще одной стратегической задачей, декларируемой в национальных проектах, является сокращение выбросов опасных загрязняющих веществ в атмосферу и реабилитация водных объектов. Экология — многослойная система, где каждый элемент непосредственно влияет на состояние всей среды.

В государственной программе по охране окружающей среды и в национальных приоритетах острейшим образом ставится вопрос об уменьшении выбросов наиболее опасных для здоровья человека веществ. Новейшие указы (2020, 2024) фиксируют цель снижения объемов выбросов в два раза, причем приоритет отдается именно городам с высоким и очень высоким уровнем загрязнения воздуха. При этом удачной инновацией стало внедрение системы квотирования выбросов для отдельных городов, комплексная оценка рисков и разработка адресных комплексных планов, включающих переход промышленных объектов на лучшие доступные технологии. Остается нерешенной задача масштабирования опыта на всю территорию страны, не сводясь к отдельным экспериментальным городам.

Аналогично, в вопросе предотвращения загрязнения воды и реабилитации рек и озер важнейшее внимание уделяется снижению сбросов неочищенных сточных вод, причем акцент делается на ключевые водоемы — Волгу, Байкал, крупнейшие реки и озера страны. Хотя к 2022 г. удалось даже опередить плановые показатели по снижению сбросов в Океан и Байкал, потребуются дальнейшие вложения в систему очистки, обращения с осадками, внедрение наукоемких технологий.

Специальная тема — объекты накопленного вреда. Национальные проекты предусматривают ликвидацию 50 наиболее опасных объектов к 2030 г., а также утилизацию не менее 50% отходов I и II классов опасности к 2036 г. Здесь необходима полноценная инфраструктура — специальные полигоны, установки по нейтрализации и утилизации, цифровые системы учета и контроля за движением опасных отходов. Несмотря на достигнутый прогресс, уровень задач оценивают как умеренно амбициозный по сравнению с уже созданным потенциалом, что требует повышения планки в будущих стратегических циклах¹⁴.

Будущее экологическое благополучие зависит и от сохранности природных экосистем. В рамках национального проекта “Эколо-

¹⁴ Тютюкина Е.Б. Эффективность финансирования национального проекта “Экология”: оценка, проблемы, решения // Бизнес. Образование. Право. 2023. № 4. С. 156–160. DOI: 10.25683/VOLBI.2023.65.838

гия” и других программ последовательно реализуется политика сохранения биологического разнообразия, поддержания лесистости, создания новых особо охраняемых природных территорий (ООПТ). К 2022 г. уже открыто 17 новых ООПТ, а к 2024 намечено довести их число до 24, с перспективой увеличения доли ООПТ до 13,5% территории страны.

Своеобразным катализатором становится экологический туризм — особое направление, которое одновременно развивает экономику регионов, стимулирует охрану природы и способствует воспитанию экологической культуры у населения. Количество посетителей ООПТ за последние годы выросло более чем вдвое, достигнув 14 млн человек в 2022 г. При успешной работе всех национальных парков по модернизации инфраструктуры (проживание, маршруты, сервисы) посещаемость может вырасти еще больше, что усилит их экономическую роль и позволит направить часть доходов на природоохранные меры¹⁵.

Национальные проекты в сфере экологии представляют собой мощный механизм аккумулирования ресурсов. Общий объем финансирования только для проекта “Экология” запланирован в районе 4 триллионов рублей, причем доля внебюджетных средств превышает 79%. Такая финансовая модель оправдана для стимулирования притока инвестиций и повышения эффективности расходов, однако на практике пока отмечаются проблемы с четкой увязкой между целями, механизмами привлечения частного капитала и реальными финансовыми потоками. Ряд проектов претерпели значительное сокращение бюджетных ассигнований (до 50–56% в некоторых случаях), что, по мнению контрольных и экспертных органов, может поставить под угрозу достижение стратегических целей. Разработка и внедрение проработанных финансовых и юридических механизмов частно-государственного партнерства остается одной из главных задач для повышения устойчивости всей системы.

Также стоит упомянуть социальные факторы, которые оказывают значительное влияние на состояние экологии, формируя повседневное поведение людей, их отношение к природным ресурсам и готовность участвовать в экологически значимых инициативах. В нашем обществе большое значение имеют ценности, связанные с отношением к природе: они могут передаваться из поколения в по-

¹⁵ Никанорова А.Д. Нормативно-правовые проблемы развития экологического туризма на особо охраняемых природных территориях в Российской Федерации // Туризм и рекреация: фундаментальные и прикладные исследования. Тр. XV Междунар. науч.-практ. конф. Тверь, 2020. С. 279–287.

коление, формироваться под воздействием системы образования, культуры и средств массовой информации. Когда в обществе укрепляются экологические ценности, люди начинают по-настоящему заботиться о чистоте окружающей среды, выбирать экологичные товары, бережно относиться к воде, энергии, сортировать отходы и поддерживать общественные инициативы.

Нормы поведения — еще один ключевой фактор. Если норма — не мусорить, экономить ресурсы, пользоваться общественным транспортом и участвовать в акциях по уборке территорий — становится распространенной и общественно одобряемой, то большинство людей невольно стремится ей соответствовать. Такие стандарты поведения формируются на уровне семьи, школы, трудового коллектива или даже целого города, и могут быстро распространяться при поддержке государства. В этом смысле национальные проекты — как, например, “Экология” — играют важную роль: они способствуют формированию у населения новых установок и привычек.

Экологические риски сегодня рассматриваются не как абстрактные теоретические категории, а как реальные многоуровневые вызовы, напрямую связанные с историческим развитием общества, технологическим прогрессом, эволюцией хозяйственных практик и формированием новых стилей управления. Эволюция научных взглядов на экологические риски показала, что угрозы для экосистем и человека невозможно рассматривать только с позиций природных наук; ключевое значение придается социальным, культурным, управленческим и правовым аспектам.

Современная социально-экологическая мысль констатирует: риск — это результат сложных взаимодействий между человеком, обществом и природой. Преодоление негативных последствий возможно лишь на базе междисциплинарного анализа, включающего биологические, социологические, экономические и правовые компоненты. Именно поэтому государственный подход сегодня строится на сочетании научных, нормативных, организационных и образовательных инструментов, что подтверждается анализом законодательных актов, стратегий и программ, принятых на федеральном уровне в России.

Особая роль в предотвращении и снижении экологических рисков принадлежит государству, которое выступает гарантом прав на благоприятную среду и носителем институтов, способных регулировать отношения между экономикой, экологией и обществом. Многочисленные мероприятия правового, административного и просветительского характера формируют комплексную систему

реагирования — от мониторинга и экспертизы до стимулирования инноваций и привлечения общественности к решению экологических вопросов.

Национальные проекты становятся действенным инструментом государственной политики, аккумулируя ресурсы, мобилизуя социальную энергию и задавая масштабные ориентиры для развития экономики замкнутого цикла, новых стандартов обращения с отходами, сокращения выбросов и сохранения природного капитала. Особое значение приобретает интеграция экономических стимулов, регионального регулирования, просвещения, а также формирование широкой общественной поддержки благодаря выработке новых ценностей и норм поведения.

Национальный проект “Экология”

Национальный проект “Экология”, утвержденный правительством России в декабре 2018 г., стал одной из наиболее масштабных государственных инициатив по переосмыслению и реформированию экологической политики страны. Его появление предопределила острая нехватка действенных механизмов для регулирования и решения широко накопившихся проблем: от опасного уровня загрязнения воздуха и воды в ряде регионов до практически отсутствующей эффективной системы обращения с отходами и деградации уникальных природных экосистем. Анализируя данный проект с социологической точки зрения, важно подчеркнуть: он отражает глубинные запросы российского общества, ожидающего от государства действенной заботы о здоровье и безопасности среды, в которой живет¹⁶.

На этом фоне национальный проект “Экология” может рассматриваться как долгожданный сигнал государства, демонстрирующий признание важности социо-экологических проблем и намерение их решать.

Вся архитектура проекта выстроена вокруг шести генеральных целей, отражающих ключевые направления экологической модернизации страны: внедрение передовых технологий, радикальное обновление системы обращения с отходами, борьба за чистоту воздуха и воды, восстановление и сохранение лесов, защита биоразнообразия и экологическое оздоровление крупнейших рек.

Для решения этих задач государство задействует сложную многоуровневую систему управления: координация проходит как

¹⁶ Национальные проекты России. URL: <https://xn--80aapampemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/projects/ekologiya/> (дата обращения: 30.09.25).

по вертикали (федеральный центр — регион — муниципалитеты), так и по горизонтали (межведомственное сотрудничество, участие бизнеса и общества). С точки зрения социологии управления это воплощает модель “корпоративистой” или сетевой политики, когда множество акторов объединяет усилия ради достижения национальных целей.

Примечательно, что одним из базовых условий успеха выступает не централизованный диктат, а стимулирование широкой общественной и предпринимательской инициативы. Подразумевается создание условий, при которых каждый участник процесса — от крупной корпорации до жителя сельского поселения — чувствует свою сопричастность и ответственность за конечный результат.

Таблица

Основные направления проекта и показатели¹⁷

Направление	Основные задачи и целевые показатели
Экологические технологии	Внедрение современных технологий, снижение нагрузки на среду
Отходы	Сортировка, переработка, ликвидация крупных свалок, 36% утилизация
Чистый воздух	Снижение выбросов в 12 крупнейших городах на 20%
Чистая вода	Рост населения с централизованным питьевым водоснабжением
Оздоровление Волги	Реконструкция очистных, сокращение сбросов загрязненных вод
Сохранение лесов	Баланс выбывающих и восстанавливаемых насаждений

На практике проект столкнулся с большими вызовами уже на старте. Помимо объективных экономических трудностей (рецессия, последствия пандемии и санкций), значимую роль сыграли социокультурные особенности: инерция мышления, недоверие к государственным инициативам, низкая экологическая грамотность части населения. В социологическом контексте это выражается феноменом “слабой коллективной ответственности”: проблема общая, но решение кажется личным делом других.

Однако наблюдается и обратная динамика. С появлением новых экологических инфраструктур (экотроп, парков, перерабатываю-

¹⁷ Паспорт национального проекта “Экология”. URL: <http://static.government.ru/media/files/pgU5C cz2iVew3Aoel5vDGSBjbDn4t7FI.pdf>

щих мощностей) отношение населения стало постепенно меняться. Число волонтерских акций, просветительских программ, участие молодежи в экологических инициативах увеличивается, что свидетельствует о формировании зачатков реального гражданского экологического общества.

Для многих граждан вовлечение в экологическую повестку становится не только вопросом гигиены и безопасности, но и символом новых стандартов качества жизни, связанных как с физическим, так и с психологическим комфортом, чувством причастности к позитивным изменениям. Формируются новые стили досуга — экологические субботники, походы, изучение ареалов редких животных. В крупных городах появился спрос на экологичную мобильность (велосипеды, каршеринги), экоактивизм, развивается городской эко-дизайн.

Национальные проекты не могут оставаться статичными. Их перспективы вплетены в процесс постоянного совершенствования, внедрения новых технологий, корректировки целей и средств с учетом меняющейся экологической обстановки, социальных и экономических запросов.

Текущие вызовы требуют перехода на более глубокую интеграцию цифровых механизмов учета и контроля; развития инструментов “прямой демократии” (электронных обсуждений решений, экопросмотров), а также широкой просветительной кампании. Можно ожидать увеличения числа грантовых программ для НКО, стартапов, научных коллективов, внедряющих “зеленые” инновации. Перспективно смотрится приоритетное развитие экосистемных сервисов, органического сельского хозяйства, формирование “зеленых поясов” вокруг городов.

Параллельно государство и бизнес должны учитывать уникальную специфику российских территорий: в одних широтах — проблема свалок и мусора, в других — опустынивание или деградация торфяников, третьи страдают от дефицита воды или, наоборот, от затопления.

Национальный проект “Экология” стал откликом на тревожные запросы российского общества и объективную необходимость крупных трансформаций: массовое внимание к вопросам качества воды, воздуха, состояния лесов и переработки отходов вышло на первый план в силу многолетнего накопления критических проблем, серьезно затрагивающих повседневную жизнь граждан и создающих угрозу для развития страны. Архитектура проекта, с одной стороны, отражает стремление выстроить единую вертикаль и го-

ризонталь решений от федерального уровня до муниципалитетов, а с другой — демонстрирует попытку вовлечь в процесс максимальное количество участников, от крупного бизнеса и органов власти до самых обычных жителей.

Практика реализации показала сложность поиска баланса между управленческим потенциалом государства, реальной “вовлеченностью” граждан и инициативами бизнеса. Среди главных барьеров можно выделить социокультурную инерцию (недостаток доверия, низкую экологическую грамотность, эффект “чужой ответственности”), ограниченность ресурсной базы, а также разницу региональных условий. Финансовое наполнение проекта в значительной степени опирается на внебюджетные источники, что позволяет говорить о формировании социально-государственного партнерства, однако и здесь пути развития далеки от завершенности: бизнес зачастую ожидает более четких преференций или стимулов для долгосрочных инвестиций.

Реально прослеживается позитивная динамика по этому вопросу — растет гражданская инициатива, ширится объем экологического просвещения, вовлечение молодежи, создаются новые инструменты обратной связи (цифровые сервисы, интерактивные карты, общественные советы). Рост числа волонтерских и образовательных проектов, постепенное появление нового типа “экологического обихода” (сортировка отходов, эко маршруты, общественные посадки) становятся маркерами формирования зачатков экологически ответственного общества.

Проблемы эффективности реализации особенно наглядно проявляются в вопросах обращения с отходами, контроля промышленных выбросов, сохранения лесов. Здесь на первый план выходит не столько наличие программ, сколько качество их исполнения, сопровождение и контроль, а также реальная интеграция новых технологий мониторинга и обработки.

В перспективе развитие экологической политики России невозможно без глубокой интеграции цифровых и социальных технологий, усиления поддержки инноваций, формирования новых профессиональных кадров для отрасли и проведения широкой просветительской работы. Необходимо учитывать многоукладность российских регионов, адаптировать механизмы финансирования и управления к реальным социально-экономическим условиям каждого субъекта федерации, развивать партнерские программы между государством, бизнесом и некоммерческим сектором, внедрять “зеленые” стандарты управления во все сферы хозяйственной деятельности.

В заключение отметим, что национальный проект “Экология” наглядно показывает, что только соединение принципов научности, государственной воли и общественной ответственности способно привести к устойчивым экологическим преобразованиям. Перед страной стоит задача ликвидировать отдельные острые проблемы, выстроить системную модель гармоничного достойного сосуществования человека и природы — и именно здесь национальные проекты становятся ключевым инструментом инновационного экологического развития России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бринчук М.М. Обеспечение экологической безопасности как правовая категория // Государство и право. 2008. № 9.

Голиченков А.К. Охрана окружающей природной среды, обеспечение экологической безопасности, обеспечение рационального использования природных ресурсов: общее и особенное // Экологическая безопасность: проблемы, поиск, решения: Сб. статей. М., 2001.

Изотова Г. Большинство проблем национальных проектов пока не решены // Сайт Счетная палата Российской Федерации. 2022.19.12. URL: <https://ach.gov.ru/news/galina-izotova-bolshinstvo-problem-natsionalnykh-proektov-poka-ne-resheny>

Кадомцева А.Е. Экологическая функция современного российского государства / Под ред. М.И. Байтина. Саратов, 2001.

Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001> (дата обращения: 08.09.2025).

Кудинова Г.Э., Розенберг А.Г. Переход к зеленой экономике и устойчивому развитию России и регионов // Районирование территорий: принципы и методы. Тольятти, 2021.

Национальные проекты России. URL: <https://xn--80aarpemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/projects/ekologiya/> (дата обращения: 30.09.25).

Никанорова А.Д. Нормативно-правовые проблемы развития экологического туризма на особо охраняемых природных территориях в Российской Федерации // Туризм и рекреация: фундаментальные и прикладные исследования. Тр. XV Междунар. науч.-практ. конф. Тверь, 2020.

Паспорт национального проекта “Экология”. URL: <http://static.government.ru/media/files/pgU5Ccz2iVew3Aoel5vDGsbjBdn4t7FI.pdf> (дата обращения: 30.09.25).

Пискулова Н.А. Влияние экологического фактора на мировое экономическое развитие // Вестник МГИМО-Университета. 2010. № 6. С. 208–214.

Прохоров А.П. Перспективы реализации национальных проектов Российской Федерации на период 2025–2030 годов с учетом новой модели экономического развития // Мир новой экономики. 2024. № 18(1).

Тагаева Т.О. Реформирование управления деятельностью по ликвидации отходов в РФ // ЭКО: Всероссийский экономический журнал. 2020. № 9.

Тютюкина Е.Б. Эффективность финансирования национального проекта “Экология”: оценка, проблемы, решения // Бизнес. Образование. Право. 2023. № 4.

Указ Президента РФ от 19.04.2017 N 176 “О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года” // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108546/ (дата обращения: 18.09.2025).

Федеральный закон “О безопасности” от 28.12.2010 N 390-ФЗ (последняя редакция) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108546/ (дата обращения: 08.09.2025).

Федеральный закон “Об охране окружающей среды” от 10.01.2002 N 7-ФЗ (последняя редакция) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108546/ (дата обращения: 08.09.2025).

Федеральный закон “Об охране атмосферного воздуха” от 04.05.1999 N 96-ФЗ (последняя редакция) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108546/ (дата обращения: 18.09.2025).

REFERENCES

Brinchuk M.M. Obespechenie ekologicheskoy bezopasnosti kak pravovaya kategoriya [Ensuring Environmental Safety as a Legal Category] // Gosudarstvo i pravo. 2008. N 9 (in Russian).

Federal'nyj zakon “O bezopasnosti” ot 28.12.2010 N 390-FZ (poslednyaya redakciya) [Federal Law “On Security” of December 28, 2010 N 390-FZ (latest revision)] // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108546/ (data obra-shcheniya: 08.09.2025) (in Russian).

Federal'nyj zakon “Ob ohrane okruzhayushchej sredy” ot 10.01.2002 N 7-FZ (poslednyaya redakciya) [Federal Law “On Environmental Protection” of January 10, 2002 N 7-FZ (latest revision)] // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108546/ (data obrashcheniya: 08.09.2025) (in Russian).

Federal'nyj zakon “Ob ohrane atmosfernogo vozduha” ot 04.05.1999 N 96-FZ (poslednyaya redakciya) [Federal Law “On Atmospheric Air Protection” of May 4, 1999 N 96-FZ (latest revision)] // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108546/ (data obrashcheniya: 18.09.2025) (in Russian).

Golichenkov A.K. Ohrana okruzhayushchej prirodnoj sredy, obespechenie ekologicheskoy bezopasnosti, obespechenie racional'nogo ispol'zovaniya prirodnih resursov: obshchee i osobennoe [Environmental Protection, Environmental Safety, and Rational Use of Natural Resources: General and Specific] // Ekologicheskaya bezopasnost': problemy, poisk, resheniya: Sb. statej. M., 2001 (in Russian).

Izotova G. Bol'shinstvo problem nacional'nyh proektov poka ne resheny. Schetnaya palata Rossijskoj Federacii [Most of the National Projects' Problems Have Not Yet Been Resolved]. 2022.19.12. URL: <https://ach.gov.ru/news/galina-izotova-bolshinstvo-problem-natsionalnykhproektov-poka-ne-resheny>

Kadomceva A.E. Ekologicheskaya funkciya sovremennogo rossijskogo gosudarstva [The Ecological Function of the Modern Russian State] / Pod red. M.I. Bajtina. Saratov, 2001 (in Russian).

Konstituciya Rossijskoj Federacii: [prinyata vsenarodnym golosovaniem 12 dekabrya 1993 g. s izmeneniyami, odobrennymi v hode obshcherossijskogo golosovaniya 01 iyulya 2020 g.] [Constitution of the Russian Federation: [adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020]] // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001> (data obrashcheniya: 08.09.2025) (in Russian).

Kudinova G.E., Rozenberg A.G. Perekhod k zelenoj ekonomike i ustojchivomu razvitiyu Rossii i regionov [Transition to a Green Economy and Sustainable Development of Russia and its Regions] / V knige: Rajonirovanie territorij: principy i metody. Tol'yatti, 2021 (in Russian).

Nacional'nye proekty Rossii [National Projects of Russia]. URL: <https://xn--80aapampemcchfm07a3c9ehj.xn--p1ai/projects/ekologiya/> (data obrashcheniya: 30.09.2025) (in Russian).

Nikanorova A.D. Normativno-pravovye problemy razvitiya ekologicheskogo turizma na osobo ohranyaemyh prirodnyh territoriyah v Rossijskoj Federacii [Regulatory Issues of Ecotourism Development in Specially Protected Natural Areas in the Russian Federation] // Turizm i rekreaciya: fundamental'nye i prikladnye issledovaniya. Tr. XV Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Tver, 2020 (in Russian).

Pasport nacional'nogo proekta "Ekologiya" [Passport of the National Project "Ecology"]. URL: <http://static.government.ru/media/files/pgU5Ccz2iVew3Aoel5vDGSBjbDn4t7FI.pdf> (data obrashcheniya: 30.09.25) (in Russian).

Piskulova N.A. Vliyanie ekologicheskogo faktora na mirovoe ekonomicheskoe razvitie [The Impact of the Environmental Factor on Global Economic Development] // Vestnik MGIMO-Universiteta. 2010. N 6. S. 208–214 (in Russian).

Prohorov A.P. Perspektivy realizacii nacional'nyh projektov Rossijskoj Federacii na period 2025–2030 godov s uchetom novej modeli ekonomicheskogo razvitiya [Prospects for the Implementation of National Projects of the Russian Federation for the Period 2025–2030, Taking into Account the New Economic Development Model] // Mir novej ekonomiki. 2024. N 18(1) (in Russian).

Tagaeva T.O. Reformirovanie upravleniya deyatel'nost'yu po likvidacii othodov v RF [Reforming Waste Management in the Russian Federation] // EKO: Vserossijskij ekonomicheskij zhurnal. 2020. N 9 (in Russian).

Tyutyukina E.B. Effektivnost' finansirovaniya nacional'nogo proekta "Ekologiya": ocenka, problemy, resheniya [Efficiency of Financing the National Project "Ecology": Assessment, Problems, and Solutions] // Biznes. Obrazovanie. Pravo. 2023. N 4 (in Russian).

Ukaz Prezidenta RF ot 19.04.2017 N 176 "O Strategii ekologicheskoy bezopasnosti Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda" [Decree of the President of the Russian Federation of April 19, 2017 No. 176 "On the Environmental Security Strategy of the Russian Federation through 2025"] // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108546/ (data obrashcheniya: 18.09.2025) (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2026-32-1-128-150

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ РАЗВИТИЯ ФОНДОВОГО РЫНКА В РОССИИ

К.Д. Дорцев, асп. кафедры экономической социологии и менеджмента социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

Настоящая статья посвящена становлению и развитию в России фондового рынка (рынка ценных бумаг) как важнейшего элемента финансовой системы в условиях рыночной экономики. Автор подчеркивает, что функционирование фондового рынка (или фондовых рынков) в стабильной экономике имеет чрезвычайно большое значение для ее саморегулирования, а также выполняет важнейшие функции. Рынок ценных бумаг в нашей стране начал свое формирование в первой половине 1991 г. после принятия Постановления Совета Министров РСФСР № 601 от 25 декабря 1990 г. № 601 “Об утверждении Положения об акционерных обществах” и прошел в своем развитии четыре этапа. В целом же становление российского фондового рынка как началось, так и продолжалось по совершенно нестандартному для мировой практики пути. Сегодня российский фондовый рынок несмотря на свою относительную молодость тесно связан с политикой и мировой экономикой, где прямо или косвенно отражаются на стоимости активов (акций, облигаций и производных инструментов), а основной тенденцией развития фондового рынка России на современном этапе является рост его популярности, как инструмента управления личными финансами.

В статье подчеркивается, что понимание как динамики, так и детерминант развития фондовых рынков необходимо не только для понимания взаимосвязи между финансами и экономическим ростом, но также имеет важные последствия для политики, поскольку проливает свет на те области, в которых требуется вмешательство правительства для изменения экономической и институциональной среды.

Немаловажным фактором, определяющим развитие фондового рынка, является структура экономики, а устойчивые положительные темпы экономического роста ведут к появлению новых рынков, а также к расширению возможностей компаний для роста и получения прибыли, что служит стимулом для компаний получать финансирование за счет привлечения капитала для расширения операций. Кроме того, развитие фондового рынка требует глубокой и разнообразной базы инвесторов.

Однако важнейший блок поддержки и развития фондового рынка представляют институциональные факторы или детерминанты, к которым от-

* Дорцев Кирилл Дмитриевич, e-mail: k.dortsev@gmail.com

носятся широкий спектр таких факторов, как регулирование, затрагивающее публичных эмитентов ценных бумаг, рыночных посредников, управление активами, инструменты надзора и правоприменения, торговые платежи и системы расчетов, а также корпоративное управление и прозрачность. Применительно к развитию фондового рынка институциональные факторы можно сгруппировать в рамках следующих трех компонентов: нормативно-правовой базы, рыночной инфраструктуры, и “прочих” факторов, спектр которых значительно варьирует и которые детально анализируются в настоящей статье. В результате автор приходит к выводу о том, что решающее значение для развития фондовых рынков имеет стабильная макроэкономическая среда, а рациональная и предсказуемая макроэкономическая политика повышает доверие инвесторов к рынку и создает благоприятную среду для принятия инвестиционных решений.

Ключевые слова: рыночная инфраструктура экономики, финансовая система, фондовый рынок, факторы развития фондового рынка, институциональные детерминанты, механизмы регулирования фондового рынка.

INSTITUTIONAL DETERMINANTS OF STOCK MARKET DEVELOPMENT IN RUSSIA

Dortsev Kirill D., Postgraduate Student of the Department of Economic Sociology and Management, Sociological Faculty, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: k.dortsev@gmail.com

This article is devoted to the formation and development of the stock market (securities market) in Russia as the most important element of the financial system in a market economy. The author emphasizes that the functioning of the stock market (or stock markets) in a stable economy is extremely important for its self-regulation, and also performs the most important functions. The securities market in our country began its formation in the first half of 1991 after the adoption of Decree of the Council of Ministers of the RSFSR No. 601 of December 25, 1990 N 601 “On approval of the Regulations on Joint-Stock Companies” and went through four stages in its development. In general, the formation of the Russian stock market both began and continued along a completely non-standard path for world practice. Today, the Russian stock market, despite its relative youth, is closely connected with politics and the global economy, where it directly or indirectly affects the value of assets (stocks, bonds and derivatives), and the main trend in the development of the Russian stock market at the present stage is its growing popularity as a tool for managing personal finances.

The article emphasizes that understanding both the dynamics and determinants of the development of stock markets is necessary not only to understand the relationship between finance and economic growth, but also has important policy implications, as it sheds light on those areas in which government intervention is required to change the economic and institutional environment.

An important factor determining the development of the stock market is the structure of the economy, and sustained positive economic growth leads to the emergence of

new markets, as well as to the expansion of companies' opportunities for growth and profit, which serves as an incentive for companies to receive financing by attracting capital to expand operations. In addition, the development of the stock market requires a deep and diverse investor base.

However, the most important block of support and development of the stock market are institutional factors or determinants, which include a wide range of factors such as regulation affecting public securities issuers, market intermediaries, asset management, supervisory and enforcement tools, trade payments and settlement systems, as well as corporate governance and transparency. With regard to the development of the stock market, institutional factors can be grouped into the following three components: regulatory framework, market infrastructure, and "other" factors, the range of which varies significantly and which are analyzed in detail in this article. As a result, the author concludes that a stable macroeconomic environment is crucial for the development of stock markets, and rational and predictable macroeconomic policies increase investor confidence in the market and create a favorable environment for making investment decisions.

Key words: market infrastructure of economy, financial system, stock market, stock market development factors, institutional determinants, stock market regulation mechanisms.

Важным результатом первых этапов рыночных реформ, инициированных в нашей стране в конце прошлого столетия, стала новая — рыночная структура российской экономики, включающая в себя как государственный, так и частный (негосударственный) сектора, а также такие важнейшие элементы как товарная и финансовая системы. В финансово-кредитном энциклопедическом словаре под редакцией А.Г. Грязновой под финансовой системой понимается «совокупность взаимосвязанных и взаимодействующих частей, звеньев, элементов, непосредственно участвующих в финансовой деятельности и способствующих ее осуществлению»¹. Финансовая система — это также «совокупность взаимосвязанных структурных элементов, как непосредственно участвующих в финансовой деятельности, так и способствующих ее осуществлению. С помощью данной системы субъекты экономики (прежде всего речь идет о домашних хозяйствах, предприятиях и органах государственной власти) имеют возможность получать финансовые средства, инвестировать свои сбережения, а также удовлетворять иные потребности, связанные с функционированием финансовой сферы»².

Ключевым элементом финансовой системы в условиях рыночной экономики является рынок финансов — «рынок кратко-,

¹ Финансово-кредитный энциклопедический словарь / Под общ. ред. А.Г. Грязновой. М., 2002. С. 1021.

² Рябцев С.В. Понятие «финансовой системы» в современной теории финансов // Финансы и кредит. 2012. № 15 (495). С. 56–61.

средне- и долгосрочных кредитов, ценных бумаг, вкладов, срочных сделок и т.п.”³ Важнейшим сегментом финансового рынка выступает рынок ценных бумаг или фондовый рынок — “часть финансового рынка, где осуществляется эмиссия, купля-продажа ценных бумаг”⁴. Следует отметить, что данный рынок работает в системе финансового рынка в целом и испытывает воздействия не только со стороны внутренних факторов экономической и политической конъюнктуры страны, но и со стороны мирового финансового капитала.

Функционирование фондового рынка (или фондовых рынков) в стабильной экономике имеет чрезвычайно большое значение для ее саморегулирования. В развитом состоянии этот рынок выполняет следующие важнейшие функции.

Во-первых, предоставляет “площадку”, где финансовые инструменты используются для мобилизации сбережений в экономике и их последующей конвертации в инвестиционные ресурсы, направляемые в наиболее эффективные капиталовложения.

Во-вторых, осуществляет “перелив” капитала из одних сфер производства в другие, благодаря чему происходят структурные изменения в экономике в соответствии с новыми условиями спроса.

В-третьих, обуславливает значительную степень гибкости институциональной структуры экономики, поскольку акции и другие ценные бумаги используются для построения системы финансовой зависимости, участия в смежных хозяйственных и финансовых образованиях, формирования холдингов и т.п.

В-четвертых, выполняет важную роль в повышении уровня платежеспособности предприятий, поскольку в их портфеле всегда поддерживается гарантийный удельный вес ликвидных ценных бумаг.

В-пятых, служит тонким барометром конъюнктуры, изменения деловой активности в экономике и обществе в целом.

Помимо этого, фондовые рынки выполняют множество других функций, например, могут повысить эффективность финансовой системы за счет конкуренции между различными классами финансовых инструментов. Это, в свою очередь, может увеличить отдачу от сбережений для тех, кто сберегает, а также может снизить стоимость привлечения средств для заемщиков. Фондовые рынки также могут улучшить стандарты бухгалтерского учета и налогоо-

³ Большой экономический словарь / Под ред. А.Н. Азриляна. М., 2000. С. 911.

⁴ Большой экономический словарь / Под ред. А.Н. Азриляна. М., 2000. С. 910; Крикливец А.А., Сухомыро П.С. Основные дискуссионные проблемы и современные тенденции развития российского фондового рынка // Молодой ученый. 2012. № 51.

бложения, поскольку инвесторы запрашивают более качественную и обширную информацию для сравнения результатов деятельности различных корпораций.

Рынок ценных бумаг (РЦБ) в России начал свое формирование в первой половине 1991 г. после принятия Постановления Совета Министров РСФСР № 601 от 25 декабря 1990 г. № 601 “Об утверждении Положения об акционерных обществах”⁵ и “прошел” в своем развитии четыре этапа.

Для первого этапа (1991–1992 гг.) становления данного рыночного сектора в экономике России, который часто характеризуют как период “хаоса и анархии”, были характерны следующие процессы:

- 1) создание (еще в 1990 г.) первых открытых АО, выпустивших акции в открытую продажу с первичным размещением в 1991 г. (банк “Менатеп”, Российская товарно-сырьевая биржа, Московская фондовая биржа);
- 2) появление на биржевых торгах (в марте 1991 г.) государственных облигаций;
- 3) массовое создание АО и выпуск их акций в свободную продажу;
- 4) организация многочисленных бирж (в 1991 г.) и начало функционирования других институтов (инвестиционных компаний и др.) данного рынка (1992 г.).

К концу этого этапа в основном было закончено формирование первичной нормативной базы функционирования данного рынка. Постановление Совета Министров РСФСР № 78 от 28 декабря 1991 г. “Об утверждении Положения о выпуске и обращении ценных бумаг и фондовых биржах в РСФСР”⁶. Итогом этого этапа можно считать появление (к весне 1992 г.) всевозможных видов ценных бумаг со всеми возможными сроками действия, эмитированными в основном корпорациями и государством.

Формальными вехами второго этапа (1992 — 2-я половина 1995 г.) становления данного рынка, определяемого специалистами как “период спада с переходом в состояние застоя”, стала новая система приватизационного законодательства, а также создание и развитие организованного рынка государственных ценных бумаг. Именно в 1994 г. рынок ценных бумаг в России впервые стал

⁵ Об утверждении положения об акционерных обществах: Постановление Совмина РСФСР от 25. 12. 1990. № 601 // СП РСФСР. 1991. № 6. Ст. 92.

⁶ Об утверждении положения о выпуске и обращении ценных бумаг и фондовых биржах в РСФСР: Постановление Правительства РСФСР от 28. 12. 1991. № 78 // Финансовая газета. 1992. № 5.

оказывать сильнейшее влияние на экономическое, и, даже, политическое развитие страны. Так, резкое расширение рынка ГКО в 1994 г. позволило, в определенной мере, уменьшить размер свободных денежных ресурсов, оказывавших негативное воздействие на соотношение курса рубля и доллара и на темпы инфляции. Резко увеличившийся размер сбережений населения спровоцировал появление значительного количества эмитентов (хотя и крайне низкой степени надежности), ориентированных на работу именно с физическими лицами. В 1994 г. впервые началось использование ценных бумаг (казначейских обязательств) для разрешения кризиса неплатежей. В этом же году иностранными инвесторами впервые были осуществлены крупные вложения в акции российских приватизированных предприятий.

Начало третьего этапа (1995–1997 гг.) формирования рынка ценных бумаг, именуемого “периодом бурного развития”, характеризовали следующие основные признаки:

- 1) появление (в 1994–1996 гг.) принципиально новой нормативной базы, определяющей институционально-регулятивные аспекты функционирования рынка ценных бумаг (вступление в силу ГК РФ и закона РФ “О рынке ценных бумаг”⁷, а также дополнения к нему в виде Указа Президента России от 7 июля 1996 г. № 1009 “О Федеральной комиссии по рынку ценных бумаг”⁸;
- 2) позитивные качественные изменения, связанные с дальнейшим становлением его инфраструктуры (появилось свыше 200 лицензированных регистраторов, шла подготовка к созданию центрального депозитария, имело место постепенное развитие кастодиальных услуг и т.п.).

Значимым отличием этого этапа являлось, кроме того, растущее его признание на международном уровне, а также доступ российских эмитентов к мировым финансовым рынкам. Относительная стабилизация курса рубля и замедление темпов инфляции, снижение доходности государственных ценных бумаг в 1995–1997 гг. в целом повысили доверие инвесторов к перспективам экономического развития России и ее отдельных компаний.

⁷ О рынке ценных бумаг: Федеральный закон Российской Федерации от 22. 04. 1996. № 39-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. 22 апр. № 17. Ст. 1918.

⁸ О Федеральной комиссии по рынку ценных бумаг: Указ Президента Российской Федерации от 01. 07. 1996. № 1009 // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. 8 июля. № 28. Ст. 3357.

Мировой финансовый кризис, начавшийся в 1997 г., наиболее сильно сказался на развивающихся рынках, к которым относился и российский. После пика осеннего кризиса 1997 г. в России, как и в других странах мира, наблюдался некоторый рост котировок. Тем не менее, “азиатский кризис”, как и падение мировых цен на сырье, стали лишь внешней причиной последующего масштабного финансового кризиса в самой России в 1998 г. Катастрофическое падение курсов акций российского фондового рынка в 1998 г., который можно считать и отдельным этапом, “глубоким кризисом”, в формировании РЦБ, невозможно объяснить только неблагоприятной мировой финансовой конъюнктурой. Последняя лишь обострила негативные внутренние тенденции, накопившиеся в отечественной экономике, — именно они стали роковыми для развития кризисной ситуации весной-летом 1998 г. Следует отметить, что крах фондового рынка был обусловлено целым рядом факторов, в том числе, имеющих институциональный характер⁹.

Последующий, четвертый период (сентябрь–декабрь 1998 г.) можно охарактеризовать как “посткризисную стагнацию” рынка. Хотя уже осенью 1998 г. появилась возможность реанимации некоторых сегментов финансового рынка России, вплоть до его конца оставались нерешенными принципиально важные вопросы. В первую очередь, налицо была общая социально-экономическая неопределенность, не были ясны тенденции и перспективы развития экономики России. Однако уже в 1999 г. российский рынок акций вновь стал одним из самых быстро растущих в мире¹⁰.

Таким образом, изменение мировой конъюнктуры на основные российские экспортные товары, оживление национального производства за счет сокращения импортной продукции, а также относительно стабильная внутривнутриполитическая обстановка в стране нашли свое отражение в оживлении рынка ценных бумаг и росте индекса РТС в последнем году прошлого столетия. Тем не менее, становление российского фондового рынка как началось, так и продолжалось по совершенно нестандартному для мировой практики пути¹¹.

Сегодня российский фондовый рынок несмотря на свою относительную молодость, тесно связан с политикой и мировой эко-

⁹ См. об этом: Российская экономика в январе–сентябре 1998 года. Тенденции и перспективы. М., 1998.

¹⁰ Данные московской фондовой биржи РТС. URL: <http://www.rts.ru/statistics/4s1.stm> (дата обращения: 12.04.2025).

¹¹ См. об этом: Шенишин А.Е. Управление формированием и развитием рынка ценных бумаг в условиях переходной экономики. Дисс. ... канд. экон. наук. М., 1999.

номикой, где прямо или косвенно отражаются на стоимости активов (акций, облигаций и производных инструментов), а основной тенденцией развития фондового рынка России на современном этапе является рост его популярности, как инструмента управления личными финансами. По оценке НАУФОР только в 2020 г. на московскую биржу вышли 4,9 млн новых частных инвесторов, а на Санкт-Петербургскую 2,5 млн человек. По итогам этого года полный объем вложений составляет 5,7 трлн рублей, доля активных клиентов в системе торгов составляет 1,8 млн человек. Рынок ценных бумаг как финансовый инструмент по многим критериям превосходит сохранность капитала от инфляции, в сравнении с покупкой недвижимости, драгоценных металлов, депозитам и т.д. Если сравнивать вложения в ценные бумаги в долгосрочную, и среднесрочную перспективу то фондовый рынок показывает выше доходность в сравнении с другими способами приумножения и сохранения капитала¹².

Одним из выдающихся преимуществ существования фондовых рынков является потенциальное введение большей дисциплины в области управления экономикой, а в свете того факта, что эмпирические исследования подтверждают предположение о том, что фондовые рынки способствуют экономическому росту, за последнее десятилетие исследования переключились на вопрос о детерминантах развития фондового рынка.

На наш взгляд, понимание как динамики, так и детерминант развития фондовых рынков необходимо не только для понимания взаимосвязи между финансами и экономическим ростом, но также имеет важные последствия для политики, поскольку проливает свет на те области, в которых требуется вмешательство правительства для изменения экономической и институциональной среды. Дело в том, что связь между ценами на акции и реальной экономической активностью носит круговой характер. С одной стороны, цены на акции зависят от результатов деятельности компании и перспектив ее роста, поэтому по мере улучшения результатов деятельности компании и увеличения нормы прибыли цены на акции, в свою очередь, растут. С другой стороны, цены на акции должны отражать текущую дисконтированную стоимость ожидаемых будущих дивидендов или ожидаемого будущего роста. С этой точки зрения цены на акции служат опережающим индикатором будущих изменений в реальной экономической деятельности.

¹² Ондар Ш.М. Государственное регулирование фондового рынка // *Economy and Business*. 2022. Vol. 3–2 (85). С. 64–65.

Как правило выделяются три основных канала, посредством которых цены на акции могут влиять на реальную экономическую деятельность:

- во-первых, эффект богатства: в рамках жизненного цикла более высокие цены на акции и увеличение богатства, заключенного в этих акциях, побуждают инвесторов увеличивать их потребление. Это увеличение потребления будет более значительным в тех странах, где обширнее база владения акциями;
- во-вторых, стоимость капитала: с ростом цен на акции стоимость нового капитала по сравнению с существующим снижается, все больше компаний становятся публичными и привлекают средства для инвестиций посредством публичных размещений. Кроме того, хорошие результаты на фондовом рынке могут привлечь иностранный капитал, что позволит снизить процентные ставки (при прочих равных условиях);
- в-третьих, эффект уверенности/эффект ожидания: высокоэффективный фондовый рынок может улучшить общие ожидания, что может стимулировать экономический рост за счет увеличения инвестиций в рамках эффекта положительной обратной связи. Кроме этого, цены на акции сигнализируют о более быстром росте компаний, и, как следствие, возможный рост будущих реальных доходов физических лиц может также вызвать увеличение потребления.

На собственное же развитие фондового рынка влияют четыре основные группы факторов: факторы предложения и спроса, что продиктовано самой природой этой рыночной структуры, экономическое развитие и структура экономики и, конечно, институциональные факторы — его детерминанты.

Известно, например, экономическое развитие положительно влияет на фондовые рынки. Слаборазвитые страны обычно имеют нестабильную инвестиционную среду, слабые институциональные и правовые рамки, плохое управление, отсутствие прозрачности и, прежде всего, низкий уровень дохода на душу населения. Все эти факторы тормозят развитие фондового рынка, а порой даже делают его лишним. Экономика также должна быть достаточно большой, чтобы поддерживать развитие фондового рынка. Без достаточного предложения акций торговля будет ограничена, и рынок может оказаться экономически нежизнеспособным. Экономика небольшого размера, скорее всего, не будет иметь глубокого ликвидного фондового рынка, поскольку такие экономики обычно характеризуются волатильностью цен. Кроме того, может случиться так, что

в малых экономиках нет глубоких фондовых рынков, поскольку им не хватает эффективности масштаба. Следовательно, сумма капитала, привлеченного от выпуска, может быть слишком мала для привлечения потенциальных эмитентов, портфельных менеджеров или даже достаточной базы местных инвесторов, чтобы привлечь внешние крупные инвестиционные фонды.

Немаловажным фактором, определяющим развитие фондового рынка, является структура экономики. Большое значение для предложения капитала имеет то, преобладают ли в промышленной базе крупные компании или доминируют малые и средние компании. Экономика, ориентированная на сырьевой сектор, и/или экономика с промышленной базой, в которой преобладают малые предприятия, скорее всего, не будет иметь активных фондовых рынков из-за ограниченных потребностей таких предприятий в капитале. Это, в свою очередь, упрощает и удешевляет привлечение капитала за счет банковского финансирования, что в конечном итоге ограничивает предложение капитала. Однако страны с большой производственной базой, в которой доминируют относительно крупные компании, с большей вероятностью будут иметь достаточное количество акций.

Иными словами, устойчивые положительные темпы экономического роста ведут к появлению новых рынков, а также к расширению возможностей компаний для роста и получения прибыли, что служит стимулом для компаний получать финансирование за счет привлечения капитала для расширения операций.

С макроэкономической точки зрения существует ряд других факторов, существенно влияющих на спрос на ценные бумаги и, в свою очередь, на развитие фондовых рынков. Так, экономический рост и ВВП на душу населения являются решающими и тесно связанными факторами, определяющими развитие фондового рынка. Более высокие темпы экономического роста позволяют большему количеству людей инвестировать в ценные бумаги. Рост дохода на душу населения увеличивает способность человека сберегать или инвестировать. Однако к увеличению дохода на душу населения следует относиться с осторожностью, поскольку люди будут инвестировать только после удовлетворения своих основных потребностей. Иными словами, значительное увеличение дохода на душу населения — если оно реализуется с низкой базы — будет в значительной степени направлено на увеличение потребления и, таким образом, не приведет к значительному увеличению инвестиций, если вообще приведет к этому. Иными словами, имеет значение не только при-

рост ВВП на душу населения, но и уровень ВВП на душу населения¹³. Стоит отметить, что неравенство доходов может ослабить связь и возможный эффект мультипликатора между экономическим ростом и развитием фондового рынка. Иными словами, чем больше доля населения, живущего на уровне прожиточного минимума, тем меньше будет процент населения, экономически способного участвовать в фондовом рынке¹⁴.

Кроме того, развитие фондового рынка требует глубокой и разнообразной базы инвесторов. Отсутствие диверсифицированной базы инвесторов и сильная зависимость от закрытых источников финансирования являются двумя основными факторами поверхностности и недостаточной ликвидности фондовых рынков. База инвесторов должна быть диверсифицированной и состоять из институциональных инвесторов (например, взаимных фондов, пенсионных фондов и страховых компаний) и других финансовых учреждений, работающих с различными уровнями риска и ориентированных на различные секторы экономики. Однако развитие диверсифицированной базы инвесторов — сложный процесс, связанный с фундаментальными вопросами государственной политики, такими как политика управления пенсионными накоплениями.

Наконец, помимо этих определяющих факторов, есть еще два экономических фактора, влияющих как на спрос, так и на предложение акций: степень развития банковского сектора и действующий рынок облигаций.

На наш взгляд, важнейший блок поддержки и развития фондового рынка представляют институциональные факторы или детерминанты. К ним относится широкий спектр таких факторов, как регулирование, затрагивающее публичных эмитентов ценных бумаг, рыночных посредников, управление активами, инструменты надзора и правоприменения, торговые платежи и системы расчетов, а также корпоративное управление и прозрачность.

Действительно, как уже было отмечено выше, адекватная институциональная база оказывает значительное положительное влияние на развитие фондового рынка. С одной стороны, инвесторы чувствуют себя более уверенно в отношении прав собственности и прозрачности информации, что может побудить их инвестировать в фондовые рынки. С другой стороны, за счет снижения сто-

¹³ *Ayling I.E.* Internationalization of stock markets: the trend towards greater foreign borrowing and investment. Aldershot, 1986.

¹⁴ *Roc C.* Emerging Asian equity markets development: a historical perspective // *Changing Capital Markets of East Asia*. L., 1996.

имости операций и повышения ликвидности рынка акционерный капитал становится более привлекательным источником финансирования для компаний.

Следует отметить, что “институты” — это термин, который относится либо к набору правил и норм, которые формируют социальные, политические и экономические взаимодействия между членами общества, либо к организационным институтам, таким как политические, экономические, социальные и образовательные органы¹⁵. Хорошие институты могут положительно влиять на развитие фондовых рынков как минимум по двум каналам. Во-первых, адекватные институты способствуют экономическому росту, укрепляя основы рынка, укрепляя доверие и облегчая обмен. Во-вторых, институты означают лучшую защиту прав собственности, меньшую коррупцию и большую прозрачность, что способствует укреплению доверия инвесторов и, в конечном итоге, увеличению спроса на ценные бумаги¹⁶.

Применительно к развитию фондового рынка институциональные факторы можно сгруппировать в рамках следующих трех компонентов: нормативно-правовой базы, рыночной инфраструктуры, и “прочих” факторов, спектр которых значительно варьирует.

Действительно, адекватная нормативно-правовая база имеет решающее значение для развития фондовых рынков. Прочная и прозрачная нормативно-правовая база является основной для государственных эмитентов ценных бумаг, рыночных посредников, продуктов управления активами, платежных и расчетных процессов и требований к прозрачности. Правила должны устранять асимметрию информации между эмитентами и инвесторами, клиентами и финансовыми посредниками, а также между контрагентами по сделкам; и должны обеспечивать бесперебойное функционирование торговли и клиринга, а также расчетных механизмов, которые предотвратят нарушение рынка и укрепят доверие инвесторов.

Суть регулирования публичных эмитентов заключается в обеспечении своевременного и точного раскрытия соответствующей информации инвесторам, чтобы они могли принимать обоснованные решения. Обязательства по раскрытию информации должны быть возложены на эмитентов как в момент разрешения на публичное размещение, так и на постоянной основе. Одной из основных

¹⁵ North D.C. Institutions // Journal of Economic Perspectives. 2001. N 5. P. 97–112.

¹⁶ Billmeier A., Massa I. What drives stock market development in the Middle East and Central Asia institutions, remittances, or natural resources? // IMF Working Paper. 2007. N 7. P. 157.

обязанностей регулирующего органа является наличие механизмов, обеспечивающих достоверность информации, предоставляемой эмитентами. В связи с этим необходимо адекватное корпоративное управление для обеспечения эффективной подотчетности менеджмента акционерам.

Основная цель регулирования деятельности рыночных посредников состоит в обеспечении того, чтобы брокеры, дилеры и финансовые аналитики беспрепятственно входили и уходили с рынка, вели свои дела со своими клиентами с должной осмотрительностью и вели честную торговлю с использованием фондовых рынков. Инструменты регулирования посредников включают лицензионные требования и обязательства по ведению бизнеса на рынке. Регулирование управления активами направлено на обеспечение профессионального управления и адекватного раскрытия информации об инвестициях для инвесторов. Кроме того, регулирование фондового рынка должно обеспечивать бесперебойное функционирование рынка, обеспечивая справедливый доступ к адекватному ценообразованию, ограничивая разрушительные последствия, которые может иметь для рынка банкротство посредника, и обеспечивая выполнение участниками рынка своих торговых обязательств, упорядоченно и своевременно.

Можно провести различие между тремя основными элементами нормативного регулирования рынка ценных бумаг: самой нормативно-правовой базой, надзором за нормативно-правовой базой и обеспечением соблюдения соответствующих законов. Надзор и правоприменение являются инструментами, используемыми для обеспечения соблюдения правовых рамок. Под соблюдением понимается соблюдение законов, правил и положений, в то время как надзор направлен на выявление несоблюдения законов и правил, а правоприменение направлено на выявление и наказание за несоблюдение. Взятые вместе, как надзор, так и правоприменение направлены на содействие выполнению законов, правил и положений.

Одним из важных аспектов нормативно-правовой базы является создание вспомогательной инфраструктуры для обеспечения исполнения контрактов и разрешения споров. Эта инфраструктура имеет множество особенностей, которые в совокупности известны как “верховенство закона”. Верховенство закона на финансовых рынках определяют три ключевых черты.

Во-первых, это как политические, так и правовые гарантии гражданских свобод и прав собственности.

Во-вторых, это эффективная судебная система, которая снижает транзакционные издержки и ограничивает хищническое поведение.

В-третьих, это правовая безопасность, в соответствии с которой граждане могут планировать свои будущие действия и реализовывать их в рамках хорошо известных правил, которые не могут быть изменены произвольно.

Тем не менее, следует отметить, что чрезмерное регулирование может задушить развитие фондового рынка. В принципе, фондовые рынки не должны подвергаться чрезмерному регулированию в областях, где должны преобладать силы свободного рынка, и не должны подвергаться недостаточному регулированию там, где должна существовать нормальная нормативно-правовая база для поддержания доверия рынка. Тот факт, что акции являются передаваемыми обязательствами и представляют собой договорные отношения, делает их очень чувствительными ко всем аспектам юридических прав, связанных с транзакциями. Инвесторы должны быть защищены от манипуляций с ценными бумагами и неправомерных действий со стороны инсайдеров (например, руководства и основных акционеров). Кроме того, должны быть установлены адекватные стандарты профессионального поведения брокеров, андеррайтеров и бухгалтеров, чтобы избежать чрезмерных спекуляций, вызванных слухами, циркулирующими на рынке.

Одним из ключевых регулятивных факторов, определяющих развитие фондового рынка, является уровень защиты акционеров в публичных компаниях, как это предусмотрено в законах, регулирующих деятельность компаний или ценных бумаг. Другими словами, развитие фондового рынка более вероятно в странах с сильной защитой акционеров, потому что инвесторы не боятся экспроприации. Сильное корпоративное управление и финансовая прозрачность имеют решающее значение для развития фондовых рынков, поскольку они повышают доверие инвесторов и увеличивают инвестиции в акционерный капитал.

Предоставление надежной финансовой рыночной инфраструктуры для торговли, клиринга и расчетов по сделкам обычно считается общественным благом¹⁷. Отсутствие надежной и эффективной рыночной инфраструктуры, связывающей контрагентов по сделкам с ценными бумагами, делает маловероятным развитие фондовых

¹⁷ International Monetary Fund. Growth and Institutions, World Economic Outlook. Washington, 2023.

рынков. Неэффективная структура расчетов по ценным бумагам является фундаментальным препятствием для развития фондового рынка, поскольку повышает расчетный и операторский риски, увеличивает транзакционные издержки, затрудняет установление цен и может ограничить круг участников рынка. Правительство может сыграть решающую роль в обеспечении инфраструктуры, необходимой для облегчения потока информации, а также в процессе определения цен для поддержки развития фондовых рынков, которые являются одновременно конкурентоспособными и эффективными. Существуют различные типы инфраструктуры включающие следующие элементы: современная платежная система для клиринга и расчетов по сделкам с ценными бумагами, розничных платежей и платежей на крупные суммы, а также физическая инфраструктура для работы первичных и вторичных рынков.

Одним из важнейших элементов инфраструктуры, необходимой для развития фондового рынка, является наличие опытных посредников. Деятельность дилеров и брокеров делает ценные бумаги значительно более привлекательными для инвесторов и компаний, поскольку они облегчают обмен этими активами. Рыночные условия имеют решающее значение для привлечения дилеров и брокеров. В частности, должны быть выполнены три условия. Во-первых, и предложение, и спрос на акции должны быть достаточно большими: большее число покупателей и продавцов означает больше возможностей для брокеров и дилеров выступать в качестве посредников и получать прибыль. Кроме того, положения и правила фондового рынка должны способствовать торговле. В-третьих, должен существовать эффективный торговый механизм, поддерживающий систему клиринга и расчетов, снижающий транзакционные издержки.

Фондовые рынки можно дифференцировать по торговым системам. Торговые системы различаются по способу обработки транзакций, типам совершаемых транзакций, типам информации, доступной участникам рынка, и процессу согласования ордеров на продажу и покупку¹⁸. Электронные торговые системы могут увеличить ликвидность и повысить эффективность за счет снижения транзакционных издержек и повышения доступности информации. Современные торговые системы могут также привлекать новые пулы ликвидности, предоставляя доступный удаленный доступ для инвесторов. Основываясь на данных фондовых бирж в 120 странах,

¹⁸ Glen J. An introduction to the microstructure of emerging markets // International Finance Corporation Discussion Paper. 1994. N 2.

внедрение электронных торговых систем повышает ликвидность и ведет к снижению стоимости капитала¹⁹.

Кредитно-рейтинговые агентства (КРА) могут предоставлять ценную информацию инвесторам, которая позволяет им принимать обоснованные инвестиционные решения. Тем не менее, КРА должны быть заслуживающими доверия, независимыми и иметь возможность получать информацию, если они хотят функционировать должным образом.

К “прочим” институциональным факторам относятся: политическая нестабильность и связанные с ней политические риски, Плохое понимание проблем со стороны общественности, доступность и качество информации, низкий рейтинг доверия и т.п.

Политическая нестабильность негативно влияет на развитие фондовых рынков. В странах с неурегулированной политической обстановкой интерес к инвестированию в акции невелик, потому что акционерный капитал обычно представляет собой среднесрочную или долгосрочную форму инвестиций²⁰. Политические риски влияют на инвестиции в акционерный капитал двумя основными способами. Во-первых, страх перед ограничениями на репатриацию средств и экспроприацию препятствует инвестициям. Во-вторых, политическая нестабильность препятствует экономическому росту, поскольку компании откладывают инвестиции и пытаются перенести критически важные виды деятельности в более стабильные страны, что, в свою очередь, снижает привлекательность инвестиций в акционерный капитал²¹. Кроме того, политическая нестабильность поощряет альтернативные формы сбережений. Таким образом, можно увидеть, что политическая нестабильность влияет на фондовые рынки как прямым воздействием на доверие инвесторов, так и косвенным воздействием на экономические показатели.

Плохое понимание проблем со стороны общественности отпугивает потенциальных инвесторов от участия в фондовых рынках. Склонность инвестировать в акции повышается с уровнем образования²². То есть более высокий уровень образования повышает доверие к фондовым рынкам, способствуя более высокому уровню

¹⁹ Jain P.K. Financial market design and the equity premium: electronic versus floor trading // The Journal of Finance. 2005. N 60. P. 2955–2985.

²⁰ Sudweeks B.L. Equity market development in developing countries. N.Y., 1989.

²¹ Roc C. Emerging Asian equity markets development: a historical perspective / The Changing Capital Markets of East Asia. L., 1996.

²² Ibid.

знаний о финансовой деятельности. Без образованной общественности, которая понимает основные правила, преимущества и потенциальные ловушки участия в финансовых инвестициях, фондовые рынки не смогут развиваться. Кроме того, образованное население может увеличить количество доступных специалистов (например, финансовых аналитиков, бухгалтеров и аналитиков по вопросам регулирования), необходимых для развития институциональной и нормативно-правовой базы.

Доступность и качество информации необходимы для укрепления доверия инвесторов. Неопределенность, возникающая из-за ограниченности или низкого качества информации, может быть серьезным препятствием для инвестиций в фондовые рынки. Так, существуют четыре основных фактора, которые могут способствовать получению недостаточной и/или некачественной информации:

- отсутствие стандартов, регулирующих жесткие и эффективные требования к раскрытию финансовой информации;
- неадекватные или недействующие стандарты бухгалтерского учета и слабая практика аудита;
- отсутствие компетентного класса биржевых брокеров, что ограничивает доступные исследования акций и рынков;
- отсутствие конкуренции между компаниями. Когда спрос на акции превышает предложение, компании не обязаны предоставлять обширную информацию для размещения своих акций. Однако не следует переоценивать роль финансовой информации, поскольку типичные мелкие инвесторы обычно не в состоянии глубоко разобраться в финансовой отчетности. Тем не менее, адекватная информация крайне необходима для институциональных и других инвесторов.

Стоит отметить, что низкий рейтинг доверия или его полное отсутствие влечет за собой значительные явные издержки для публичных компаний, поскольку они должны предлагать высокие ставки дивидендов, чтобы предлагать конкурентоспособные инвестиции. Чтобы удовлетворить требование инвестора о высокой доходности, компании могут иметь высокий коэффициент выплат, что ухудшает финансовое положение компаний и еще больше отбивает у них желание выпускать акции.

Однако решающее значение для развития фондовых рынков имеет стабильная макроэкономическая среда (политика). Рациональная и предсказуемая макроэкономическая политика повышает доверие инвесторов к рынку и создает благоприятную среду для

принятия инвестиционных решений. Кроме того, на прибыльность корпораций могут влиять изменения денежно-кредитной, фискальной и курсовой политики.

Кроме того, способствовать развитию фондового рынка может осмотрительная денежно-кредитная политика. Рациональное управление денежно-кредитной политикой обеспечивает большую уверенность в стабильности экономики, поскольку макроэкономическая волатильность усугубляет проблему асимметричной информации.

Во-первых, процентные ставки оказывают решающее влияние на привлекательность акций в портфеле активов инвестора. Инвесторов интересует реальная прибыль, а не только номинальная. Следовательно, сиюминутная политика должна обеспечивать привлекательную долгосрочную доходность акций по сравнению с другими вариантами внутренних и иностранных инвестиций. Отрицательные реальные процентные ставки вынуждают инвесторов переключаться на другие менее рискованные активы или страны. То есть низкие и предсказуемые темпы инфляции с большей вероятностью будут способствовать развитию фондового рынка. Как отечественные, так и иностранные инвесторы не захотят вкладывать средства в фондовый рынок, на котором ожидается высокий уровень инфляции.

Во-вторых, стабильность краткосрочной процентной ставки повышает доверие инвесторов к долгосрочным ценным бумагам, включая акции, и способствует трансформации сроков погашения финансовыми посредниками.

В-третьих, эффективная реализация денежно-кредитной политики обеспечивает адекватную ликвидность маркетмейкерам, что может снизить волатильность фондовых рынков. Также стоит отметить, что для привлечения иностранных портфельных инвестиций необходима рациональная курсовая политика.

Большое влияние на участие инвесторов в фондовых рынках оказывает фискальная/налоговая политика, поскольку инвесторы заинтересованы в реальном доходе от инвестиций после уплаты налогов. Неравное налогообложение в пользу других альтернативных форм инвестиций, таких как банковские депозиты, отвлекает интерес инвесторов от вложений в акции. Во многих странах акции облагаются двойным и даже тройным налогообложением. Во-первых, существует налогообложение на корпоративном уровне до распределения дивидендов. Во-вторых, может существовать налогообложение на индивидуальном уровне, а если доходы от

акций облагаются налогом, может применяться тройное налогообложение.

Взвешенная корпоративная налоговая политика также помогает развивать фондовые рынки, поскольку высокие корпоративные налоги могут ограничивать прибыль после налогообложения, доступную для распределения дивидендов, что, в свою очередь, может негативно повлиять на готовность инвесторов инвестировать. Налоговая политика влияет не только на участие инвесторов на рынке, но и на предложение акций, т.е. налоговые льготы для выхода на биржу могут побудить компании стать публичными и, таким образом, увеличить предложение акций.

Институциональные инвесторы могут играть определяющую роль в развитии фондового рынка. Однако на эту роль, в свою очередь, существенное влияние оказывает политика институциональных инвесторов. Например, ограничение возможного диапазона финансовых активов взаимных фондов, пенсионных фондов и страховых компаний государственными ценными бумагами с низкой доходностью или установление высокого процента государственных ценных бумаг может стать серьезным сдерживающим фактором для развития фондового рынка. Разумный и активный уровень участия институциональных инвесторов имеет большое значение для фондового рынка. Также важно отметить, что фондовый рынок без институциональных инвесторов подвержен большому риску со стороны отдельных спекулянтов. Однако необходим баланс между двумя целями. С одной стороны, институциональные инвесторы должны иметь значительное и активное присутствие для развития фондового рынка. С другой стороны, интересы инвесторов во взаимные фонды и пенсионные фонды (например, пенсионеров) должны быть защищены от вложений с высокой степенью риска.

Итак, фондовый рынок играет важную роль не только в финансовой системе любой страны, но и в её устойчивом экономическом развитии. Он является платформой для компаний, чтобы привлекать капитал, который может быть использован для финансирования проектов, способствующих экономическому росту, социальному развитию и экологической устойчивости. Кроме того, сделки на фондовом рынке создают ликвидность и механизмы ценообразования, которые отражают восприятие инвесторов о финансовой устойчивости компании и перспектив ее на будущее. Для успешной реализации потенциала фондового рынка в контексте достижения устойчивого социально-экономического развития важная роль от-

водится правительствам, которые должны придерживаться политики, направленной на поощрение прозрачности, ответственности и дальновидности принимаемых решений в инвестиционном сообществе. Инвесторы также должны осознанно руководствоваться принципами ответственного инвестирования, понимая, что результаты их инвестиционной деятельности помимо финансовых доходов приводят к положительным социальным и экологическим результатам.

Современные тенденции развития фондового рынка Российской Федерации сопряжены с наличием определенных актуальных проблем. Среди проблем, препятствующих эффективному развитию фондового рынка в России, ученые отмечают, прежде всего, низкий уровень капитализации фондового рынка, отсутствие развитой инфраструктуры, высокая концентрация капитализации предприятий топливно-энергетического комплекса, высокий уровень мошенничества на российском фондовом рынке, несовершенство налогообложения операций фондового рынка, высокая волатильность российского рынка ценных бумаг, отсутствие должной защиты прав инвесторов²³. Но, несмотря на это, он является достаточно перспективным, которые снижают уровень инвестиционной привлекательности отечественных ценных бумаг и финансовых активов. Для того чтобы способствовать дальнейшему развитию рынка ценных бумаг в России, необходимо проведение определенных мероприятий и принятие рекомендаций, которые находятся в рамках ответственности аппарата эффективного государственного регулирования фондового рынка.

Такое государственное регулирование фондового рынка осуществляется с целью четкого исполнения всех законодательных требований и нормативных актов, которые определяют обязанности и права каждого профессионального участника по ряду направлений — от регистрации выпуска ценных бумаг, до прав государственного управления по регулированию рынка.

Важно подчеркнуть, что дальнейшее развитие фондового рынка возможно только при комплексном подходе как со стороны самого рынка, так и государства. В целях привлечения новых инвесторов на

²³ Антоненко А.А. Государственное регулирование фондового рынка // Тенденции и перспективы развития банковской системы в современных экономических условиях. 2020. С. 11–15; Садыкова Н.Р. Государственное регулирование фондового рынка // Достижения науки и образования. 2018. № 16 (38). С. 24–29; Родин Д.Я., Кривенко А.С., Левая В.О. Проблемы государственного регулирования на фондовом рынке // Человек. Социум. Общество. 2022. № 1. С. 47–52.

отечественную фондовую биржу необходимо регулярно проводить мероприятия по повышению финансовой грамотности населения и разрабатывать новые инструменты для вовлечения граждан в инвестирование²⁴.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Антоненко А.А. Государственное регулирование фондового рынка // Тенденции и перспективы развития банковской системы в современных экономических условиях. 2020. С. 11–15.

Данные московской фондовой биржи РТС. <http://www.rts.ru/statistics/4s1.stm> (дата обращения: 12.04.2025).

Крикливец А.А., Сухомыро П.С. Основные дискуссионные проблемы и современные тенденции развития российского фондового рынка // Молодой ученый. 2012. № 51.

О рынке ценных бумаг: Федеральный закон Российской Федерации от 22.04.1996. № 39-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. 22 апр. № 17. Ст. 1918.

О Федеральной комиссии по рынку ценных бумаг: Указ Президента Российской Федерации от 01. 07. 1996. № 1009 // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. 8 июля. № 28. Ст. 3357.

Об утверждении положения о выпуске и обращении ценных бумаг и фондовых биржах в РСФСР: Постановление Правительства РСФСР от 28. 12. 1991. № 78 // Финансовая газета. 1992. № 5.

Об утверждении положения об акционерных обществах: Постановление Совмина РСФСР от 25. 12. 1990. № 601 // СП РСФСР. 1991. № 6. Ст. 92.

Ондар Ш.М. Государственное регулирование фондового рынка // Economy and Business. 2022. Vol. 3–2 (85). С. 64–65.

Родин Д.Я., Кривенко А.С., Левая В.О. Проблемы государственного регулирования на фондовом рынке // Человек. Социум. Общество. 2022. № 1. С. 47–52.

Российская экономика в январе-сентябре 1998 года. Тенденции и перспективы. М., 1998.

Рынок ценных бумаг // Большой экономический словарь / Под ред. А.Н. Азрилияна. М., 2000.

Рябцев С.В. Понятие “финансовой системы” в современной теории финансов // Финансы и кредит. 2012. № 15 (495). С. 56–61.

Садыхова Н.Р. Государственное регулирование фондового рынка // Достижения науки и образования. 2018. № 16 (38). С. 24–29.

Сайбель Н.Ю., Ковальчук Л.В. Фондовый рынок России: проблемы и перспективы развития // Финансы и кредит. 2018. Т. 24. Вып. 10. С. 613–626.

Финансово-кредитный энциклопедический словарь / Под общ. ред. А.Г. Грязновой. М., 2002.

Шенин А.Е. Управление формированием и развитием рынка ценных бумаг в условиях переходной экономики. Дисс. ... канд. экон. наук. М., 1999.

²⁴ Сайбель Н.Ю., Ковальчук Л.В. Фондовый рынок России: проблемы и перспективы развития // Финансы и кредит. 2018. Т. 24. Вып. 10. С. 613–626.

REFERENCES

Antonenko A.A. Gosudarstvennoe regulirovanie fondovogo rynka [State Regulation of the Stock Market] // *Tendencii i perspektivy razvitiya bankovskoy sistemy v sovremennykh ekonomicheskikh usloviyakh*. 2020. S. 11–15 (in Russian).

Ayling I.E. Internationalization of stock markets: the trend towards greater foreign borrowing and investment. Aldershot, 1986.

Billmeier A., Massa I. What drives stock market development in the Middle East and Central Asia institutions, remittances, or natural resources? // *IMF Working Paper*. 2007. N 7.

Dannye moskovskoy fondovoy birzhi RTS [Data from the Moscow Stock Exchange RTS]. URL: <http://www.rts.ru/statistics/4s1.stm> (data obrashcheniya 12.04.2025) (in Russian).

Finansovo-kreditnyj enciklopedicheskij slovar' [Financial and Credit Encyclopedic Dictionary] / Pod obshch. red. A.G. Gryaznovoy. M., 2002 (in Russian).

Glen J. An introduction to the microstructure of emerging markets // *International Finance Corporation Discussion Paper*. 1994. N 2.

International Monetary Fund. Growth and Institutions, World Economic Outlook. Washington, 2023.

Jain P.K. Financial market design and the equity premium: electronic versus floor trading // *The Journal of Finance*. 2005. N 60. P. 2955–2985.

Kriklivec A.A., Suhomyro P.S. Osnovnye diskussionnye problemy i sovremennye tendencii razvitiya rossijskogo fondovogo rynka [Main Controversial Issues and Current Trends in the Development of the Russian Stock Market] // *Molodoj uchenyj*. 2012. N 51 (in Russian).

North D.C. Institutions // *Journal of Economic Perspectives*. 2001. N 5. P. 97–112.

O rynke cennyh bumag: Federal'nyj zakon Rossijskoj Federacii ot 22.04.1996. N 39-FZ [On the Securities Market: Federal Law of the Russian Federation of April 22, 1996. N 39-FZ] // *Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii*. 1996. N 17. 22 apr. St. 1918 (in Russian).

O Federal'noj komissii po rynku cennyh bumag: Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 01.07.1996. N 1009 [On the Federal Commission for the Securities Market: Decree of the President of the Russian Federation of July 1, 1996, N 1009] // *Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii*. 1996. N 28. 8 iyulya. St. 3357 (in Russian).

Ob utverzhdenii polozheniya o vypuske i obrashchenii cennyh bumag i fondovykh birzhah v RSFSR: Postanovlenie Pravitel'stva RSFSR ot 28.12.1991. N 78 [On approval of the regulations on the issue and circulation of securities and stock exchanges in the RSFSR: Resolution of the Government of the RSFSR of December 28, 1991, N 78] // *Finansovaya gazeta*. 1992. N 5 (in Russian).

Ob utverzhdenii polozheniya ob akcionernykh obshchestvah: Postanovlenie Sovmina RSFSR ot 25.12.1990. N 601 [On approval of the regulations on joint-stock companies: Resolution of the Council of Ministers of the RSFSR of December 25, 1990, N 601] // *SP RSFSR*. 1991. N 6. St. 92 (in Russian).

Ondar S.H.M. Gosudarstvennoe regulirovanie fondovogo rynka [State regulation of the stock market] // *Economy and Business*. 2022. Vol. 3–2 (85). S. 64–65 (in Russian).

Rodin D.YA., Krivenko A.S., Levaya V.O. Problemy gosudarstvennogo regulirovaniya na fondovom rynke [Problems of State Regulation in the Stock Market] // Chelovek. Socium. Obshchestvo. 2022. N 1. S. 47–52 (in Russian).

Roc C. Emerging Asian equity markets development: a historical perspective // Changing Capital Markets of East Asia. L., 1996.

Rossiyskaya ekonomika v yanvare-sentyabre 1998 goda. Tendencii i perspektivy [The Russian Economy in January–September 1998. Trends and Prospects]. M., 1998 (in Russian).

Rynok cennyh bumag [Securities Market] // Bol'shoj ekonomicheskij slovar' / Pod red. A.N. Azriliyana. M., 2000 (in Russian).

Ryabcev S.V. Ponyatie “finansovoj sistemy” v sovremennoy teorii finansov [The Concept of the “Financial System” in Modern Financial Theory] // Finansy i kredit. 2012. N 15 (495). S. 56–61 (in Russian).

Sadykova N.R. Gosudarstvennoe regulirovanie fondovogo rynka [State Regulation of the Stock Market] // Dostizheniya nauki i obrazovaniya. 2018. N 16 (38). S. 24–29 (in Russian).

Sajbel' N.Yu., Koval'chuk L.V. Fondovyy rynek Rossii: problemy i perspektivy razvitiya [The Russian Stock Market: Problems and Development Prospects] // Finansy i kredit. 2018. T. 24. Vyp. 10. S. 613–626 (in Russian).

Shenshin A.E. Upravlenie formirovaniem i razvitiem rynka cennyh bumag v usloviyah perekhodnoy ekonomiki [Managing the Formation and Development of the Securities Market in a Transition Economy]. Diss. ... kand. ekon. nauk. M., 1999 (in Russian).

Sudweeks B.L. Equity market development in developing countries. N.Y., 1989.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

DOI: 10.24290/1029-3736-2026-32-1-151-169

ПРОБЛЕМА ТИПОЛОГИИ СУБЪЕКТОВ ВОЙН И ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

С.О. Елишев, докт. социол. наук, доц., проф. кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, Москва, Российская Федерация, 119234*

Настоящая статья посвящена осмыслению особенностей типологии субъектов войн и вооруженных конфликтов. Взяв за отправную точку известное высказывание К. Клаузевица о том, что «война есть продолжение политики, только иными средствами», автор статьи задается вопросом, какие субъекты политики и социально-политических процессов могут одновременно являться субъектами-актерами войн, вооруженных конфликтов, учитывая их характеристики, специфику и имеющиеся ресурсы? Констатируя отсутствие в науке до настоящего времени единой, общепринятой классификации и типологии субъектов войн и вооруженных конфликтов, автор статьи рассматривает существующие типологии субъектов «современных» войн и вооруженных конфликтов, предложенные, прежде всего, современными российскими исследователями.

По мнению автора статьи, при осуществлении типологии субъектов войн и вооруженных конфликтов, возникает проблема, обусловленная господствующими до настоящего времени в научной среде, прогрессистскими и социально-эволюционистскими установками в понимании процесса общественно-исторического и политического развития и в трактовке сущности, истории и классификации войн и вооруженных конфликтов. Такого рода установки неизбежно приводят многих исследователей к необходимости обязательного постулирования, «доказывания» появления «новых» (прежде всего, негосударственных) субъектов «современных», «гибридных», «прокси-войн» и вооруженных конфликтов, хотя, по факту, ничего кроме их наименований-обозначений, изменений правового статуса или увеличения роли в войнах и вооруженных конфликтах современности, с давно уже выделенными и существующими субъектами политики, а также войн и вооруженных конфликтов, к настоящему времени, не произошло.

Подчеркивая, что отнюдь не каждый субъект политики (по своему положению, специфике функционирования, а также ресурсным возможностям),

* Елишев Сергей Олегович, e-mail: elishev@list.ru

автоматически является субъектом войн и вооруженных конфликтов, автор статьи выводит из типологии субъектов политики и политических процессов, собственную типологию 16 субъектов войн и вооруженных конфликтов, подразделив их на два вида: государственные и негосударственные субъекты.

Ключевые слова: война, политика, вооруженный конфликт, субъект войн и вооруженных конфликтов, государственные субъекты войн и вооруженных конфликтов, негосударственные субъекты войн и вооруженных конфликтов.

PROBLEM OF TYPOLOGY OF SUBJECTS OF WAR AND ARMED CONFLICT

Elishev Sergey O., Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Professor at the Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: elishev@list.ru

This article is devoted to understanding the features of the typology of subjects of wars and armed conflicts. Taking as a starting point the well-known statement of K. Clausewitz that “war is a continuation of politics, only by other means”, the author of the article asks the question, which subjects of politics and socio-political processes can simultaneously be actors of wars, armed conflicts, given their characteristics, specifics and available resources? Stating the absence in science to date of a single, generally accepted classification and typology of subjects of wars and armed conflicts, the author of the article considers the existing typologies of subjects of “modern” wars and armed conflicts, proposed, first of all, by modern Russian researchers.

According to the author of the article, in the implementation of the typology of subjects of wars and armed conflicts, a problem arises due to the prevailing so far in the scientific community, progressive and socio-evolutionary attitudes in understanding the process of socio-historical and political development and in the interpretation of the essence, history and classification of wars and armed conflicts. Such attitudes inevitably lead many researchers to the need for mandatory postulation, “proof” of the emergence of “new” (primarily non-state) actors of “modern”, “hybrid”, “proxy wars” and armed conflicts, although, in fact, nothing but their names, designations, changes in legal status or an increase in the role in wars and armed conflicts of our time, with long-identified and existing political subjects, as well as wars and armed conflicts, to date, has occurred.

Emphasizing that not every subject of politics (by its position, specifics of functioning, as well as resource capabilities) is automatically a subject of wars and armed conflicts, the author of the article deduces from the typology of subjects of politics and political processes, its own typology of 16 subjects of wars and armed conflicts, dividing them into two types: state and non-state actors.

Key words: war, politics, armed conflict, subject of wars and armed conflicts, state subjects of wars and armed conflicts, non-state subjects of wars and armed conflicts.

Политика (от греч. πολιτικά — “искусство управления обществом”) — сфера деятельности, характеризующая отношения между индивидами, социальными группами и стратами (слоями), поли-

тическими партиями и движениями, религиозными конфессиями и организациями, общественными организациями, нациями и государствами внутри общества и на международном уровне, по поводу организации, завоевания, удержания политико-государственной власти.

Сохранившие свою актуальность до настоящего времени, известные высказывания К. Клаузевица о том, что “война есть продолжение политики, только иными средствами”¹ и представляет из себя “не только политический акт, но и подлинное орудие политики, продолжение политических отношений, проведение их другими средствами”², остро ставят вопрос о том, какие субъекты политики и насколько, одновременно могут являться субъектами-акторами войн, вооруженных конфликтов, учитывая их характеристики, специфику и имеющиеся ресурсы. Тем более что до настоящего времени, единой, общепринятой классификации и типологии субъектов войн и вооруженных конфликтов в науке не существует.

Под субъектами политики и субъектами социально-политических процессов в социально-политических науках традиционно понимаются действующие акторы, участники политических отношений, осознающие собственные интересы и цели в политических процессах, способные их формулировать и реализовывать. Соответственно, субъектами политики и социально-политических процессов являются: отдельные личности, социальные группы, страты (слои), религиозные конфессии и организации, политические партии и движения, общественные организации, нации и государства, активно участвующие в политических процессах внутри общества и на международном уровне, по поводу организации, завоевания, удержания политико-государственной власти или оказывающие влияние на нее и окружающих³.

Война в свою очередь, как особый социально-политический процесс, представляет из себя вид вооруженного конфликта, организованной вооруженной борьбы, форму разрешения возникающих противоречий (политического, экономического, идеологического, религиозного, национального и др. характера) между государствами, коалициями, блоками государств, нациями (этносами), социальными группами и другими негосударственными субъектами; продолжение политики средствами вооруженного

¹ Клаузевиц К. О войне. М., 1934. С. 27.

² Там же.

³ См.: Елишев С.О. Политика. Базовые понятия. Справочник-словарь. М., 2018. С. 7; Он же. Основы политологии: Уч. М., 2025. С. 12.

насилия. По различным основаниям для классификации войны делятся на: завоевательные и освободительные, локальные и мировые, гражданские, межгосударственные, партизанские, фронтовые, тотальные и др.⁴

Как явствует из такой трактовки и понимания сути войны, не каждый субъект политики и политических процессов автоматически может считаться субъектом войн и вооруженных конфликтов.

Тем не менее, ни у кого из исследователей не вызывает вопросов причисление к традиционным субъектам войн и вооруженных конфликтов, во-первых, государств (в лице должностных лиц и государственных органов, прежде всего, в виде регулярной армии, правоохранительных органов и специализированных служб, иррегулярных вооруженных формирований, а также связанных с ними структур, международных организаций, НКО и т.д.). Во-вторых, коалиции государств, военно-политических организаций и блоков (например, блока НАТО⁵). А вот относительно классификации негосударственных субъектов войн и вооруженных конфликтов, среди исследователей единодушия не наблюдается, хотя все в один голос подчеркивают их возросшую роль, влияние и значение в такого рода современных социально-политических процессах⁶.

При этом при осмыслении данной проблематики у значимой части авторов четко просматриваются, господствующие в научной среде, прогрессистские и социально-эволюционистские установки в понимании процесса общественно-исторического и политического развития и в трактовке сущности, истории и классификации войн и вооруженных конфликтов. Эти установки уводят их в своих размышлениях на необходимость обязательных констатаций, обоснования, доказывания неизбежности изменения в современных реалиях сущности войн и вооруженных конфликтов, а также по-

⁴ См.: Елишев С.О. Политика. Базовые понятия... С. 334; Он же. Основы политологии. С. 610.

⁵ НАТО (англ. NATO — North Atlantic Treaty Organization), Организация Североатлантического Договора — военно-политический союз государств, созданный на основе подписанного в 1949 г. в Вашингтоне Североатлантического договора для обеспечения коллективной безопасности (обороны) стран участниц. В 1999 г. в НАТО входило 19 государств; в 2025 г. — 32 государства.

⁶ См., например: Алаудинов А.А. К вопросу о типологии субъектов гибридных войн // Российский социально-гуманитарный журнал. 2024. № 1. С. 26; Алаудинов А.А., Стригунов К.С., Гончаренко А.Р. Роль негосударственных акторов в современных гибридных войнах // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2024. № 2 (79). С. 17; Мамфорд Э. Прокси-войны. Армия невидимок всегда победит. М., 2025. С. 85.

явления их “новых”, “современных” разновидностей (“гибридных” войн, “прокси-войн” и т.п.), коренным образом, якобы, отличающихся от войн и вооруженных конфликтов “классических”. В связи с этим, на основании таких установок авторами и выделяются, как бы “новые” негосударственные субъекты “современных” (“гибридных”, “прокси-войн”) войн и вооруженных конфликтов (хотя, по нашему мнению, тут необходимо вспомнить банальные истины, о том, что ничто не ново под луной, а все “новое”, как правило, это хорошо забытое старое).

Например, отечественные исследователи К.В. Сивков и К.Н. Соколов, занимаясь изучением главных “инструментов” современных, гибридных войн, которые активно используют, в том числе их государственные и негосударственные субъекты, отмечают также и тот факт, что некоторые из них также являются не только инструментами, но и субъектами такого рода войн и вооруженных конфликтов.

По мнению этих авторов, «главным инструментом гибридной войны становится пресловутая “пятая колонна” — агентура влияния, прежде всего в структурах власти, контролируемые противником легальные и нелегальные оппозиционные политические силы, их активная социальная база, различные иррегулярные вооруженные формирования из местного населения, а также иностранцев-наемников, силы специальных операций из состава регулярных вооруженных сил и частные военные компании, сотрудники спецслужб, действующие на территории враждебного государства. Традиционным вооруженным силам отводится вспомогательная роль поддержки “главных игроков” путем демонстрации решимости вмешаться или даже прямого вмешательства в вооруженное противостояние — главным образом посредством оказания “главному инструменту” огневой поддержки ракетными, авиационными и артиллерийскими ударами»⁷.

Фактическое создание на территории государства-конкурента своей “гражданской армии”, построенной по сетевому принципу, с последующим превращением ее в “альтернативный власти политический центр влияния” — “новый властный субъект”⁸, с использованием, как внутренних, так и внешних негосударственных субъектов, позволяет дестабилизировать обстановку в стране, свергнуть, или, как минимум ослабить недружественный режим, достигая поставленные цели.

⁷ Сивков К.В., Соколов К.Н. Гибридная война. М., 2023. С. 16.

⁸ См.: Там же. С. 17, 20.

К.В. Сивков и К.Н. Соколов, отмечая возросшую роль в гибридных войнах иррегулярных вооруженных формирований, относят к ним в частности, с позиций обороняющейся стороны, “высокопрофессиональные специализированные (коммерческие и некоммерческие) патриотические и военно-патриотические (в частности, различные негосударственные политизированные организации, работающие в интересах поддержки действующих властей) организации”⁹. В Российской Федерации такого рода формированиями должны стать Частные Военные Компании (ЧВК) и новое казачество. С позиций наступающей стороны — “специализированные (коммерческие и некоммерческие) организации, подготовленные для действий за рубежом”¹⁰, т.е., прежде всего, те же самые ЧВК, “создающие иррегулярные формирования из местного населения и иностранных наемников”¹¹, осуществляющих “боевую подготовку их личного состава, организацию вооруженной борьбы и акций массового гражданского неповиновения”¹².

Другой отечественный исследователь С.А. Ланцов придерживается схожей позиции и отмечает возросшую роль в современных гибридных войнах негосударственных военных структур, в частности ЧВК, “частных компаний безопасности и компаний по предоставлению нелегальных услуг”¹³.

Генерал А.А. Алаудинов также констатирует возросшую в последние десятилетия “значимость негосударственных акторов, которые по своим возможностям зачастую приближаются, а в некоторых случаях превосходят государства”¹⁴, нередко обретая “квазигосударственные признаки, где эффективно сочетаются сетевая и иерархическая формы организации”¹⁵.

К такого рода негосударственным субъектам он относит “международные террористические организации, транснациональные преступные организации (крупнейшие банды и наркокартели), военно-политические движения с признаками и криминальных, и террористических организаций (например, фрагменты колумбийских

⁹ Сивков К.В., Соколов К.Н. Гибридная война. С. 98–99.

¹⁰ Там же. С. 99.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ См.: “Гибридные войны” в хаотизирующемся мире XXI века. М., 2015. С. 57.

¹⁴ Алаудинов А.А. К вопросу о типологии субъектов гибридных войн // Российский социально-гуманитарный журнал. 2024. № 1. С. 26. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-tipologii-subektov-gibridnyh-voyn/viewer>

¹⁵ Там же. С. 27.

парамили-тарес и FARC; бирманская Армия спасения рохинджа Аракана), НПО, НКО, организации хакеров, частные разведывательные компании (ЧРК), частные военные компании (ЧВК), а также некоторые транснациональные корпорации (ТНК)¹⁶.

Российские социологи В.И. Добренков и П.В. Агапов дали более расширенную классификацию субъектов войн и вооруженных конфликтов и отнесли к субъектам войны и военной агрессии в XXI в., такие негосударственные субъекты, как: “тайные сообщества (масонов, мафию)”; “предателей, агентов влияния и пятую колонну”; “международные финансово-экономические организации, транснациональные компании, военно-промышленные комплексы, промышленные империи и т.д.”; “производителей религиозной, идеологической, философской, политической, исторической, потребительской, художественной и т.д. литературы”; “средства массовой информации”; “воинственно настроенных идеологов”; “террористов”; “организованную преступность и преступников”; “этносы”; “социальные классы”; “сети агрессивных сообществ”¹⁷.

Историк С.В. Новоселов к негосударственным субъектам мировой политики, представляющим угрозу для мира и безопасности, а значит являющимся субъектами войны и вооруженных конфликтов относит: 1) “транснациональные корпорации (ТНК)”; 2) “религиозные организации, структуры и движения”; 3) “экстремистские организации, движения и сети левого толка”; 4) “международные террористические организации и сети”; 5) частные военные фирмы (ЧВФ); 6) “криминальные структуры и сети”; 7) “непризнанные государства, или квази-государственные образования”; 8) “международные институты, не правительственные гуманитарные, правозащитные и иные организации, крупнейшие СМИ”¹⁸.

На наш взгляд, все вышеприведенные классификации негосударственных субъектов войн и вооруженных конфликтов, являются неполными и требующими корректировки, так как часто их авторы, безосновательно, по своим каким-то соображениям, забывают о некоторых традиционных субъектах политики, являющихся также и субъектами войн и вооруженных конфликтов. Или же относят, например, к субъектам войн и вооруженных конфликтов, средства

¹⁶ Там же. С. 26.

¹⁷ См.: Добренков В.И., Агапов П.В. Война и безопасность России в XXI веке. М., 2011. С. 88–89.

¹⁸ См.: Новоселов С.В. Негосударственные субъекты как источники угроз для международного мира и безопасности // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2013. № 2 (35). С. 81–84.

и инструменты, используемые различными субъектами в этих процессах, необоснованно придавая им статус “субъекта”. В частности, речь идет о средствах массовой информации и пропаганды, являющихся одним из самых важных инструментов социально-политических процессов, эффективным средством формирования общественного мнения и манипулятивного воздействия на массовое сознание, но не субъектом этих процессов, целиком и полностью зависимых от своих хозяев-спонсоров — как раз и являющихся субъектами этих процессов.

Исходя из вышесказанного, к субъектам войн и вооруженных конфликтов, по нашему мнению, условно можно отнести 16 субъектов, подразделив их на два вида: государственные и негосударственные субъекты. К государственным субъектам войн и вооруженных конфликтов относятся не два, а фактически три субъекта: 1) государства (в том числе частично признанные), в лице своих должностных лиц и государственных органов, вооруженных сил (регулярной армии), правоохранительных органов и специализированных служб, иррегулярных вооруженных формирований, а также связанных с ними структур, международных организаций, НКО и т.д.; 2) коалиции государств, военно-политических организаций и блоков, а также 3) непризнанные (например, Приднестровская Молдавская Республика) государства, квази-государственные (например, государство Шан) образования. Несмотря на неопределенность своего правового статуса, непризнанные государства или квази-государственные образования, обладающие определенными признаками государственности, являются субъектами политики и могут также по факту являться субъектами войн и вооруженных конфликтов. Отнесение их к негосударственным субъектам, как это делают некоторые авторы, является некорректным, поскольку в будущем они могут обрести правовой статус полноценного или частично признанного государственного образования.

К негосударственным субъектам войн и вооруженных конфликтов с древних времен по настоящее время следует отнести тринадцать таких субъектов политики, как:

- 1) отдельные личности (личности государственных, политических, национальных, религиозных, общественных деятелей и лидеров, военачальников, командиров вооруженных отрядов и формирований);

- 2) различные олигархические группы (финансовые, бюрократические партийные);

3) “мировую закулису”, тайные структуры и общества (масонство¹⁹);

4) крупные хозяйственные субъекты, национальные корпорации и транснациональные корпорации (ТНК), имеющие свои охраняемые и вооруженные формирования или, нанимающие частные охранные предприятия и ЧВК для продвижения своих интересов;

5) различные религиозные организации, в том числе секты и деструктивные культы со своими вооруженными формированиями (например, ассасины);

6) политические партии и политические движения разной направленности, некоммерческие неправительственные общественные объединения и организации (например, добровольческие, волонтерские), с подконтрольными им вооруженными формированиями (например, Красная Гвардия, Боевая организация социалистов-революционеров, Стальной Шлем и др.);

7) нации — в виде этнических и национальных движений, национально-освободительных движений (например, Второе Земское ополчение под руководством К. Минина и князя Д. Пожарского);

8) различные кланы, родо-племенные сообщества (вооруженные племена кочевников, например, туарегов), субэтноты (например, терские, кубанские, донские казаки), род занятий, образ жизни, деятельность которых вовлекают их в участие в вооруженных конфликтах;

9) различные экстремистские и террористические организации;

10) вооруженные банды и криминальные сообщества (наркотрафикеры, мафия²⁰);

¹⁹ Масонство (франкмасонство) — квазирелигиозное, этическое движение, учение и практика секретных орденов и организаций (лож), проповедующих идеи служения непрерывающемуся социальному прогрессу, свободы, братской любви, равенству, взаимопомощи и нравственного самосовершенствования в сочетании с культом избранности и элитарности, элементами религиозного мистицизма (специальными обрядами и “таинствами”). Начало движения, заимствовавшего свои организационные формы, иерархию, символику из практики средневековых орденов и цеховых объединений, было положено в Англии в XVII в., после чего сеть тайных организаций распространилась на другие страны мира. В силу враждебности масонства к каждой конкретной культуре (традиции), окружающей масона, обладает признаками антисистемы.

²⁰ Мафия (итал. mafia) — тайная преступная организация с жесткой внутренней иерархией, дисциплиной, системой ценностей и нормами поведения, стремящаяся к достижению политического и административного влияния в обществе для прикрытия и обеспечения своей деятельности, использующая насильственные методы для поддержания устойчивости своей внутренней структуры и развития преступного бизнеса. Изначально возникла на о. Сицилия как организованная самооборона населения. Синоним термина “организованная преступность”.

- 11) частные охранные предприятия;
- 12) частные военные кампании (ЧВК).

Некоторые из обозначенных негосударственных субъектов, отдельно или в союзе с другими могут собирательно образовывать и составлять, при получении часто помощи извне, так называемую 13) *вооруженную оппозицию, “пятую колонну”²¹, антиправительственные группировки, незаконные вооруженные формирования различного толка (например, революционные или контрреволюционные)*, которые условно, как это делают некоторые упомянутые нами авторы, также можно рассматривать, как еще один — тринадцатый негосударственный субъект войн и вооруженных конфликтов.

Данная классификация, безусловно, не претендует на полноту и завершенность, но позволяет учесть то, что по разным причинам игнорируют или, часто не озвучивают те или иные исследователи. Например, те, которые недооценивают роль личности в истории.

Ведь личность государственного лидера, религиозного авторитета или общественно-политического деятеля традиционно играет значимую роль в любом социально-политическом процессе, в том числе в войнах и вооруженных конфликтах. Именно по призывам того или иного лидера (вождя), различные социальные слои, группы и массы могут выйти на улицы, протестуя, например, против “фальсификации” выборов или коррупции, могут начаться военные действия. Яркий пример тому — премьер-министр Израиля Б. Нетаньяху, который инициировал ряд сменяющих друг друга войн и военных кампаний, чтобы, по мнению целого ряда политологов, удержаться у власти и избежать уголовного преследования, получив под этим предлогом помилование за целый ряд правонарушений. Или, как по призыву Патриарха Гермогена в Смутное Время начали формироваться Первое и Второе Земские Ополчения для освобождения Москвы от предателей и оккупантов.

²¹ “Пятая колонна” — термин времен Гражданской войны в Испании 1936–1939 гг., получивший впоследствии широкое распространение. Лидеры испанских националистов, планируя операцию по захвату Мадрида, намечали наступление четырех войсковых колонн с юга, севера, запада и востока. А в самом Мадриде, сторонники националистов, условно названные ими “пятой колонной”, должны были поднять восстание и поддержать наступательные действия четырех колонн. После чего термин “пятая колонна” стал нарицательным, образным наименованием сообщества вражеских агентов и агентов влияния, осуществляющих активную вредительскую и подрывную деятельность в тылу противника. “Пятая колонна” формируется под воздействием и активной поддержке извне и включает в себя как отдельных личностей, так и различных субъектов процессов осуществления государственных переворотов и революций, а также субъектов войн и вооруженных конфликтов.

Большую роль в начале, развитии и завершении различных войн и вооруженных конфликтов играет также и личность военачальника, командира вооруженных отрядов и формирований, инициировавших начало вооруженного захвата власти, войн и вооруженных конфликтов, их активное ведение и завершение. Яркий пример тому — личность Наполеона Бонапарта, Шарля де Голля, Степана Разина и др.

Как показывает история, различные бюрократические, финансовые, партийные олигархические структуры и тайные общества, а также другие подобные им группировки, активно используют имеющиеся у них ресурсы — богатство, финансовые потоки, подконтрольные им средства массовой информации и пропаганды, партийные структуры и общественные организации, часто собственные вооруженные формирования (например, на Украине) для влияния на государственных и политических деятелей, на различные институты власти и структуры, осуществления государственных переворотов, реализации “революционных” сценариев, начала войн и вооруженных конфликтов.

Бюрократические олигархии, контролирующие отдельные государственные органы и институты в виде, например, клановых группировок в вооруженных силах, спецслужбах или полиции, в той или иной стране, часто выступают как активные акторы, организаторы государственных переворотов, в частности военных переворотов, гражданских войн и вооруженных конфликтов. Значимая часть представителей хунт²², оказавшихся у власти в результате государственных переворотов и вооруженных конфликтов, являются выходцами именно из таких клановых группировок (например, в Африке и Латинской Америке).

Партийные олигархии (партократии и партийные номенклатуры) также являются одной из влиятельных олигархических групп, пользующихся значимым влиянием на политическую сферу жизнедеятельности общества. Они формируются из вождя и близких ему партийных функционеров, избравших партийную деятельность как свою профессиональную сферу деятельности и судьбу. Партия становится для них своеобразным источником добычи средств к существованию и комфортной жизни. Их роль огромна как при

²² Хунта (исп. junta — “собрание, объединение”) — 1) собрание, совет, общественно-политическая организация; 2) в некоторых латиноамериканских странах — исполнительный правительственный орган, областное правительство самоуправляемой единицы; 3) разновидность олигархической группировки, незаконно захватившей власть, часто путем военных переворотов.

тоталитарных, либерально-демократических, так и при авторитарных режимах. При этом значимая часть различных олигархических группировок входит в состав “мировой закулисы”.

Термин “мировая закулиса” ввел в научный оборот И.А. Ильин в своих статьях из сборника “Наши задачи” — “Против России”, “О расчленителях России” и “Что сулит миру расчленение России?”. В них он не дал развернутого определения “мировой закулисы”, но блестяще описал различные происки принадлежащих к ней врагов России, а также губительность запущенных против России их социально-политических проектов и экспериментов. Размышляя о видимых внутренних и внешних врагах России, И.А. Ильин констатировал существование “народов, государств, правительств, церковных центров, закулисных организаций и отдельных людей — враждебных России, особенно православной России, тем более императорской и нерасчлененной России”²³.

Иными словами, “мировая закулиса”, на взгляд И.А. Ильина, представляла собой значимый субъект международной, внешне- и внутривластной деятельности, а также особый тип недругов России, «которые не успокоятся до тех пор, пока им не удастся овладеть русским народом через малозаметную инфильтрацию его души и воли, чтобы привить ему под видом “терпимости” — безбожие, под видом “республики” — покорность закулисным мановениям и под видом “федерации” — национальное обезличие. Это зложелатели — закулисные, идущие “тихой сапой” и наиболее из всех сочувствующие советским коммунистам, как своему (“несколько пересаливающему!”) авангарду»²⁴.

“Мировая закулиса”, как подчеркивал И.А. Ильин, стремилась неоднократно осуществить ранее расчленение Российской империи, а также поэтапно готовила и будущее расчленение уже постбольшевистской России. По его мнению, «закулисные организации ждут себе такого же успеха от всероссийского расчленения: среди обнищавшего, напуганного и беспомощного русского населения инфильтрация разольется неудержимо, все политические и социальные высоты будут захвачены тихой сапой, и скоро все республиканские правительства будут служить “одной великой идее”: безыдейной покорности, безнациональной цивилизации и безрелигиозного псевдо-братства»²⁵. И от реализации этого плана и ре-

²³ Ильин И.А. Наши задачи. Кн. I // Ильины И.А. Собр. соч.: В 10 т. Т. 2. Кн. I. М., 1993. С. 66.

²⁴ Там же. С. 203.

²⁵ Там же. С. 204.

шений “мировая закулиса” сможет отступить “только тогда, когда ее планы потерпят полное крушение”²⁶.

Целью деятельности “мировой закулисы” и иных врагов России является ослабление могущества российского государства: «Им нужна слабая Россия, изнемогающая в смутах, в революциях, в гражданских войнах и в расчленении. Им нужна Россия с убывающим народонаселением... Им нужна Россия безвольная, погруженная в несущественные и нескончаемые партийные распри, вечно застревающая в разногласии и многоволении, неспособная ни оздоровить свои финансы, ни провести военный бюджет, ни создать свою армию, ни примирить рабочего с крестьянином, ни построить необходимый флот. Им нужна Россия расчлененная, по наивному “свободолюбию” согласная на расчленение и воображающая, что ее “благо” — в распадении. Но единая Россия им не нужна»²⁷.

На наш взгляд, сегодня “мировая закулиса” представлена системой закрытых политклубов, объединяющих лидеров транснациональных корпораций²⁸, ведущих политиков стран “Золотого миллиарда”²⁹ и их советников, осуществляющая контроль над странами “Золотого миллиарда” и примкнувшим мировым сообществом через господство в СМИ, финансовой сфере и расстановку высших должностных лиц. Она, безусловно, обладает признаками паразитической структуры и антисистемы.

К крупным организациям “мировой закулисы”, стремящимся воплотить в жизнь мондиалистские³⁰ проекты по созданию Единого управляющего мирового центра, например, относятся: Совет по международным отношениям, Бильдербергский клуб, Римский клуб, Трехсторонняя комиссия и другие.

²⁶ Ильин И.А. Наши задачи. С. 335.

²⁷ Там же. С. 203.

²⁸ Транснациональные корпорации (ТНК) — крупные частные, государственные или смешанные предприятия, не зависящие от страны их происхождения, имеющие свои структуры не менее чем в двух странах, которые активно взаимодействуют друг с другом и проводят согласованную экономическую политику под централизованным руководством.

²⁹ “Золотой миллиард” — наиболее богатые страны мира, возглавляемые США, совокупное население которых составляет около 1 млрд человек; чье положение обеспечивается организационным, финансовым и военным превосходством и сосредоточением в наиболее богатых странах штаб-квартир транснациональных корпораций и “верхних этажей” технологических цепочек.

³⁰ Глобализм, или мондиализм (от фр. monde — “мир”), представляет собой одну из версий современного атлантизма, господствующую на Западе геополитическую идеологию создания единого мира, одного единого глобального общества, управляемого из единого центра будущим мировым правительством.

В настоящее время “мировая закулиса” играет ведущую роль в ведущейся на протяжении нескольких веков против России “Большой Игры” или “Великой Игры” (англ. The Great Game), т.е. как представители англосаксонской единой политической и экономической элит Англии, США и других держав англосаксонского мира именovali и продолжают именовать политику сдерживания России в различных сферах ее жизнедеятельности, стремясь на протяжении всего этого времени добиться не только улучшения своих позиций в тех или иных областях или полной своей гегемонии, но расчленения и исчезновения нашего государства и страны с политической карты мира.

Сегодня “Большая игра” — это инициированные англосаксонской элитой дипломатические, экономические, информационные войны и противоборства, вооруженные конфликты, операции спецслужб по противодействию законным правительствам и осуществлению государственных переворотов и всевозможных “революционных” сценариев в различных государственных образованиях. Все эти действия направлены на закрепление за США и другими державами англосаксонского мира их геополитической гегемонии над миром, а также возрождения утраченного ими однополярного мироустройства. Россия в представлениях англосаксонской элиты является основным препятствием в достижении поставленной цели.

Составной частью различных олигархических групп и “мировой закулисы” или же в плотной связке и взаимодействии с ними, как субъекты войн и вооруженных конфликтов, выступают крупные хозяйственные субъекты, национальные корпорации и транснациональные корпорации (ТНК). Как уже было отмечено, они имеют свои охранные и вооруженные формирования или же, нанимают частные охранные предприятия и ЧВК для продвижения своих интересов. Впрочем, удивить этим, в настоящее время достаточно сложно, если вспомнить факты из истории деятельности Голландской Ост-Индской Компании, а также Британской Ост-Индской Компании. Или же, пример из истории России, когда постоянные набеги хана Кучума, сподвигли именитых и богатых торговых людей Строгановых организовать частную военную экспедицию для защиты рубежей своих владений, наняв и вооружив казаков во главе с атаманом Ермаком Тимофеевичем, которые неожиданно для всех разгромили хана Кучума в 1581–1582 гг. (у которого, кстати, с Москвой были налаженные дипломатические отношения) и захватили столицу Сибирского ханства — Искер.

Иные же негосударственные субъекты войн и вооруженных конфликтов, упомянутые нами (политические партии, политические движения, некоммерческие неправительственные организации, религиозные организации, нации — в виде этнических и национальных движений, национально-освободительных движений, кланы, родо-племенные сообщества, субэтноты, различные экстремистские и террористические организации, вооруженные банды и криминальные сообщества, частные охранные предприятия и частные военные компании (ЧВК), по отдельности или в разном сочетании образующие так называемую “вооруженную оппозицию”, “пятую колонну”, антиправительственные группировки, незаконные вооруженные формирования различного толка), по факту являются традиционными субъектами политики и социально-политических процессов, заявлявшие о себе в качестве таковых на всем протяжении человеческой истории. Как мы уже говорили, ничто не ново под луной. И ничего, кроме наименований-обозначений этих субъектов, изменений их правового статуса или, увеличения роли в войнах и вооруженных конфликтах современности, к настоящему времени, не произошло.

Конечно же, отнюдь не каждый субъект политики (по своему положению, специфике функционирования, а также ресурсным возможностям), автоматически является субъектом войн и вооруженных конфликтов. Однако, изменение характера боевых действий, эволюция военного искусства, не может механически означать, что изменилась сущность и типология самих субъектов войн и вооруженных конфликтов — все они также являются по факту традиционными субъектами политики и социально-политических процессов. Может быть, по сравнению с предшествующими временами, изменилось их наименование-обозначение, не все из них имеют признанный правовой статус, увеличилась роль некоторых из них в процессе происходящих события, но суть их осталась и остается прежней, несмотря на амбивалентность оценок деятельности некоторых из них.

Например, экстремистские и террористические организации (в частности, в имперской России — партия социалистов-революционеров, РСДРП(б), “Черная Рука”, “Млада Босна” — в Сербии, долгое время движение “Талибан” — в Афганистане), безусловно, являлись и являются значимыми негосударственными субъектами войн и вооруженных конфликтов. Они занимались и продолжают заниматься активной нелегальной политической борьбой и деятельностью, имеют собственные вооруженные формирования, предпри-

нимают попытки вооруженного захвата власти или дестабилизации обстановки в том или ином государстве, стране, регионе, инициируют различного рода войны и вооруженные конфликты.

Ярким историческим примером, подтверждающим данный тезис, является убийство в Сараево в 1914 г. террористом “Млады Босны” Гаврилой Принципом эрцгерцога Франца Фердинанда, ставшим официальным и формальным поводом к началу Первой мировой войны.

Амбивалентность же в оценке данного субъекта войн и вооруженных конфликтов, состоит часто в том, что если представители этих организаций захватывают и удерживают власть в том или ином государстве, то их начинают уже считать не в качестве террористических и экстремистских организаций, а как вполне легальные и признанные структуры, формирующие официальные органы нового режима или государства. Хорошей иллюстрацией этому являются пример с “большевиками” из российской истории, сионистскими организациями, сражавшимися за создание государства Израиль, движением “Талибан” в Афганистане, современным новым сирийским правительством, сформированным из представителей, имевших статус террористических и экстремистских организаций.

К экстремистским и террористическим организациям относятся также и некоторые религиозные организации в виде тоталитарных сект и деструктивных культов. Например, АУМ “Сенрике”, различные неоязыческие, сатанинские культы и организации³¹. Они также могут выступать субъектами войн и вооруженных конфликтов, имея свои вооруженные формирования, как например, секты “Ян Тацине”, “Кала Като” и “Боко Харам” в Нигерии или, в предыдущие века, как ассасины, альбигойцы, катары, табариты, пикарты и другие.

Традиционные для той или иной страны религиозные конфессии и организации, как показывает мировой опыт, даже не имея вооруженных формирований, могут инициировать начало государственных переворотов, революций (Исламская революция 1979 г. в Иране), а также начало, вектор последующего развития и прекращение войн и вооруженных конфликтов (в частности, ирано-иракской войны 1980–1988 гг.). Как уже было отмечено ранее, именно по призыву главы Русской Православной Церкви Патриарха Гермогена

³¹ См., например: Перечень организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации экстремистскими. Официальный сайт Министерства Юстиции Российской Федерации. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7822/> (дата обращения: 07.12.2025).

в Смутное Время в России начали формироваться Первое и Второе Земские Ополчения для освобождения Москвы от предателей и оккупантов.

Вооруженные банды и криминальные сообщества (мафия, наркокартели), отдельно или во взаимодействии с другими субъектами (например, внешними силами), активно участвуют в различного рода войнах и вооруженных конфликтах с древности по настоящее время. Они заинтересованы в ослаблении и часто пользуются ослаблением государства, отсутствием у него всей полноты суверенитета, его коррумпированностью, фактически создавая теневые параллельные структуры управления и открыто вступая в противодействие с правоохранительными органами, спецслужбами и армейскими подразделениями (например, с целью свержения режима), которые в свою очередь, вынуждены проводить против них крупные войсковые и полицейские операции. Историческими примерами этого является нарковойна в Мексике, операция “Сдерживание” 2025 г. против группировки “Красная команда” в Бразилии, войсковые и полицейские операции против мафии на Сицилии в годы правления Б. Муссолини. Вооруженные отряды сицилийской мафии, в свою очередь, очень активно и эффективно помогали армии и спецслужбам США взять под контроль Сицилию в ходе операции “Хаски” в 1943 г.

Политические партии, политические движения, некоммерческие неправительственные общественные объединения и организации, имеющие в свою очередь вполне легальный статус, как свидетельствуют факты из мировой истории, часто создавали и создают свои собственные вооруженные формирования для вооруженного захвата, удержания власти или достижения иных различного рода целей (например, Красная Армия Китая, Железный Фронт, Республиканский шуцбунд). Такого рода действия часто осуществляются в периоды острого национально-государственного кризиса, при осуществлении революций, государственных переворотов, во время гражданских войн, военных конфликтов и при иных экстраординарных обстоятельствах, требующих оказания военной помощи своим собратьям (среди некоммерческих неправительственных общественных объединений и организаций — это организации ветеранов войн и вооруженных конфликтов, волонтерские, добровольческие организации, например, Союз Добровольцев Донбасса).

Нации, в виде этнических и национальных движений, национально-освободительных, антиколониальных движений, а также кланы, родо-племенные сообщества, субэтноты, род занятий, об-

раз жизни, деятельность которых по традиции или от безысходности связаны с их участием в войнах и вооруженных конфликтах также остаются одними из значимых негосударственных субъектов войн и вооруженных конфликтов. Они часто играют значимую роль в создании собственных национальных государств, сохранении государственности или обретении государствами всей полноты суверенитета, выполнении важных стратегических задач или дестабилизации обстановки в той или иной стране или регионе. Например, такие субэтносы русского народа, как терские, кубанские, донские и иные казаки, просто не мыслят себя вне служения своему Отечеству с оружием в руках до настоящего времени, несмотря на активную политику “расказачивания”, проводимую в свое время коммунистически режимом.

Частные охранные предприятия и ЧВК как субъекты войн и вооруженных конфликтов современности своими предтечами-аналогами в мировой истории имеют различные отряды наемников (новгородских ушкуйников, дружины варягов, каперов, корсаров, ландскнехтов, кондотьеров, отряды казаков). Осознание важности их роли в качестве таковых, в частности, остро ставит вопрос об обретении многими из них соответствующего правового статуса в современной России и дальнейшей успешной деятельности на благо нашего Отечества.

Таким образом, подводя определенный итог нашим рассуждениям, можно констатировать, что известные высказывания К. Клаузевица, о том, что “война есть продолжение политики, только иными средствами”, а также Мао Цзэдуна о том, что “винтовка рождает власть” сохраняют свою актуальность до настоящего времени, а вопрос типологии субъектов войн и вооруженных конфликтов требует в свою очередь, более пристального последующего осмысления и изучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алаудинов А.А. К вопросу о типологии субъектов гибридных войн // Российский социально-гуманитарный журнал. 2024. № 1.

Алаудинов А.А., Стригунов К.С., Гончаренко А.Р. Роль негосударственных акторов в современных гибридных войнах // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2024. № 2 (79).

“Гибридные войны” в хаотизирующемся мире XXI века. М., 2015.

Добреньков В.И., Агапов П.В. Война и безопасность России в XXI веке. М., 2011.

Елишев С.О. Политика. Базовые понятия. М., 2018.

Елишев С.О. Основы политологии: Уч. М., 2025.

Ильин И.А. Наши задачи // Ильин И.А. Собр. соч.: В 10 т. Т. 2. Кн. 1. М., 1993.

Клаузевиц К. О войне. М., 1934.

Мамфорд Э. Прокси-войны. Армия невидимок всегда победит. М., 2025.

Новоселов С.В. Негосударственные субъекты как источники угроз для международного мира и безопасности // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2013. № 2 (35).

Сивков К.В., Соколов К.Н. Гибридная война. М., 2023.

REFERENCES

Alaudinov A.A. K voprosu o tipologii sub'ektov gibridnyh vojn [On the Typology of Hybrid Warfare Actors] // Rossijskij social'no-gumanitarnyj zhurnal. 2024. N 1 (in Russian).

Alaudinov A.A., Strigunov K.S., Goncharenko A.R. Rol' negosudarstvennyh aktorov v sovremennyh gibridnyh voynah [The Role of Non-State Actors in Modern Hybrid Wars] // Kaspijskij region: politika, ekonomika, kul'tura. 2024. N 2 (79) (in Russian).

Dobren'kov V.I., Agapov P.V. Voyna i bezopasnost' Rossii v XXI veke [War and Security in Russia in the 21st Century]. М., 2011 (in Russian).

Elishev S.O. Politika. Bazovye ponyatiya [Politics. Basic Concepts]. М., 2018 (in Russian).

Elishev S.O. Osnovy politologii: Uch. [Fundamentals of Political Science]. М., 2025 (in Russian).

"Gibridnye vojny" v haotiziruyushchemsya mire XXI veka ["Hybrid Wars" in the Chaotic World of the 21st Century]. М., 2015 (in Russian).

Il'in I.A. Nashi zadachi [Our Tasks] // Il'in I.A. Sobr. soch.: v 10 t. Т. 2. Кн. 1. М., 1993 (in Russian).

Klauzevic K. O vojne [On War]. М., 1934 (in Russian).

Mamford E. Proksi-voyny. Armiya nevidimok vseгда pobedit [Proxy Wars. The Invisible Army Will Always Win]. М., 2025 (in Russian).

Novoselov S.V. Negosudarstvennye sub'ekty kak istochniki ugroz dlya mezhdunarodnogo mira i bezopasnosti [Non-State Actors as Sources of Threats to International Peace and Security] // Kaspijskij region: politika, ekonomika, kul'tura. 2013. N 2 (35) (in Russian).

Sivkov K.V., Sokolov K.N. Gibridnaya vojna [Hybrid War]. М., 2023 (in Russian).

СОЦИОЛОГИЯ РЕЛИГИИ

DOI: 10.24290/1029-3736-2026-32-1-170-185

БИБЛЕЙСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ КАК ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ ФУНДАМЕНТ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЖИЗНИ И СОЦИАЛЬНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В ЭПОХУ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО КРИЗИСА

В.Н. Дмитриев (Каллиник), монах Введенского ставропигиального мужского монастыря Оптиной пустыни, г. Козельск, Калужская обл., Российская Федерация, 249723*

Статья исследует глубинный кризис идентичности современного общества как следствие утраты абсолютного критерия истины и целостного понимания сущности человека. Доказывается несостоятельность секулярных научных, философских и художественных парадигм в отрыве от религиозного основания для ответа на ключевые экзистенциальные вопросы. В качестве решения предлагается библейская антропология, раскрывающая человека как носителя неизменного Образа Божия (Imago Dei) и призванного к динамическому Подобию Божию (Similitudo Dei). Эта антропология рассматривается как единственная устойчивая онтологическая и аксиологическая основа для: 1) преодоления кризиса “общества потребления” и формирования “общества служения”; 2) этического регулирования технологического прогресса (генная инженерия, ИИ); 3) гармоничного социального строительства, основанного на двойной миссии человека (“внутренний сад” — духовное возрастание, “внешний сад” — ответственное управление творением). Делается вывод о необходимости интеграции библейского откровения как краеугольного камня государственной политики в сферы образования, культуры, социального развития и обеспечения ментальной безопасности.

Ключевые слова: библейская антропология, Образ Божий (Imago Dei), Подobie Божие (Similitudo Dei), критерий истины, цивилизационный кризис, общество потребления, общество служения, социальное строительство, синергия познания, свобода воли, духовные основы, этика технологий, ментальная безопасность.

* Дмитриев Виктор Николаевич (Каллиник), e-mail: kalliniq@yandex.ru

BIBLICAL ANTHROPOLOGY AS THE ONTOLOGICAL FOUNDATION OF HUMAN LIFE AND SOCIAL CONSTRUCTION IN AN ERA OF CIVILIZATIONAL CRISIS

Dmitriev Victor N. (Kallinik), Monk, Vvedensky Stavropegic Monastery Optina Pustyn, Kozelsk, Kaluga region, Russian Federation, 249723, e-mail: kalliniq@yandex.ru

This article explores the profound identity crisis of contemporary society, stemming from the loss of an absolute criterion of truth and a holistic understanding of human nature. It demonstrates the inadequacy of secular scientific, philosophical, and artistic paradigms, divorced from a religious foundation, in addressing key existential questions. Biblical anthropology, which reveals man as the bearer of the immutable Image of God (Imago Dei) and called to the dynamic Likeness of God (Similitudo Dei), is proposed as a solution. This anthropology is viewed as the only sustainable ontological and axiological foundation for: 1) overcoming the crisis of the “consumer society” and forming a “society of service”; 2) the ethical regulation of technological progress (genetic engineering, AI); 3) harmonious social construction based on the dual mission of man (“inner garden” — spiritual growth; “outer garden” — responsible stewardship of creation). The conclusion is drawn about the need to integrate biblical revelation as a cornerstone of state policy in the spheres of education, culture, social development and mental security.

Key words: biblical anthropology, Image of God (Imago Dei), Likeness of God (Similitudo Dei), criterion of truth, civilizational crisis, consumer society, service society, social construction, synergy of knowledge, free will, spiritual foundations, ethics of technology, mental security.

Введение

XXI в. стал свидетелем радикальной и ускоряющейся трансформации общественных отношений, затронувшей основы государственности, экономики, культуры, образования и семьи¹. Этот процесс, часто описываемый как “модернизация” или “глобализация”, сопровождается глубокой эрозией традиционных религиозных, этнических и государственных устоев, формированием новых социальных моделей, активно деконструирующих прежние нравственные, этические и эстетические нормы². Ключевым следствием данной трансформации является катастрофическая утрата обществом абсолютного критерия истины. Это порождает состояние ценностного релятивизма, при котором идеологические предпочтения индивидов, групп и политических объединений становятся ситуативными, пластичными и лишенными твердой метафизиче-

¹ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995. С. 15–30; Тейлор Ч. Секулярный век. М., 2017.

² Bauman Z. Liquid modernity. Cambridge, 2000. P. 45–67.

ской основы, подобно флюгеру: “Но Он, взглянув на них, сказал: что значит сие написанное: камень, который отвергли строители, тот самый сделался главою угла? Всякий, кто упадет на тот камень, разобьется, а на кого он упадет, того раздавит” (Лк. 20:17–18)³. Отсутствие такого критерия, обладающего качеством абсолюта, автор считает первопричиной современного цивилизационного кризиса, ставящего под вопрос само будущее человеческих сообществ.

1. Глубина антропологического кризиса: симптомы и тупики секулярных парадигм

Кризис идентичности не является абстракцией; он имеет конкретные, измеряемые и катастрофические проявления в жизни современного человека и общества:

- *Демографический коллапс*: снижение рождаемости ниже уровня простого воспроизводства в большинстве развитых стран⁴ напрямую коррелирует с утратой смысла продолжения рода, приоритетом индивидуализма и гедонизма над жертвенностью и служением будущим поколениям. Это прямое следствие экзистенциального вакуума.

- *Экологическая катастрофа*: хищническое отношение к природе, доведшее планету до грани коллапса⁵, является следствием антропоцентризма, лишённого идеи “ответственного владычества” (Быт. 1:28)⁶ и воспринимающего мир лишь как бездонный ресурс для потребления, а не как “внешний сад”, вверенный человеку для возделывания и хранения: “И взял Господь Бог человека, и поселил его в саду Едемском, чтобы возделывать его и хранить его” (Быт. 2:15)⁷.

- *Кризис социальных институтов*: распад семьи, девальвация образования, кризис доверия к политическим системам и праву⁸ — все это симптомы “аномии” (Э. Дюркгейм), состояния безнормности, возникающего при отсутствии объединяющей мета-наррации и абсолютных оснований для солидарности и взаимного доверия.

³ Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М., 2014. С. 1117.

⁴ World Population Prospects 2022 // United Nations, Department of Economic and Social Affairs. URL: https://www.un.org/development/desa/pd/sites/www.un.org.development.desa.pd/files/wpp2022_summary_of_results.pdf (accessed: 17.10.2025).

⁵ Climate Change 2022: Impacts, Adaptation and Vulnerability // IPCC Sixth Assessment Report. URL: <https://www.ipcc.ch/report/ar6/wg2/> (accessed: 17.10.2025).

⁶ Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. С. 6.

⁷ Там же.

⁸ Патнэм Р. Чтобы демократия сработала. М., 1996.

– *Парадокс научно-технического прогресса*: беспрецедентные достижения в технологиях (особенно в биотехнологиях и ИИ) происходят на фоне фундаментальной неспособности науки дать определение человеку⁹. Технология опередила наше понимание, кто мы такие и чего мы хотим¹⁰, создавая угрозы самой человеческой природе (ГМО, редактирование зародышевой линии, автономное оружие, манипуляции сознанием).

Актуальный цивилизационный вызов — отсутствие критерия Истины

В результате потери критерия истинности, ценностная решетка общественных объединений и государств становится крайне пластичной и неустойчивой, что наглядно отражено на рис. 1.

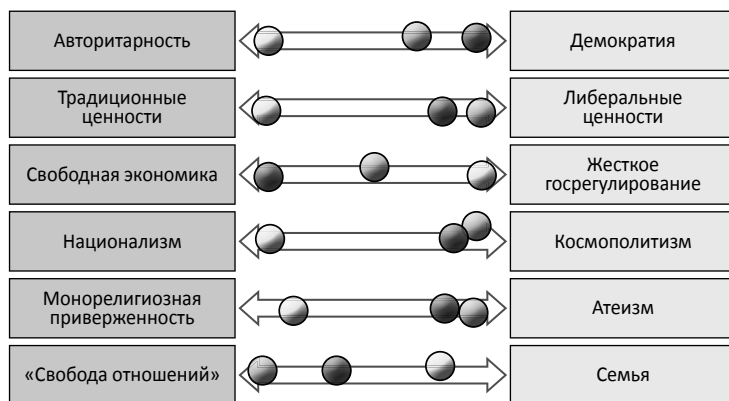

Рис. 1

На ценностных осях рисунка шарики разных цветов указывают на социально-политические, экономические и религиозные предпочтения разных субъектов, групп, сообществ, политических объединений. Как мы видим, эти предпочтения, не имеющие твердой идеологической основы, могут легко меняться в зависимости от любой временной ситуации. То есть критерий истинности отсутствует полностью, замещенный субъективным и разнонаправленным, как флюгер, человеческим произволом.

Данные, отраженные на рис. 1, показывают, о чем идет речь. Здесь представлены два столбца, между которыми есть стрелки, на

⁹ Кассирер Э. Опыт о человеке. Введение в философию человеческой культуры // Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. М., 1998. С. 112–130.

¹⁰ Харари Ю.Н. Homo Deus: краткая история будущего. М., 2018.

которых присутствуют разного цвета шарики. Цвет шариков маркирует личности, организации или группы людей, которые привержены каким-то политическим, мировоззренческим и прочим общностям. Это большой спектр таких деноминаций, как патриотичность, космополитизм, авторитарность, соответственно, демократичность, и т.д.

И в итоге все политические партии у нас, на Западе, и на Востоке, современные политические и общественные течения на свой вкус выбирают приверженность тому или иному критерию. И получается, что нет оснований, нет критерия истины. Именно отсутствие истины, имеющей качество абсолюта, является первопричиной современного цивилизационного кризиса (еще раз повторим вышеприведенную цитату из Библии): “Но Он, взглянув на них, сказал: что значит сие написанное: камень, который отвергли строители, тот самый сделался главою угла? Всякий, кто упадет на тот камень, разобьется, а на кого он упадет, того раздавит” (Лк. 20:17)¹¹.

В современном мире, где границы между нациями и культурами становятся все более размытыми, а ценностная решетка народов и государств лишена истинной основы и пластична, возникает новый вид колониализма — ментальный колониализм. Этот феномен представляет собой централизованное агрессивное проникновение идей, ценностей и культурных норм в различные общества, воздействуя на их сознание и поведение.

Обратимся теперь к проблеме несостоятельности альтернативных (секулярных) подходов в определении человека, которая очевидна:

Научный редукиционизм: попытки свести человека к “генам” (социобиология¹²), “нейронам” (крайний нейроредукиционизм¹³) или “алгоритмам” (трансгуманизм¹⁴) терпят крах перед феноменом сознания, свободы воли, нравственного чувства и творчества¹⁵. Наука описывает “как”, но не отвечает на вопросы “кто” и “зачем”.

Философский релятивизм: постмодернистский отказ от “великих нарративов” (Ж.-Ф. Лиотар¹⁶) привел не к освобождению, а к фрагментации сознания, невозможности коллективного целе-

¹¹ Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. С. 1117.

¹² Wilson E.O. Sociobiology: the new synthesis. Cambridge, 1975.

¹³ Churchland P.S. Neurophilosophy: toward a unified science of the mind-brain. Cambridge, 1986.

¹⁴ Bostrom N. Superintelligence: paths, dangers, strategies. Oxford, 2014.

¹⁵ Пенроуз Р. Тени разума. В поисках науки о сознании. М., 2005. С. 78–95.

¹⁶ Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. СПб., 1998.

полагания и этического консенсуса. Поиски “сильной онтологии” в современной философии (А. Бадью, К. Шмитт) пока не предложили убедительного антропологического основания, свободного от произвола.

“Гибридные” подходы (синергетика): при всей ценности синергетики в описании сложных систем и междисциплинарного диалога¹⁷, она остается методологически нейтральной в вопросах смысла, ценности и цели человеческого существования. Она описывает процессы, но не дает ответа на вопрос о телесе человека.

Таким образом, “антропологический вакуум” — это не теоретическая проблема, а прямая угроза выживанию и устойчивому развитию. Без ответа на вопрос “Что есть человек?” невозможны: 1) устойчивая этика для сдерживания разрушительного потенциала технологий; 2) формирование жизнеспособной национальной и цивилизационной идентичности; 3) преодоление экзистенциального вакуума, питающего депрессии, аддикции и суициды; 4) построение “общества служения” как альтернативы саморазрушающему “обществу потребления”.

2. Библейская антропология: Образ Божий и динамика Подобия Божьего как основа человеческого достоинства и призвания

В контексте этого кризиса библейское Откровение, сохраняющее свою актуальность и непротиворечивость на протяжении трех с половиной тысячелетий, предлагает целостную и неизменную антропологическую парадигму. Ее сердцевина — учение о сотворении человека “по образу и подобию” Божию: “И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему по подобию Нашему... И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их” (Быт. 1:26-27)¹⁸.

Образ Божий: Онтологическое основание достоинства

Сущность, а не атрибуты: Образ Божий — это не просто сумма свойств (разум, свобода, творчество, совесть, способность к любви, личностность, стремление к совершенству, владычество, бессмертие души), а сама “фундаментальная сущность” человека, его уникальное “отношение” к Творцу¹⁹. Человек есть икона Бога, он

¹⁷ Хакен Г. Синергетика. М., 1980.

¹⁸ Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. С. 6.

¹⁹ Лосский В.Н. Богословское понятие человеческой личности // Богословие и Боговидение. М., 2000; Зизиулас И., митр. Бытие как общение. М., 2006.

призван к причастию Божественной жизни по благодати. Это делает его принципиально нередуцируемым к биологическим или социальным функциям.

Основание прав и этики: учение об Образе Божиим исторически легло в основу концепции неотчуждаемого достоинства и прав человека²⁰, противостоящей утилитаризму и тоталитаризму. Все люди обладают равным и безусловным достоинством независимо от их способностей, полезности или социального статуса. Это — абсолютный этический императив.

Разрешение кажущихся противоречий

Психосоматическое единство: человек — целостное существо (и это отменяет дуализм Декарта или грубый материализм). Тело не тюрьма души, а со-участник в призвании к Подобию (свт. Григорий Палама²¹; архиеп. Лука (Войно-Ясенецкий)²²).

Происхождение: акцент на уникальном статусе и призвании человека (“вдуновение” Божие — (Быт. 2:7)²³ совместим с различными научными моделями “биологического” развития (теистическая эволюция, “адамическое чудо”).

Сознание и свобода: Образ Божий — основание трансцендентности человека природе, его способности к рефлексии, моральному выбору, творчеству, что остается “трудной проблемой” для нейронаук²⁴.

Подобие Божие: Телос (цель) и динамика призвания

Путь обожения (Theosis): подобие — не статическое состояние, а динамический процесс обожения, реализуемый через синергию — совместное действие Божественной благодати и свободной человеческой воли, направленной на нравственное и духовное совершенствование: “Итак, будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный” (Мф. 5:48)²⁵; “со страхом и трепетом совершайте свое спасение, потому что Бог производит в вас и хотение и действие по Своему благоволению” (Флп. 2:12–13)²⁶. Как писал прп. Максим

²⁰ Маритен Ж. Человек и государство. М., 2000.

²¹ Свт. Григорий Палама. Триады в защиту священно-безмолвствующих. М., 1995. С. 156–178.

²² Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий). Дух, душа и тело. М., 1997. С. 50–75.

²³ Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. С. 6.

²⁴ Chalmers D.J. The conscious mind: in search of a fundamental theory. Oxford, 1996.

²⁵ Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. С. 1017.

²⁶ Там же. С. 1287.

Исповедник, “[Душа] становится воском... на ней запечатлеваются божественные образы”²⁷ в процессе этого движения к Богу.

Критерий нравственности: достижение Подобия — реализация изначального замысла Творца. Грех — искажение Образа и отказ от пути к Подобию. Библейские заповеди суть “инструкция” к восстановлению и реализации истинной человечности, а не произвольные запреты.

Социальное измерение: подобие реализуется не только индивидуально, но и в общине — Церкви как Теле Христовом: “И вы — тело Христово, а порознь — члены” (1 Кор. 12:27)²⁸. Это онтологическое основание для “общества служения”, в котором нормой являются любовь (агапе), жертвенность, взаимное уважение и ответственность: “Заповедь новую даю вам, да любите друг друга; как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга. По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою” (Ин. 13:34–35)²⁹.

Свобода воли: ключевой механизм и антропологическая карта

Свобода как ответственность: свобода в библейской антропологии — не произвол, а способность выбирать добро, следовать призыванию к Подобию, реализуя свою истинную природу (свт. Григорий Нисский³⁰). Истинная свобода — в единстве с волей Божией: “...и познаете истину, и истина сделает вас свободными” (Ин. 8:32)³¹. Это свобода для исполнения миссии, а не свобода от ограничений.

“Антропологическая карта подобий”

Свобода позволяет человеку выбирать вектор уподобления в своей жизни. Эта “карта” (или “лестница”) подобий служит мощным аналитическим инструментом (рис. 2).

Итак, на самой низшей ступени “лестницы” подобий, предполагается *демоническое подобие* — сознательное отвержение добра, истины, красоты, культ разрушения, гордыни, ненависти, цинизма.

²⁷ Прп. Максим Исповедник. Творения. Кн. I, II. М., 1993. С. 98.

²⁸ Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. С. 1256.

²⁹ Там же. С. 1149.

³⁰ Свт. Григорий Нисский. Об устроении человека. СПб., 1995. С. 210.

³¹ Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М., 2014. С. 1140.

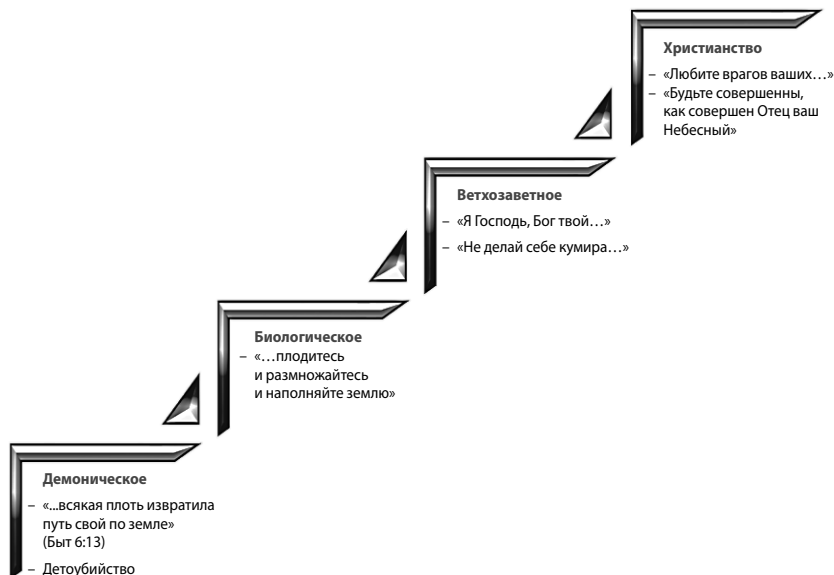

Рис. 2

На второй ступени лестницы — *биологическое подобие* или жизнь, управляемая инстинктами и сиюминутными потребностями без трансцендентной перспективы (гедонизм, потребительство, примитивный эгоизм).

На третьей ступени — *“Ветхозаветное”/естественно-нравственное подобие*, подразумевающее следование закону, справедливости (“око за око”), общепринятой морали, что необходимо для порядка, но недостаточно для святости.

А на высшей ступни лестницы подобий располагается *христианское подобие*, под которым понимается жизнь по Евангелию, стремление к святости, жертвенная любовь (агапе), служение, уподобление Христу (Мф. 5–7)³². Вершина человеческого призвания.

Применение карты позволяет оценивать индивидуальные поступки и жизненные стратегии, идеологии, социальные нормы и политические программы (индивидуализм/соборность и прочее), а также направления технологического развития (технологии порабощения/технологии освобождения для служения и прочее).

³² Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. С. 1015–1019.

3. Синергия познания и миссия человека: от теории к социальной практике

Библейская антропология не только объясняет сущность человека, но и задает рамки для познания мира и определяет “двойную миссию” человека на земле: ответственность за “Внутренний сад” (душа) и “Внешний сад” (творение).

Синергия путей познания: взаимосвязи способов постижения реальности

В этом контексте *Божественное Откровение* (Библия — книга книг) — это не просто источник данных, а “герменевтический ключ” и “аксиологический фундамент”, что задает онтологические и этические рамки для интерпретации данных других источников. Без Библии данные науки и философии фрагментарны и могут вести к опасным заблуждениям (например, социобиологические оправдания насилия и прочее).

Наука (Книга Природы) изучает механизмы и законы “Внешнего сада”. Ее задача — понять, как устроен мир, для мудрого управления им. При этом критерием оценки открытий/технологий будет понимание того, способствуют ли они исполнению человеком его “двойной миссии”, не подрывают ли они достоинство человека (Образ Божий).

Еще один путь познания — *философия*. Она осуществляет критический анализ и синтез данных науки, искусства и Откровения, формулирует этические принципы и политические рекомендации для общества, ориентированного на Подobie. Пример “работы” философии — осмысление свободы как ответственности перед Творцом и ближним.

Теперь обратимся к *искусству*, как еще одному способу познания. Искусство — это язык образа, символа, притчи (“Еще многое имею сказать вам; но вы теперь не можете вместить” (Ин. 16:12)³³) для постижения и передачи невыразимого рационально: экзистенциального опыта, красоты, трагедии греха, надежды спасения. Одно из подтверждений силы искусства как способа познания — антропологическая глубина творчества Ф.М. Достоевского, раскрывающего в “Братьях Карамазовых” драму свободы и призвания к Подобию Божию перед лицом искушений “скотопригоньевска”

³³ Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. С. 1152.

(животного подобию) и бездны демонического подобию³⁴. Искусство вдохновляет на путь к Подобию.

Пример *фигуры синтеза* разных способов познания — архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий), его жизнь и труды как воплощение синергии познания. Его научный подвиг хирурга (“Очерки гнойной хирургии”) неотделим от его веры и служения (“Дух, душа и тело”), а его тезис “Между верой и знанием нет противоречия. Истинная наука не может противоречить истинной вере, ибо обе они исходят от Бога”³⁵ не компромисс, а “методологический принцип”, согласно которому вера задает цель и этику, а наука дает средства и знание законов творения.

***“Двойная миссия” человеческой жизни:
“Внутренний сад” и “Внешний сад”***

Оптинские старцы описывали миссию человеческой жизни как два сада — внешний (материальный) и внутренний (духовный), сравнивая ее с устройением Оптинского скита XIX в., говоря о том, что человеческая жизнь должна быть устроена как Оптинский скит, в котором уходу за внешним лесом уделяется внимание по мере насущной потребности, а за скитским садом внутри скита производится самый тщательный уход, когда полезные растения оберегаются, а сорная трава истребляется при первом появлении (рис. 3).

*“Внутренний сад” — это приоритет духовного возрастания, цель которого — преобразование личности через покаяние (метанойя), стяжание добродетелей, молитву, участие в жизни Церкви, служение ближнему, т.е. формирование характера, способного к жертвенной любви и ответственности. С точки зрения социального аспекта, это создание среды (семья, община, образование и прочее), способствующей духовному росту. Культура и СМИ должны возвышать человека, напоминать о его достоинстве и призвании, а не развращать или оглуплять. Культура потребления и развлечений должны подвергаться критике как препятствие на пути к Подобию. При таком подходе становится очевидно, что **внутренний кризис развития человека, пренебрежение “внутренним садом” (эгоизм, бездуховность, утрата смысла), является первопричиной кризисов “внешнего сада” (экология, экономика, войны).***

³⁴ Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972–1990. Т. 14–15.

³⁵ Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий). Дух, душа и тело. М., 1997. С. 215.

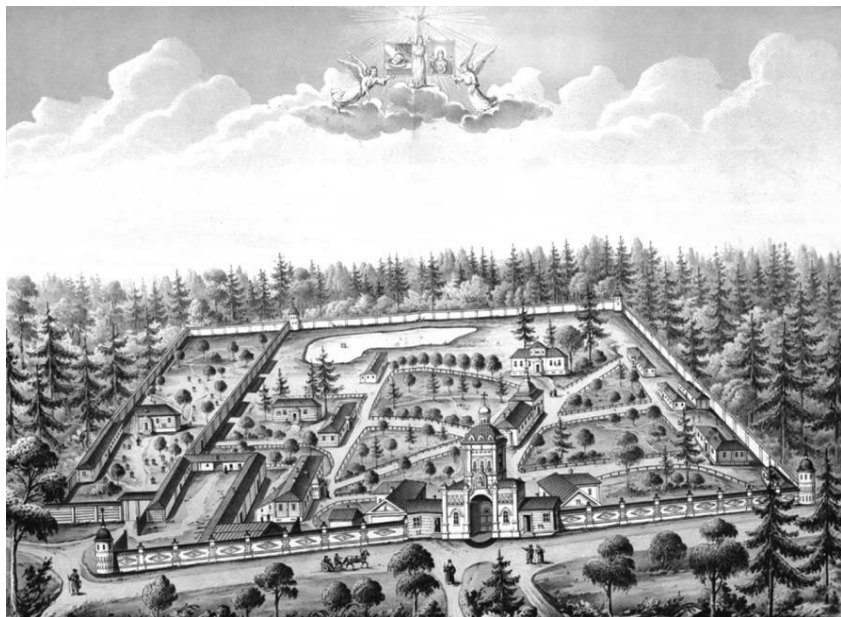

Рис. 3

“Внешний сад” (*ответственное владычество-служение*) — это экология, экономика и технологии, политика и право. Если говорить об *экологии*, то в данном случае “возделывание сада” подразумевает управление природой как “даром” и “доверием”, принципы устойчивого развития, бережливости, заботы о будущих поколениях закономерно вытекают из “владычества” как “служения” (Быт. 1:28; 2:15)³⁶, а экологический кризис при этом будет следствием отказа от этой миссии.

Экономика и технологии в концепции “внешнего сада” понимаются как ориентация на “общее благо”, а не на безудержное потребление. При таком подходе обязательна жесткая этическая экспертиза технологий (биоэтика, ИИ, нейротехнологии и прочего) на основе защиты Образа Божиего, при которой недопустимы манипуляции, ведущие к деградации (аддитивные технологии), разрушению семьи, стиранию грани между человеком и машиной, вмешательствам, подрывающим человеческое достоинство и свободу.

В сфере *политики и права* “возделывание внешнего сада” — это построение общества, защищающего достоинство каждого (от

³⁶ Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. С. 6.

зачатия до естественной смерти), поддерживающего семью как основную ячейку (“малую церковь”), создающего условия для духовного роста и служения. При этом основным принципом становится принцип соборности как синтез личной свободы и общественной ответственности.

4. Императивы для общества и государства: от деклараций к политике

Актуализация библейской антропологии как основы социального строительства требует не риторики, а конкретной государственной политики, которая должна реализовываться в следующем.

Образовательная реформа:

- Систематическое изучение библейской антропологии и духовных основ культуры (как культурно-антропологического фундамента, а не только конфессионального учения) на всех уровнях образования. Ключевыми темами при этом должны быть достоинство человека (Образ Божий), свобода и ответственность, служение, любовь, жертвенность, двойная миссия (“сады”).
- Интеграция богословской и философской антропологии в программы психологии, социологии, политологии, этики, экологии, биоэтики в вузах.

Культура и медиaproстранство:

- Целевая поддержка проектов (кино, театр, литература, музыка, ИЗО), утверждающих человеческое достоинство, показывающих примеры служения, жертвенной любви, ответственности, укрепляющих семью и традиционные ценности.
- Этическое регулирование контента, а именно: противодействие пропаганде насилия, разврата, цинизма, потребительства, всего, что разрушает “внутренний сад” и ведет к деградации подобию.

Социальная политика:

- Комплексная поддержка семьи (материнства, отцовства, многодетности): адекватные финансовые меры, доступное жилье, инфраструктура, защита материнства и детства.
- Поощрение институтов гражданского общества, основанных на принципах служения и взаимопомощи (волонтерство, благотворительность, приходские общины).
- Последовательная защита жизни с момента зачатия, поддержка кризисных беременностей.

Ментальная безопасность и историческая преемственность:

- Защита исторической правды и культурного кода, сформированного на библейских ценностях. Противодействие фальсификациям истории, очернению героев и святых.
- Формирование позитивной национально-цивилизационной идентичности (“Святая Русь” как идеал и ориентир для будущего), основанной на служении, патриотизме, соборности, вере (как писал И.С. Аксаков: “Совлекши с себя образ Божий, человек неминуемо совлечёт... с себя и образ человеческий”³⁷; Ф.М. Достоевский, В.С. Соловьев).
- Признание ключевой роли Русской Православной Церкви и других традиционных конфессий как хранителей духовных основ в формировании нравственного климата общества (при соблюдении светского характера государства).

Заключение

Современный цивилизационный кризис, проявляющийся в антропологическом вакууме, утрате смысла, экологической угрозе и этической растерянности перед лицом технологической мощи, носит не экономический или политический, а именно глубинный духовный и антропологический характер. Его преодоление невозможно без возвращения к абсолютному основанию человеческого бытия, открытому в Божественном Откровении.

Библейская антропология, раскрывающая человека как носителя неизменного Образа Божия и призванного к динамическому Подобию Божию через свободный ответ на благодать, предлагает не просто теорию, а практическую программу спасения и созидания. Она дает:

- 1) *незыблемый фундамент* человеческого достоинства и прав;
- 2) *ясную цель* личной и общественной жизни — путь обожения (theosis) и построение “общества служения”;
- 3) *мощный аналитический инструмент* (“карта подобий”) для оценки явлений и тенденций;
- 4) *принципы синергии* (наука, философия, искусство, плюс Откровение) для целостного познания и ответственного действия;
- 5) *четкое разграничение миссий*: приоритет “внутреннего сада” (духовное возрастание) и ответственность за “внешний сад” (управление творением).

³⁷ Аксаков И.С. Отчего так нелегко живется в России? М., 2002. С. 77.

Исторический опыт России, как и других великих цивилизаций, однозначно свидетельствует: периоды расцвета и устойчивости совпадали с периодами опоры на духовные основы, укорененные в библейском откровении. Отказ от этого “краеугольного камня” (Христос, Истина) ведет к распаду и саморазрушению (“Всякий, кто упадет на тот камень, разобьется” (Лк. 20:18))³⁸. Принятие же библейской антропологии как основы государственной идеологии и социальной практики это не ностальгия, а императив выживания и условие возрождения России как уникальной духовной цивилизации, призванной явить миру альтернативу тупику “общества потребления, путь осмысленной жизни, служения и восхождения к вечности. Это требует сознательных, волевых усилий и консолидации всех здоровых сил общества от каждой личности до высших эшелонов власти. Будущее начинается с ответа на вопрос “Что есть человек?” Библия дает на него исчерпывающий и жизнеутверждающий ответ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аксаков И.С. Отчего так нелегко живется в России? М., 2002.
Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий). Дух, душа и тело. М., 1997.
Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995.
Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М., 2014.
Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972–1990. Т. 14–15.
Зизиулас И., митр. Бытие как общение. М., 2006.
Кассирер Э. Опыт о человеке. Введение в философию человеческой культуры // Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. М., 1998.
Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. СПб., 1998.
Лосский В.Н. Богословское понятие человеческой личности // Богословие и Боговидение. М., 2000.
Маритен Ж. Человек и государство. М., 2000.
Патнэм Р. Чтобы демократия сработала. М., 1996.
Пенроуз Р. Тени разума. В поисках науки о сознании. М., 2005.
Прп. Максим Исповедник. Творения. Кн. I, II. М., 1993.
Свт. Григорий Нисский. Об устройении человека. СПб., 1995.
Свт. Григорий Палама. Триады в защиту священно-безмолвствующих. М., 1995.
Тейлор Ч. Секулярный век. М., 2017.
Хакен Г. Синергетика. М., 1980.
Харари Ю.Н. Homo Deus: краткая история будущего. М., 2018.

³⁸ Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. С. 1117.

REFERENCES

- Aksakov I.S.* Otchego tak nelegko zhivetsja v Rossii? [Why Is Life So Hard in Russia?]. M., 2002 (in Russian).
- Arhiepiskop Luka (Vojno-Jaseneckij).* Duh, dusha i telo [Spirit, Soul, and Body]. M., 1997 (in Russian).
- Bauman Z.* Liquid Modernity. Cambridge, 2000.
- Berger P., Lukman T.* Social'noe konstruirovanie real'nosti [Social Construction of Reality]. M., 1995 (in Russian).
- Biblija.* Knigi Svjashhenogo Pisanija Vethogo i Novogo Zaveta [The Bible. The Books of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments]. M., 2014 (in Russian).
- Bostrom N.* Superintelligence: Paths, Dangers, Strategies. Oxford, 2014.
- Chalmers D.J.* The Conscious Mind: In Search of a Fundamental Theory. Oxford, 1996.
- Churchland P.S.* Neurophilosophy: Toward a Unified Science of the Mind-Brain. Cambridge, MA, 1986.
- Climate Change 2022: Impacts, Adaptation and Vulnerability // IPCC Sixth Assessment Report. URL: <https://www.ipcc.ch/report/ar6/wg2/> (accessed: 17.10.2025).
- Dostoevskij F.M.* Brat'ja Karamazovy [The Brothers Karamazov] // Dostoevskij F.M. Poln. sobr. soch.: V 30 t. L., 1972–1990. T. 14–15 (in Russian).
- Haken G.* Sinergetika. [Synergetics]. M., 1980 (in Russian).
- Harari Ju.N.* Homo Deus: Kratkaja istorija budushhego. [Homo Deus: A Brief History of the Future]. M., 2018 (in Russian).
- Kassirer Je.* Opyt o cheloveke. Vvedenie v filosofiju chelovecheskoj kul'tury [An Essay on Man. Introduction to the Philosophy of Human Culture] // Kassirer Je. Izbrannoe. Opyt o cheloveke. M., 1998 (in Russian).
- Liotar Zh.-F.* Sostojanie postmoderna [The Condition of Postmodernity]. SPb., 1998 (in Russian).
- Losskij V.N.* Bogoslovskoe ponjatie chelovecheskoj lichnosti [The Theological Concept of the Human Person] // Bogoslovie i Bogovidenie. M., 2000 (in Russian).
- Mariten Zh.* Chelovek i gosudarstvo [Man and the State]. M., 2000 (in Russian).
- Patnjem R.* Chtoby demokratija srabotala [Making Democracy Work]. M., 1996 (in Russian).
- Penrouz R.* Teni razuma. V poiskah nauki o soznanii [Shadows of Reason: In Search of a Science of Consciousness]. M., 2005 (in Russian).
- Prp. Maksim Ispovednik.* Tvorenija [Works]. Kn. I, II. M., 1993 (in Russian).
- Svt. Grigorij Nisskij.* Ob ustroenii cheloveka [On the Structure of Man]. SPb., 1995 (in Russian).
- Svt. Grigorij Palama.* Triady v zashhitu svjashhenno-bezmolstvujushhih [Triads in Defense of the Sacredly Silent]. M., 1995 (in Russian).
- Tejlor Ch.* Sekuljarnyj vek [The Secular Age]. M., 2017 (in Russian).
- Wilson E.O.* Sociobiology: The New Synthesis. Cambridge, 1975.
- World Population Prospects 2022 // United Nations, Department of Economic and Social Affairs. URL: https://www.un.org/development/desa/pd/sites/www.un.org.development.desa.pd/files/wpp2022_summary_of_results.pdf (accessed: 17.10.2025).
- Ziziulas I., mitr.* Bytie kak obshhenie [Being as Communication]. M., 2006 (in Russian).

СОЦИОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ

DOI: 10.24290/1029-3736-2026-32-1-186-203

**ОТЕЧЕСТВЕННОЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЕ
В НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТАХ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

А.А. Белов, асп. кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

В статье анализируется содержание и подводятся итоги дискуссии, связанной с проблемой охраны здоровья российских граждан, а также государственного управления механизмами здоровьесбережения населения Российской Федерации. Важнейшей формой такого регулирования являются национальные проекты, которые «делают жизнь людей в нашей стране лучше, охватывают все важнейшие сферы и реализуются во всех без исключения регионах».

Обращаясь к истории национальных проектов в России, Автор отмечает, что национальные проекты России представляют собой масштабные государственные программы, направленные на развитие ключевых сфер жизни общества. Начало реализации Национальных проектов в нашей стране датируется первыми годами нового тысячелетия, когда активно разрабатывались многочисленные концепции, а первым инструментом комплексного решения целевых задач с 2002 г. выступили федеральные целевые программы стратегического развития страны, а с 1 января 2006 г. в России началась реализация четырех национальных проектов. Одним из них был проект «Здоровье», который предусматривал повышение доступности и качества медицинской помощи, подготовку медицинских специалистов, обеспечение дополнительных выплат врачам и медицинскому персоналу, строительство центров высоких медицинских технологий и т.п.

В целом новый формат приоритетного развития в виде национальных проектов доказал свою эффективность — были построены новые школы, детские сады, созданы федеральные научные центры, снизилась смертность и повысилась продолжительность жизни, ипотечное кредитование стало доступным для широких слоев населения, мощный рывок сделало сельское хозяйство. Однако целый ряд показателей, заявленных в различных проектах, и связанные со здоровьем и здравоохранением, пока еще не достигнуты.

С одной стороны, эффективность реализации приоритетных национальных проектов зависит от таких важных факторов как организация управле-

* Белов Антон Александрович, e-mail: pochtabelov@gmail.com

ния, финансирование и информационное обеспечение. С другой стороны, процесс реализации национальных проектов в России неизбежно включает существенные риски. Эти риски автор сводит к четырем взаимосвязанным группам, которые также выделяют многие исследователи.

В первую группу входят риски, связанные с несформированностью, а точнее — с недостаточной координацией различных элементов системы управления национальными и региональными проектами. Вторую группу образуют риски, связанные с неоднозначностью показателей выполнения национальных проектов, регулярностью их мониторинга и методов (методик) оценки. Третья группа рисков связана с финансовым обеспечением национальных проектов. К четвертой группе относятся риски, связанные с нормативным и кадровым обеспечением национальных проектов — длительность формирования нормативной правовой базы, необходимой для эффективной реализации национального проекта.

Ключевые слова: приоритетные национальные проекты, федеральные программы, здравоохранение, средняя продолжительность жизни, традиционные угрозы здоровью, риски реализации проектов.

DOMESTIC HEALTHCARE IN NATIONAL PROJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION: PROBLEMS AND PROSPECTS

Belov Anton A., Postgraduate Student of the Department of Modern Sociology of the Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: pochtabelov@gmail.com

The article analyzes the content and summarizes the discussion related to the problem of protecting the health of Russian citizens, as well as state management of health-saving mechanisms for the population of the Russian Federation. The most important form of such regulation is national projects that “make people’s lives better in our country, cover all important areas and are implemented in all regions without exception”. Turning to the history of national projects in Russia, the author notes that Russia’s national projects are large-scale government programs aimed at developing key areas of society. The beginning of the implementation of National Projects in our country dates back to the first years of the new millennium, when numerous concepts were actively developed, and the first instrument for the integrated solution of target tasks since 2002 was the federal target programs for the strategic development of the country, and since January 1, 2006, the implementation of four national projects began in Russia. One of them was the Health project, which provided for increasing the availability and quality of medical care, training medical specialists, providing additional payments to doctors and medical staff, building high-tech medical technology centers, etc. In general, the new format of priority development in the form of national projects has proved its effectiveness — new schools and kindergartens have been built, federal research centers have been established, mortality has decreased and life expectancy has increased, mortgage lending has become accessible to the general population, agriculture has made a pow-

erful breakthrough. However, a number of indicators announced in various projects related to health and healthcare have not yet been achieved. On the one hand, the effectiveness of the implementation of priority national projects depends on such important factors as the organization of management, financing and information support. On the other hand, the process of implementing national projects in Russia inevitably involves significant risks. The author reduces these risks to four interrelated groups, which are also identified by many researchers. The first group includes risks associated with lack of formation, or rather, with insufficient coordination of various elements of the national and regional project management system. The second group consists of risks associated with the ambiguity of indicators for the implementation of national projects, the regularity of their monitoring and assessment methods. The third group of risks is related to the financial support of national projects. The fourth group includes the risks associated with the regulatory and staffing provision of national projects — the duration of the formation of the regulatory framework necessary for the effective implementation of the national project.

Key words: priority national projects, federal programs, healthcare, average life expectancy, traditional health threats, risks of project implementation.

Одной из важнейших проблем, вокруг которой разворачиваются активные как научные, так и общественные дискуссии, является проблема охраны здоровья российских граждан, а также государственного управления механизмами здоровьесбережения населения Российской Федерации. Важнейшей формой такого регулирования являются национальные проекты, которые “делают жизнь людей в нашей стране лучше, охватывают все важнейшие сферы и реализуются во всех без исключения регионах”¹.

Национальные проекты России представляют собой масштабные государственные программы, направленные на развитие ключевых сфер жизни общества. Это долгосрочные инициативы, реализуемые по поручению Президента России Владимира Путина, которые призваны внести существенные изменения в экономику, социальную сферу и инфраструктуру, а также улучшить качество жизни людей.

Начало реализации Национальных проектов в нашей стране датируется первыми годами нового тысячелетия, когда активно разрабатывались многочисленные концепции, а первым инструментом комплексного решения целевых задач с 2002 г. выступили федеральные целевые программы стратегического развития страны.

Ключевой датой в данном отношении считают 5 сентября 2005 г., когда Президент Российской Федерации В.В. Путин на расширенном совещании с членами Правительства, руководством

¹ Национальные проекты. URL: <https://vk.com/nationalprojectsru> (дата обращения: 10.10.2025).

Федерального собрания и членами президиума Госсовета объявил о начале реализации в России приоритетных национальных проектов (ПНП). Их цель заключалась в концентрации бюджетных и административных ресурсов по главным направлениям социально-экономического развития РФ, что должно было привести к повышению качества жизни граждан. В числе приоритетных направлений “инвестиций в человека” он выделил: здравоохранение, образование, жилье, сельское хозяйство. Базой для разработки ПНП стали итоги Всероссийской переписи населения 2002 года, которые подтвердили значительное изменение социально-экономического положения России в межпереписной период при переходе от плановой к рыночной экономике.

21 октября 2005 г. для разработки мер, направленных на реализацию национальных проектов был образован Совет при Президенте РФ по реализации национальных проектов и демографической политике, в последующие годы — Совет при Президенте РФ по стратегическому развитию и приоритетным проектам, а с 1 января 2006 г. в России началась реализация четырех национальных проектов “Развитие агропромышленного комплекса”, “Доступное и комфортное жилье гражданам России”, “Образование” и “Здоровье”.

Проект “Здоровье” предусматривал повышение доступности и качества медицинской помощи, подготовку медицинских специалистов, обеспечение дополнительных выплат врачам и медицинскому персоналу, строительство центров высоких медицинских технологий и т.п. В 2006 г. на осуществление этих целей из государственного бюджета было выделено 62,6 млрд рублей, а всего в 2006–2010 гг. в рамках реализации проекта “Здоровье” было потрачено 607 млрд рублей.

В целом новый формат приоритетного развития в виде национальных проектов доказал свою эффективность — были построены новые школы, детские сады, созданы федеральные научные центры, снизилась смертность и повысилась продолжительность жизни, ипотечное кредитование стало доступным для широких слоев населения, мощный рывок сделало сельское хозяйство.

Следующий этап развития страны стартовал 7 мая 2018 г., когда в целях развития территорий страны в социальной и экономической сферах, приведения к норме показателей демографии, улучшения качества жизни населения, создания комфортных условий для граждан Президент Российской Федерации В.В. Путин подписал Указ от 7 мая 2018 г. № 204 “О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до

2024 года”². Официально программу нацпроектов запустили в 2019 г. на срок до 2024-го, в июле 2020 было принято решение отложить достижение ряда показателей до 2030 г. и скорректировать программу с учетом изменившихся обстоятельств³.

Финансирование реализации нацпроектов выполняется за счет разных источников: федерального, регионального, местного бюджета и привлеченных внебюджетных средств. На территории России одновременно стартовали двенадцать национальных проектов: безопасные качественные дороги, демография, жилье и городская среда, здравоохранение, культура, малое и среднее предпринимательство, международная кооперация и экспорт, образование, производительность труда и поддержка занятости, цифровая экономика, экология и другие. Проекты взаимосвязаны и предполагают параллельное и синхронное исполнение для комплексного развития территории государства. Вместе с тем, полученные в ходе реализации проектов результаты свидетельствуют о наличии ряда проблем, без решения которых сложно достичь поставленных целей⁴.

Современные российские исследователи достаточно много внимания уделяют анализу роли и места национальных проектов в системе стратегического управления современной России. Так, в коллективной монографии “Национальные проекты России: особенности, эффективность реализации” нашли отражение результаты анализа основных положений, ключевых особенностей, эффективности и рисков реализации нацпроектов в условиях обострения геополитической турбулентности. При этом выводы ученых базируются на результатах анализа не только данных официальной статистики федерального и регионального уровней, отчетности профильных министерств и ведомств, но и мнений ведущих экспертов из научной сферы, государственного управления, общественности относительно “узких” мест и основных рисков реализации нацпроектов⁵.

² О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года (с изменениями и дополнениями): Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 // Собрание законодательства Российской Федерации от 14 мая 2018 г. № 20 ст. 2817.

³ О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года. Указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 // Российская газета. 2020. 22 июля. № 159.

⁴ См., например: *Стрижкина В.Н.* Национальные проекты // Современный научный поиск: социально-гуманитарные аспекты. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_36620907_98697793.pdf (дата обращения: 07.08.2022).

⁵ Национальные проекты России: особенности, эффективность реализации: Монография / Под науч. рук. В.А. Ильина, А.А. Шабуновой, Т.В. Усковой. Вологда, 2024.

В то же время найти подробные официальные отчетные материалы о реализации подобных проектов достаточно сложно. Так, на сайте Совета при президенте Российской Федерации по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике ранее был расположен архив документов по реализации национальных проектов. Оперативная информация на сайте (новости, стенограммы и пр.) перестала обновляться уже в мае 2009 г.

Так, Национальный проект “Здравоохранение” (2019–2024 гг.) включал следующие инициативы: больницы и поликлиники с современным оборудованием, онлайн сервисы для врачей и пациентов, фельдшерско-акушерские пункты и санитарную авиацию для отдельных регионов, особое внимание сердечно-сосудистым и онкологическим заболеваниям. В целом он был направлен на сохранение жизни и здоровья российских граждан, на повышение качества и доступности медицинской помощи. Реализация мероприятий данного нацпроекта позволила снизить на 6,8% младенческую смертность — до 4,1% промилле, завершить строительство и ввод в эксплуатацию 818 объектов первичного звена, 8 онкологических больниц, 15 детских больниц, создать 497 центров амбулаторной онкологической помощи и 3589 фельдшерско-акушерских пунктов. В рамках этого проекта было закуплено и введено 1617 передвижных медицинских комплексов, 14282 автомобиля, выполнено свыше 6,1 миллиона высокотехнологичных операций и эвакуировано для оказания медицинской помощи более 72 тысяч человек⁶. Но главное, и это подчеркнула заместитель председателя правительства Т.А. Голикова на совещании с регионами о ходе реализации Национального проекта “Здравоохранение”, “не количественные, а качественные показатели, ведь все меры направлены на то, чтобы наши граждане получали высококвалифицированную и своевременную медицинскую помощь”⁷.

Однако последняя опубликованная форма подробной отчетности по итогам реализации национального проекта “Здравоохранение” датирована первым кварталом 2022 г., можно увидеть лишь итоговые обобщения, сопровождаемые ссылкой на заявления Министра здравоохранения Российской Федерации М.А. Мурашко.

Кроме того, в отношении профилактики роста заболеваемости как среди населения, так и среди его молодых групп, особенно не-

⁶ Здравоохранение. URL: <https://xn--80aapampemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/projects/zdravookhranenie/> (дата обращения: 20.10.2025).

⁷ Татьяна Голикова обсудила с регионами ход реализации проекта “Здравоохранение” // <http://government.ru/news/50053/> (дата обращения: 10.10.2024).

инфекционных заболеваний, служащих основной причиной смертности, к которым относят сердечно-сосудистые, онкологические, хронические и бронхолегочные заболевания, а также сахарный диабет, и которые приводят к увеличению числа потерянных лет потенциальной жизни⁸, до последнего времени сведений о результатах выполнения официальных программных документов общенационального уровня принято не было.

Так, 26 июля 2017 г. был утвержден паспорт проекта “Формирование здорового образа жизни”⁹, ключевой целью которого являлось увеличение доли граждан, приверженных здоровому образу жизни до 50% к 2020 г. и до 60% к 2025 г. К сожалению, о реальных показателях выполнения этого проекта подробную информацию также найти практически невозможно, есть только сравнительный анализ официальных данных с данными, полученными ВЦИОМ. По данным ВЦИОМ всегда придерживаются здорового образа жизни 53% населения России, при этом доля граждан, придерживающихся здорового образа жизни среди лиц мужского пола на 10% меньше, чем среди лиц женского пола (48 и 58% соответственно). Также интересны данные о сторонниках здорового образа жизни среди различных поколений. Более всего таковых отмечается среди представителей “поколения оттепели”, родившихся до 1947 г. и “поколения застоя” (1948–1967 г.г.) — 66 и 61% соответственно. Наименьшие показатели в отношении сторонников ЗОЖ у “старших миллениалов” (1982–1991 г.г.) — 44% и “младших миллениалов” ((1992–2000 г.г.) — 51%¹⁰.

Следует отметить, что в рамках данного проекта также предполагались создание и поддержка интернет-портала по вопросам выявления и лечения онкологических заболеваний, на которых должна быть размещена информация о медицинских организациях, оказывающих получение онкологической помощи. Несмотря на то, что такой портал был создан (www.onko-life.ru), выяснилось, что его реальная посещаемость оказалась в 4 раза меньше показателя, запланированного в проекте (1,1 тыс. посещений в сутки вместо 5 тыс. пользователей). Статистика посещаемости портала Министерства

⁸ Бойцов С.А., Деев А.Д., Шальнова С.А. Смертность и факторы риска развития неинфекционных заболеваний в России: особенности, динамика и прогноз // Терапевтический архив. 2017. № 1. С. 7.

⁹ Паспорт приоритетного проекта “Формирование здорового образа”. URL: <http://government.ru/projects/selection/641/> (дата обращения: 10.11.2025).

¹⁰ Осипова Н.Г., Лядова А.В., Белов А.А. Здоровье современной российской молодёжи в электронно-цифровую эпоху глазами профессионального сообщества и в государственных программных документах. М., 2024. С. 34.

здравоохранения России “о здоровье” также не впечатляет — всего 3,6 тыс. просмотров в день¹¹.

Сегодня очевидна активная законотворческая деятельность правительства России в области охраны здоровья населения и особенно молодого поколения, что регулируется достаточным количеством Федеральных законов и Государственной программой Российской Федерации “Развитие здравоохранения”¹² и другими документами¹³. Среди проектов, направленных на сохранение здоровья граждан, необходимо упомянуть Федеральный проект “Формирование системы мотивации граждан к ЗОЖ, включая здоровое питание и отказ от вредных привычек”¹⁴.

С одной стороны, в настоящее время в рамках этого проекта консультации по данным вопросам можно получить в более 750 центрах здоровья для взрослых и детей, которые функционируют на базе поликлиник. В 2023 г. в 85 регионах России внедрены 5617 корпоративных программ, содержащих наилучшие практики по укреплению здоровья граждан. Например, модельные программы для предприятий, предполагающие пересмотр меню столовых и буфетов, исключение из продажи вредных продуктов и напитков, обеспечение доступа к свежим фруктам и закускам. С другой стороны, официальные данные о количестве лиц трудоспособного населения, сохраняющих пристрастие к алкоголю и табакокурению, не свидетельствуют об улучшении ситуации в данной области. Так, хотя “россияне стали меньше пить”, — доля непьющих за последние 20 лет выросла вдвое, — за пределами объяснений остается тот факт, что за последний год количество питейных заведений в России возросло почти на четверть, так как открылось множество новых пабов, баров и рюмочных. Основным мотивом злоупотребления спиртными напитками россиянам по-прежнему видится желание снять стресс и напряжение (по 38% в 2024 г. и 2004 г.). Более четверти опрошенных причиной своей пагубной привычки считают

¹¹ Там же. С. 35.

¹² Государственная программа Российской Федерации “Развитие здравоохранения”. Утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 26 декабря 2017 года № 1640 (в редакции, введенной в действие с 1 января 2023 года постановлением Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2022 года № 2161. URL: <https://docs.cntd.ru/document/556183184> (дата обращения: 15.05.2023).

¹³ *О Стратегии развития здравоохранения в Российской Федерации на период до 2025 года. Указ Президента РФ от 6 июня 2019 г. № 254.*

¹⁴ Паспорт Федерального проекта “Формирование системы мотивации граждан к ЗОЖ, включая здоровое питание и отказ от вредных привычек”. URL: <https://docs.cntd.ru/document/564412400> (дата обращения: 15.05.2025).

отсутствие силы воли (27%, 2004 г. — 29%), а каждый пятый говорит о потребности людей “залить” горе, беду (20%, 2004 г. — 17%)¹⁵.

Среди перспективных проектов следует назвать проекты “Молодежь России” и “Семья”, большой блок в котором планируется отвести поддержке репродуктивного здоровья будущих родителей, профилактике заболеваний с самого раннего возраста.

Так, исследователи отмечают, что за последние десятилетия возросло количество беременностей среди женщин с врожденными пороками сердца и их число будет увеличиваться в дальнейшем¹⁶. Достаточно часто нарушения кардиогенеза иногда связаны с наследственностью, но порой факторами риска выступает образ жизни беременной женщины и внешние факторы. Среди наиболее распространенных причин: употребление алкоголя и наркотических средств, а также прием лекарств на ранних сроках беременности, инфекции во время беременности, отравление ядохимикатами и др. С целью установить влияние образа жизни и вредных привычек, а также ряда других факторов, связанных со здоровьем будущей матери, на развитие плода авторами было проведено анкетирование пациенток Перинатального центра НЦССХ им. А.Н. Бакулева.

Результаты этого исследования показали, что состояние своего здоровья до беременности как “хорошее” оценивают примерно треть (32,6%) пациенток, половина (50,0%) признала его удовлетворительным, а примерно каждая пятая (17,4%) — плохим. Две трети пациенток вели нездоровый или совсем не здоровый образ жизни. Более двух третей опрошенных (68,9%) утвердительно ответили на вопрос “Были ли у Вас вредные привычки до беременности?”. В числе вредных привычек опрошенные чаще всего называли курение (42,2% ответов), “частое употребление фастфуда” (31,1%), несоблюдение режима сна (33,3%). злоупотребление алкоголем не редкость среди 17,8% опрошенных, притом значительная часть из них отметила еще и указала на позицию “злоупотребление лекарственными средствами”. Практически каждая седьмая из опрошенных злоупотребляла употреблением наркотических препаратов (6,7%)¹⁷.

¹⁵ См. подробнее: Белов А.А. Традиционные угрозы здоровью российских граждан: пьянство и алкоголизм // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2025. № 3. С. 128–146.

¹⁶ Bottega N., Malhamé I., Guo L. et al. Secular trends in pregnancy rates, delivery outcomes, and related health care utilization among women with congenital heart disease // *Congenital Heart Disease* 2019. N 14. P. 735–744.

¹⁷ Осипова Н.Г., Семина Т.В., Гасанова Р.М. Репродуктивное здоровье женщин и врожденные пороки развития: социологический анализ // Бюллетень НЦССХ им. А.Н. Бакулева РАМН. Сердечно-сосудистые заболевания, издательство Феде-

В 2025 г. стартовал Национальный проект “Продолжительная и активная жизнь”¹⁸, который связан с развитием федеральных медицинских организаций, которые не только лечат пациентов, но и активно продвигают научные специально исследования. Этот проект включает одиннадцать федеральных проектов (ядерная медицина, гериатрия, телемедицина, кадры, оснащение, охват медпомощью населения, отбор лучших практик активного долголетия и др.), четыре из которых нацелены на улучшение помощи людям с серьезными недугами — онкологическими заболеваниями, сахарным диабетом, гепатитом С и сердечно-сосудистыми патологиями.

На наш взгляд, внедрение цифровых технологий, предусмотренное данным проектом, поможет обеспечить более персонализированный подход к каждому пациенту, своевременно получать обратную связь от людей и на основе их мнения совершенствовать всю систему здравоохранения. В реализацию этого проекта планируется вложить более триллиона рублей, направленных на достижение приоритетной национальной цели развития “сохранение населения, здоровье и благополучие людей”, одной из задач которой является ожидаемая средняя продолжительность жизни, которая должна вырасти к 2030 г. до 78 лет и превысить 80 лет в 2036 г., в том числе за счет опережения взятых темпов снижения смертности, повышения удовлетворенности граждан и доверия к системе здравоохранения¹⁹.

В основе этого проекта лежит концепция политики активного долголетия, которая реализуется в три этапа до 2034 г., а сам проект стал ответом на глобальный вызов — изменение социально-экономического ландшафта из-за роста доли стареющего населения во многих странах мира. Этот проект учитывает влияние на здоровье людей старшего поколения двух факторов — 1) доступности и качества медицинской и социальной помощи; 2) образа жизни человека в течение всей предыдущей жизни, что актуализирует проблему здоровьесбережения именно в молодежной среде.

К сожалению, в области управления оздоровлением молодежи в ходе исследований учеными установлено, что молодежь часто возлагает ответственность за здоровый образ жизни на государство.

ральное государственное бюджетное учреждение “Национальный медицинский исследовательский центр сердечно-сосудистой хирургии имени А.Н. Бакулева” Министерства здравоохранения Российской Федерации. 2025. Т 26. № 1. С. 19–30.

¹⁸ Национальный проект “Продолжительная и активная жизнь”. URL: <http://government.ru/rugovclassifier/917/about/> (дата обращения: 06.10.2025).

¹⁹ Там же.

Так, молодые люди склонны обвинять государство в том, что для них не созданы условия для здорового образа жизни в контексте спорта (40%) и правильного питания (30%), лишь 5% опрошенных указывают, что препятствием к ведению здорового образа жизни является их собственная неорганизованность²⁰. Результаты ряда опросов указывают на то, что “здоровье и здоровый образ жизни не находятся в списке приоритетов современной молодежи, которая характеризуется низким уровнем здоровья, тяготеет к нездоровому образу жизни, включающему низкую физическую активность и вредные привычки”²¹.

Основой нездорового поведения, по утверждению специалистов, является так называемый “нереалистичный оптимизм”: человеку сложно оценить реальные угрозы здоровью в силу отсутствия опыта, молодого возраста и многих других ситуативных причин; в целом люди склонны переоценивать возможности и потенциал своего организма²². Однако забота о здоровье является как элементом культуры и социальных норм, принятых в обществе, так и личностных сознательных устремлений²³.

Во многом именно по этой причине целый ряд показателей, заявленных в различных проектах, и связанные со здоровьем и здравоохранением, пока еще не достигнуты. Как отмечают ученые, эффективность реализации приоритетных национальных проектов зависит от таких важных факторов как организация управления, финансирование и информационное обеспечение.

Во-первых, система управления национальными проектами должна включать достижения необходимого взаимодействия разных уровней государственной власти и органов местного самоуправления, постоянный мониторинг их работы, а также обеспечение взаимодействия государства, общества и бизнеса, привлекаемого в рамках государственно-частного партнерства.

Во-вторых, положительный результат от реализации национальных приоритетных проектов возможен только при разработке организационно-экономического механизма, способствующего повышению статуса местных бюджетов в плане распределения финан-

²⁰ Маркова Н.В., Рютин С.Г. Здоровье студенческой молодёжи: современные тенденции // Современные наукоемкие технологии. 2020. № 3. С. 168–172. URL: <https://top-technologies.ru/ru/article/view?id=37961> (дата обращения: 06.04.2024).

²¹ Там же.

²² Здоровье — высшая ценность. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zdorove-vysschaya-czennost> (дата обращения: 06.07.2024).

²³ Лебедева Н.М., Чирков В.И., Татарко А.Н. Культура и отношение к здоровью: Россия, Канада, Китай. М., 2007. С. 145–161.

совых средств, обеспечивающего прозрачность и эффективность расходования бюджета.

В-третьих, важнейшей частью процесса реализации национального проекта является информационная поддержка, что требует для своего формирования и поддержания значительных усилий и ресурсов на всех стадиях проекта²⁴.

В то же время, нельзя не отметить тот факт, что процесс реализации национальных проектов в России неизбежно включает существенные риски. На наш взгляд, эти риски можно свести к следующим взаимосвязанным группам, которые выделяют многие исследователи²⁵.

В первую группу входят риски, связанные с несформированностью, а точнее — с недостаточной координацией различных элементов системы управления национальными и региональными проектами. Так, отсутствует регламент взаимодействия руководителей национальных проектов с субъектами Российской Федерации; нет единой методологии и формата подготовки региональных проектов; не определены зоны ответственности субъектов Российской Федерации (например, по проектам “Наука”, “Международная кооперация и экспорт”); частично детализировано финансовое обеспечение реализации национальных проектов в разрезе конкретных субъектов Российской Федерации и мероприятий, которые они должны реализовать. Кроме того, отсутствуют методики оценки эффектов от реализации мероприятий, что препятствует разработке критериев отбора мероприятий федеральных проектов и их ранжированию по степени эффективности и влияния на достижение национальных целей.

Вторую группу образуют риски, связанные с неоднозначностью показателей выполнения национальных проектов, регулярностью их мониторинга и методов (методик) оценки. В частности, отсут-

²⁴ Ильченко С.В. Национальные проекты России и риски их реализации // Бизнес и дизайн ревю. 2021. № 2(22).

²⁵ Бедняков А.С., Миэринь Л.А. Национальные проекты России: проблемы и решения // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2019. № 4. С. 20–25; Бухвальд Е.М. Национальные проекты в системе стратегического планирования в Российской Федерации // Теория и практика общественного развития. 2019. № 2. С. 50–54; Гуртуева Ф.А. Анализ проблем реализации государственных программ в Российской Федерации // Экономика и бизнес: теория и практика. 2017. № 5. С. 86–90; Дынник Д.И. Национальные проекты: основные положения и проблемы в управлении // Правовестник. 2018. № 6. С. 11–13; Изгияева М.Д. Государственное управление приоритетными национальными проектами // Вестник Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова. 2017. № 1. С. 23–30; Тулякова И.В. Оценка эффективности государственных программ: проблемы и перспективы // Финконтроль. 2017. № 4. С. 25–28.

ствует состав показателей, мониторинг которых должен осуществляться на региональном уровне, значения показателей, которые установлены, в том числе с учетом региональных особенностей. Кроме того, отсутствуют методики расчетов и исторические ряды данных по многим показателям, что не позволяет оценить, как возможность достижения целевого значения, так и достаточность предусмотренного финансирования. Так же как и отсутствует полное распределение объемов федерального финансирования субъектов Российской Федерации со стороны Российской Федерации в разрезе федеральных проектов²⁶.

Третья группа рисков связана с финансовым обеспечением национальных проектов. Это и существенные финансовые риски реализации национальных проектов для регионов, связанных с задержками предоставления бюджетного финансирования и, как следствие, срыва предусмотренных сроков реализации, а также единообразный подход ко всем регионам, без учета имеющейся в них инфраструктуры, при установлении целевых показателей и распределении средств из федерального бюджета. Кроме того, имеет место неопределенность в части механизмов привлечения и контроля внебюджетных источников финансирования.

К четвертой группе следует отнести риски, связанные с нормативным и кадровым обеспечением национальных проектов, — длительность формирования нормативной правовой базы, необходимой для эффективной реализации национального проекта: громоздкую систему отчетности, которая не позволяет принимать эффективные управленческие решения непосредственно в ходе реализации проектов, а также дефицит высококвалифицированных кадров в системе здравоохранения, дошкольного образования, спорта, социальной защиты населения, строительных специальностей в отдельных регионах на фоне оттока трудоспособного населения в другие регионы и крупные города, что становится критичным для реализации отдельных национальных проектов.

Действительно, многие проблемы реализации национальных проектов тесно связаны с неподготовленностью управленческих кадров всех уровней к работе над проектами, имеющих огромное социальное значение в условиях ограниченного бюджета и времени. При этом у них отсутствует культура проектного управления, а в стране не создана атмосфера нетерпимости к управленческой

²⁶ Положихина М.А. Организация управления национальными проектами // Экономические и социальные проблемы России. 2018. № 2. С. 13.

безграмотности непосредственных исполнителей, в том числе руководителей²⁷.

Таким образом, с одной стороны, национальные проекты — это инструмент реализации целей национального развития, имеющих приоритетное значение на определенном этапе развития государства и требующих для своего решения значительных ресурсов, предполагающих четко обозначенный конечный результат. С другой стороны, заявленные стратегические цели приоритетных национальных проектов, связанные с повышением эффективности работы в сферах образования, здравоохранения, агропромышленного, жилищного комплекса, с появлением доступного жилья, снижением смертности, повышением рождаемости и др., достигнуты не в полном объеме. Периодически корректируются дорожные карты данных проектов, за счет снижения плановых показателей и продления сроков реализации²⁸, или признания их “утратившими силу”²⁹.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бедняков А.С., Мизринь Л.А. Национальные проекты России: проблемы и решения // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2019. № 4. С. 20–25.

Белов А.А. Традиционные угрозы здоровью российских граждан: пьянство и алкоголизм // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2025. № 3. С. 128–146.

Бойцов С.А., Деев А.Д., Шальнова С.А. Смертность и факторы риска развития неинфекционных заболеваний в России: особенности, динамика и прогноз // Терапевтический архив. 2017. № 1.

Бухвальд Е.М. Национальные проекты в системе стратегического планирования в Российской Федерации // Теория и практика общественного развития. 2019. № 2. С. 50–54.

Государственная программа Российской Федерации “Развитие здравоохранения”. Утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 26 декабря 2017 года № 1640 (в редакции, введенной в действие с 1 января

²⁷ Ежов Д.А. Потенциальные риски реализации национальных проектов 2019–2024 и пути их нейтрализации // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2020. Т. 9. № 3(32). С. 41.

²⁸ Изгияева М.Д. Государственное управление приоритетными национальными проектами // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. 2020. № 6 (20). С. 25.

²⁹ О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 20. URL: <http://www.kremlin.ru/> (утратил силу — Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474); О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента РФ от 21.07.2020 № 474. URL: <http://www.kremlin.ru/> (утратил силу с 7 мая 2024 года в связи с изданием Указа Президента РФ от 07.05.2024 № 309).

2023 года постановлением Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2022 года № 2161. URL: <https://docs.cntd.ru/document/556183184> (дата обращения: 15.05.2023).

Гуртуева Ф.А. Анализ проблем реализации государственных программ в Российской Федерации // Экономика и бизнес: теория и практика. 2017. № 5. С. 86–90.

Дынник Д.И. Национальные проекты: основные положения и проблемы в управлении // Правовестник. 2018. № 6. С. 11–13.

Ежов Д.А. Потенциальные риски реализации национальных проектов 2019–2024 и пути их нейтрализации // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2020. Т. 9. № 3(32).

Здоровье — высшая ценность. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zdorove-vysshaya-czennost> (дата обращения: 06.07.2024).

Здравоохранение. URL: <https://xn--80aapampemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/projects/zdravookhranenie/> (дата обращения: 20.10.2025).

Изгияева М.Д. Государственное управление приоритетными национальными проектами // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. 2017. № 1. С. 23–30.

Изгияева М.Д. Государственное управление приоритетными национальными проектами // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. 2020. № 6 (20).

Ильченко С.В. Национальные проекты России и риски их реализации // Бизнес и дизайн ревю. 2021. № 2(22).

Лебедева Н.М., Чирков В.И., Татарко А.Н. Культура и отношение к здоровью: Россия, Канада, Китай. М., 2007.

Маркова Н.В., Рютин С.Г. Здоровье студенческой молодежи: современные тенденции // Современные наукоемкие технологии. 2020. № 3. С. 168–172.

Национальные проекты. URL: <https://vk.com/nationalprojectsru> (дата обращения: 10.10.2025).

Национальные проекты России: особенности, эффективность реализации: монография / Под науч. рук. В.А. Ильина, А.А. Шабуневой, Т.В. Усковой. Вологда, 2024.

Национальный проект “Продолжительная и активная жизнь”. URL: <http://government.ru/rugovclassifier/917/about/> (дата обращения: 06.10.2025).

О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года (с изменениями и дополнениями). Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 // Собрание законодательства Российской Федерации от 14 мая 2018 г. № 20 ст. 2817.

О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года. Указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 // Российская газета. 22 июля 2020 г. № 159.

О Стратегии развития здравоохранения в Российской Федерации на период до 2025 года // Указ Президента РФ от 6 июня 2019 г. № 254.

Осипова Н.Г., Лядова А.В., Белов А.А. Здоровье современной российской молодежи в электронно-цифровую эпоху глазами профессионального сообщества и в государственных программных документах. М., 2024.

Осипова Н.Г., Семина Т.В., Гасанова Р.М. Репродуктивное здоровье женщин и врожденные пороки развития: социологический анализ // Бюллетень НЦССХ им. А.Н. Бакулева РАМН. Сердечно-сосудистые заболевания, изда-

тельство Федеральное государственное бюджетное учреждение “Национальный медицинский исследовательский центр сердечно-сосудистой хирургии имени А.Н. Бакулева” Министерства здравоохранения Российской Федерации. 2025. Т. 26. № 1. С. 19 — 30.

Паспорт приоритетного проекта “Формирование здорового образа”. URL: <http://government.ru/projects/selection/641/> (дата обращения: 10.11.2025).

Паспорт Федерального проекта “Формирование системы мотивации граждан к ЗОЖ, включая здоровое питание и отказ от вредных привычек”. URL: <https://docs.cntd.ru/document/564412400> (дата обращения: 15.05.2025).

Положихина М.А. Организация управления национальными проектами // Экономические и социальные проблемы России. 2018. № 2.

Стрижжина В.Н. Национальные проекты // Современный научный поиск: социально-гуманитарные аспекты. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_36620907_98697793.pdf (дата обращения: 07.08.2022).

Тулякова И.В. Оценка эффективности государственных программ: проблемы и перспективы // Финконтроль. 2017. № 4. С. 25–28.

REFERENCES

Bednyakov A.S., Mierin' L.A. Nacional'nye proekty Rossii: problemy i resheniya [Russia's National Projects: Problems and Solutions] // Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta. 2019. N 4. S. 20–25 (in Russian).

Belov A.A. Tradicionnye ugrozy zdorov'yu rossijskikh grazhdan: p'yanstvo i alkoholizm [Traditional Threats to the Health of Russian Citizens: Drunkenness and Alcoholism] // Vestnik moskovskogo universiteta: seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2025. N 3. S. 128–146 (in Russian).

Bojcov S.A., Deev A.D., Shaľnova S.A. Smertnost' i faktory riska razvitiya neinfekcionnyh zabolevanij v Rossii: osobennosti, dinamika i prognoz [Mortality and Risk Factors for the Development of Non-Communicable Diseases in Russia: Features, Dynamics, and Forecast] // Terapevticheskij arhiv. 2017. N 1. S. 7 (in Russian).

Bottega N., Malhamé I., Guo L. et al. Secular trends in pregnancy rates, delivery outcomes, and related health care utilization among women with congenital heart disease // Congenital Heart Disease 2019. N 14. P. 735–744.

Buhval'd E.M. Nacional'nye proekty v sisteme strategicheskogo planirovaniya v Rossijskoj Federacii [National Projects in the System of Strategic Planning in the Russian Federation] // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2019. N 2. S. 50–54 (in Russian).

Dynnik D.I. Nacional'nye proekty: osnovnye polozheniya i problemy v upravlenii [National Projects: Key Provisions and Management Challenges] // Pravovednik. 2018. N 6. S. 11–13 (in Russian).

Ezhov D.A. Potencial'nye riski realizacii nacional'nyh projektov 2019–2024 i puti ih nejtralizacii [Potential Risks in the Implementation of National Projects 2019–2024 and Ways to Neutralize Them] // Azimut nauchnyh issledovanij: ekonomika i upravlenie. 2020. T. 9. N 3 (32) (in Russian).

Gosudarstvennaya programma Rossijskoj Federacii “Razvitie zdavoohraneniya” [State Program of the Russian Federation “Healthcare Development”] // Utverzhdena postanovleniem Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 26 dekabrya 2017 goda N 1640 (v redakcii, vvedennoj v dejstvie s 1 yanvarya 2023 goda postanovleniem

Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 29 noyabrya 2022 goda N 2161. URL: <https://docs.cntd.ru/document/556183184> (data obrashcheniya: 15.05.2023) (in Russian).

Gurtueva F.A. Analiz problem realizacii gosudarstvennyh programm v Rossijskoj Federacii [Analysis of the Problems of Implementing State Programs in the Russian Federation] // *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika*. 2017. N 5. S. 86–90 (in Russian).

Ilchenko S.V. Nacional'nye proekty Rossii i riski ih realizacii [Russia's National Projects and the Risks of Their Implementation] // *Biznes i dizajn revyu*. 2021. N 2 (22) (in Russian).

Izgiyaeva M.D. Gosudarstvennoe upravlenie prioritetnymi nacional'nymi proektami [Public Administration of Priority National Projects] // *Vestnik Rossijskogo ekonomicheskogo universiteta im. G.V. Plekhanova*. 2017. N 1. S. 23–30 (in Russian).

Izgiyaeva M.D. Gosudarstvennoe upravlenie prioritetnymi nacional'nymi proektami [State management of priority national projects] // *Vestnik Rossijskogo ekonomicheskogo universiteta im. G.V. Plekhanova*. 2020. N 6 (20) (in Russian).

Lebedeva N.M., Chirkov V.I., Tatarko A.N. Kul'tura i otnoshenie k zdorov'yu: Rossiya, Kanada, Kitaj [Culture and Attitudes Toward Health: Russia, Canada, China]. M., 2007 (in Russian).

Markova N.V., Ryutin S.G. Zdorov'e studencheskoj molodyozhi: sovremennye tendencii [Student Health: Current Trends in Modern Science-Intensive Technologies] // *Sovremennye naukoemkie tekhnologii*. 2020. N 3. S. 168–172 (in Russian).

Nacional'nye proekty [National Projects]. URL: <https://vk.com/nationalprojectsru> (data obrashcheniya: 10.10.2025) (in Russian).

Nacional'nye proekty Rossii: osobennosti, effektivnost' realizacii: monografiya [National Projects of Russia: Features and Implementation Effectiveness: Monograph] / Pod nauch. rukovod. V.A. Il'ina, A.A. SHabunovoj, T.V. Uskovoij. Vologda, 2024 (in Russian).

Nacional'nyj projekt "Prodolzhitel'naya i aktivnaya zhizn'" [National Project "Long and Active Life"]. URL: <http://government.ru/rugovclassifier/917/about/> (data obrashcheniya: 06.10.2025) (in Russian).

O nacional'nyh celyah i strategicheskikh zadachah razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2024 goda (s izmeneniyami i dopolneniyami): Ukaz Prezidenta RF ot 7 maya 2018 g. N 204 [On the National Goals and Strategic Objectives of the Development of the Russian Federation through 2024 (with amendments and additions): Decree of the President of the Russian Federation of May 7, 2018 N 204] // *Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii ot 14 maya 2018 g.* N 20 st. 2817 (in Russian).

O nacional'nyh celyah razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda. Ukaz Prezidenta RF ot 21 iyulya 2020 g. N 474 // *Rossijskaya gazeta*. 2020. 22 iyulya. N 159 (in Russian).

O Strategii razvitiya zdavoohraneniya v Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda [On the Strategy for the Development of Healthcare in the Russian Federation through 2025] // Ukaz Prezidenta RF ot 6 iyunya 2019 g. N 254 (in Russian).

Osipova N.G., Lyadova A.V., Belov A.A. Zdorov'e sovremennoj rossijskoj molodyozhi v elektronno-cifrovuyu epohu glazami professional'nogo soobshchestva i v gosudarstvennyh programmnyh dokumentah [The Health of Modern Russian Youth in the Digital Age through the Eyes of the Professional Community and in State Policy Documents]. M., 2024 (in Russian).

Osipova N.G., Semina T.V., Gasanova R.M. Reprodukivnoe zdorov'e zhenshin i vrozhdennye poroki razvitiya: sociologicheskij analiz [Women's Reproduc-

tive Health and Congenital Defects: A Sociological Analysis] // Byulleten' NC-SSKH im. A.N. Bakuleva RAMN. Serdechno-sosudistye zabolevaniya, izdatel'stvo Federal'noe gosudarstvennoe byudzhethoe uchrezhdenie "Nacional'nyj medicinskij issledovatel'skij centr serdechno-sosudistoj hirurgii imeni A.N. Bakuleva" Ministerstva zdavoohraneniya Rossijskoj Federacii. 2025. T. 26. N 1. S. 19–30 (in Russian).

Pasport prioritetnogo proekta "Formirovanie zdorovogo obraza" [Passport of the priority project "Formation of a Healthy Lifestyle"]. URL: <http://government.ru/projects/selection/641/> (data obrashcheniya: 10.11.2025) (in Russian).

Pasport Federal'nogo proekta "Formirovanie sistemy motivacii grazhdan k ZOZH, vklyuchaya zdorovoe pitanie i otkaz ot vrednyh privyчек" [Passport of the Federal Project "Formation of a System of Motivating Citizens to Lead a Healthy Lifestyle, Including Healthy Eating and Giving Up Bad Habits"]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/564412400> (data obrashcheniya: 15.05.2025) (in Russian).

Polozhihina M.A. Organizaciya upravleniya nacional'nymi proektami [Organization of National Project Management] // Ekonomicheskie i social'nye problemy Rossii. 2018. N 2 (in Russian).

Strizhkina V.N. Nacional'nye proekty [National Projects] // Sovremennyy nauchnyj poisk: social'no-gumanitarnye aspekty. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_36620907_98697793.pdf (data obrashcheniya: 07.08.2022) (in Russian).

Tulyakova I.V. Ocenka effektivnosti gosudarstvennyh programm: problemy i perspektivy [Evaluation of the effectiveness of government programs: problems and prospects] // Finkontrol'. 2017. N 4. S. 25–28 (in Russian).

Zdorov'e — vysshaya cennost' [Health is the Highest Value]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskie-obzory/zdorove-vysshaya-czennost> (data obrashcheniya: 06.07.2024) (in Russian).

Zdavoohranenie [Healthcare]. URL: <https://xn--80aapampemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/projects/zdravookhranenie/> (data obrashcheniya: 20.10.2025) (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2026-32-1-204-214

AFRICAN TRADITIONAL APPROACHES TO CHILD HEALTH AMONG TEENAGE MOTHERS IN KENYA

T.Y. Musembi, Department of Philosophy, Russian University of Transport (MIIT), st. Obraztsova, 9, bld. 9, GSP-4, Moscow, Russian Federation, 127994*

Traditional African healthcare beliefs and practices, are part and parcel of the maternal and child well-being in the Kenyan rural settings, particularly amongst vulnerable groups including teenage mothers. Focus has been given to this particular group because children born to adolescent mothers are at a high risk of health complications yet they frequently lack access to basic formal healthcare due to factors such as culture, economic challenges and social aspects. Due to these circumstances, traditional birth attendants, herbal medicine and spiritual interventions often shape caregiving behavior. This study explores ways in which African cultural traditions, influence health outcomes of children aged five and below born to adolescent mothers. In order to collect qualitative data, desktop research method was applied in synthesizing results from peer-reviewed articles, public health records and use of ethnography. Thematic analysis was conducted to come up with patterns, trends and associations from the data collected through coding. This analysis enabled the researcher to identify themes representing key patterns including communal caregiving, dependence on herbal medicine and spiritual healing, lack of trust towards biomedical systems and future prospects to incorporate traditional and modern health systems. The results show both the positive and negative aspects of African traditional practices. Even though cultural practices may help in provision of emotional and social support to adolescent mothers, they are also associated with delayed clinical interventions which may have detrimental effects. In conclusion, the study recommends the integration of cultural strategies in healthcare through the engagement of traditional practitioners, promoting reverential clinical settings and supporting adolescent mothers by ensuring they are fully included when adopting health policies.

Key words: religious beliefs, African traditions, African religion, adolescent mothers, care givers, motherhood, Kenya, retrogressive cultures.

Introduction

African traditional health practices and beliefs have continuously played a significant role in shaping child healthcare among adolescent mothers mainly in rural and low-resource parts of Kenya. Focus is given to adolescent mothers because they, and the children they give birth to,

* **Musembi Teresia Y.**, e-mail: traceycecil@gmail.com

remain vulnerable for a wide range of reasons. The children may have health complications due to being born premature while the adolescent mothers, especially those who are still schooling, are stigmatized, both within their communities and within the school environment. Although the policy on National Guidelines for School re-entry in Early Learning and Basic Education (2020) advocate for adolescent girls to continue with their education after delivery, most of them do opt not to go back to school. The demands of schooling coupled with socio-economic challenges contribute to a complex web of health and development challenges for their young children. Among vulnerable populations, such as children born to teenage mothers, access to modern medical services is often limited due to socioeconomic, cultural and infrastructural barriers. In Kenya, where adolescent pregnancies remain a pressing public health issue, traditional African approaches to child health care are still widely practiced and deeply rooted in local belief systems¹.

The study draws from literature on the statistics that evidence the challenges faced by children under the age of five and especially those born of adolescent mothers. This is double-vulnerability because as studies show, these mothers not only lack the prerequisite knowledge on healthcare for children, but they are also categorized as children themselves since they are yet to attain adulthood. Culture and religion play a crucial role in relation to food, mental development and access to healthcare services. The traditional African belief and practices define how caregivers, including the adolescent mothers, rely upon this belief system for the healthcare of these young children². The study argues that culture and traditional observances, which are part of religious beliefs and practices for African communities and specifically Kenya, is an always ignored angle of focus in the health of these vulnerable children. It is noted that the policies in place group all mothers under the same umbrella. There is no distinction of the various vulnerabilities, including those of children born of adolescent mothers. Other determinant factors that influence child survival and growth, such as culture and religious traditions remain key, yet the policies in place hardly take these into account. Culture and

¹ Kumar M., Huang K.Y. Impact of being an adolescent mother on subsequent maternal health, parenting, and child development in Kenyan low-income and high adversity informal settlement context // PloS one. 2021. N 16(4). e0248836; Kabimba A.W. Evidence-based teenage health education: an approach to reduce neonatal morbidity and mortality // Among Teenage Mothers, Busia County Referral Hospital, Kenya. Nairobi, 2022.

² Mutahi J., Larsen A., Cuijpers P., et al. Mental health problems and service gaps experienced by pregnant adolescents and young women in Sub-Saharan Africa: A systematic review // EClinicalMedicine. 2022. N 44.

religious beliefs and practices around health and healthcare go hand in hand with modern medicine and as the study will show, these influence to a great extent ways in which the healthcare provision of children born of adolescent mothers is determined.

The need for culture appropriate healthcare systems has been emphasized by World Health Organization (WHO) in order to improve child health outcomes in low-resource settings³. Nevertheless, there still exists a major literature gap in understanding ways in which African traditional practices and beliefs impact the health of children born to adolescent mothers; a group at a high risk of challenges such as high rates of newborn health complications, malnourishment and child mortality. The study therefore interrogates the traditional practices and beliefs to show how on the one hand they complement modern healthcare services, but on the other, and in certain instances, compromise the health of the children, given the new health challenges that present themselves in the contemporary society. The current study uses a qualitative, desktop research approach, guided by secondary data from public health records, ethnographic research and applicable sociocultural assessments from Kenya. Distinct focus is given to rural societies where traditional practices in caregiving are still rampant.

Purpose of the study

The current study looked at the impact of African traditional practices to health of children born to teenage mothers in Kenya. By giving focus to the interrelation between traditional practices and modern medicine in the context of adolescent mothers, the study contributes to the international discussion on culture sensitive healthcare. Further, the findings of the current study can be useful to policy makers and other stakeholders. By seeking a deeper understanding of the place of traditional practices on the wellbeing of the children, it provides valuable insights for policymakers, public health employees and non-governmental organizations based in Africa where conventional practices are frequently resisted or there is minimal reach.

Literature review

Globally, the health and wellbeing of children aged 5 and below born to adolescent mothers has become a growing concern, mainly in less developed countries including Kenya. A study done by UNICEF and WHO shows that children born to adolescent mothers are at a high risk of low

³ Kabimba A.W. Op. cit.

birth weight, delayed development and vulnerability to early childhood diseases. In most African countries, these risks are further intensified by challenges such as inadequate accessibility to healthcare, dropping out of school among adolescent girls, poverty and cultural constraints. Research done in the past highlighted the biological and social susceptibilities associated with adolescent mothers. From a physiological view, their bodies may not be wholly developed to be able to carry pregnancies securely which increases the risk of pregnancy related complications. Socially, the adolescent mothers in most cases lack stable support from family members, access to formal education since most of them drop out of school and they also lack financial freedom. These factors negatively influence the health and nutrition of their children⁴.

Traditional beliefs and practices influence ways in which adolescent mothers and their extended families provide care and support to the newborns. These cultural dictates have been inherited by generations. In the African context, where these cultures are still in use, they determine behaviors and attitudes of mothers and other caregivers towards their newly born children. In most African countries, there is a tendency to link illnesses to culture, traditions and spiritual causes. A wide range of studies indicate that the cause of disease in many African communities, especially diseases that may not be easily attributed to biomedical factors, is evil or bad spirits, spell-casting, witchcraft, disobeying taboos and anger of gods. Diagnosis of ill health would then be through divination or prayer, that is, consulting the spiritual world to identify the causes of diseases for healing methods to be determined. The belief that diseases have a spiritual connection and thus origin in the context of African communities drives many African families to seek solutions from traditional healers. Healing then is achieved through sacrifices, spiritual cleansing, spiritual protection, exorcism, pouring of libation, prescription of herbs, prayer, counselling, among other processes. Therefore, the healthcare seeking behaviour for African communities would be pluralistic, that is, it is structured around three main systems: biomedical care, traditional and faith healers as well as popular knowledge. In Kenya, traditional doctors, herbalists and traditional birth attendants play a major role in maternal and child health practices, particularly in rural settings. Although the efforts of these specialists maybe beneficial, other practices including the delay of modern

⁴ *Toska E., Laurenzi C.A., Roberts K.J., Cluver L., Sherr L.* Adolescent mothers affected by HIV and their children: a scoping review of evidence and experiences from sub-Saharan Africa // *Global Public Health*. 2020. N 15(11). P. 1655–1673; *Mtongwa R.H., Festo C., Elisaria E.* A comparative analysis of determinants of low birth weight and stunting among under five children of adolescent and non-adolescent mothers using 2015/16 Tanzania Demographic and Health Survey (TDHS) // *BMC nutrition*. 2021. N 7(1).

medical care or avoidance of immunizations mostly undermines child survival efforts. In spite of the promotion of biomedicine by international healthcare organizations, traditional medicine remains the primary form of healthcare of most African populations. These practices are then passed to the adolescent mothers who learn the norms and traditions from the elderly in the community⁵.

Although the African continent has a variety of traditional foods that mothers and children may benefit from, it is also true that cultural practices to a large extent impact on feeding decisions made by adolescent mothers and other caregivers. For instance, one of the major barriers to good complementary feeding practices is that some foods are forbidden for mothers and children. Although this may be as a result of some forms of misconception, these beliefs play a role in the health of children. A study done in Western Kenya showed there are food taboos regarding different type of foods for infants. For instance, most infants and children are forbidden from consuming eggs for it is believed that this will slow development in speech or they might end up as stammerers. These beliefs compromise complementary feeding. In addition, the majority of the caregivers prefer to feed their newborns on porridge. They perceive this type of meal to be appropriate in providing strength to the children. Often such porridge would be mixed with other ingredients that the child's digestive system may not be able to handle. The study observed that adolescent mothers who have no prior experience usually borrow such beliefs from older generations⁶.

In the recent past, there has been a growing interest in integrating a culture appropriate healthcare system that incorporates traditional methods with evidence-based healthcare. Research has shown that involvement of traditional practitioners in healthcare system is capable of enhancing and improving health outcomes. The use of traditional birth attendants (TBAs) is common in Africa. They are equated to midwives or gynecologists in conventional medicine and provide both pre-natal and post-natal child care services to mothers. They advise expectant mothers

⁵ Nyame S., Adiibokah E., Mohammed Y., et al. Perceptions of Ghanaian traditional health practitioners, primary health care workers, service users and caregivers regarding collaboration for mental health care // BMC Health Services Research. 2021. N 21(1); Ngere S.H., Akelo V., Ondenge K., et al. Traditional medicine beliefs and practices among caregivers of children under five years—the child health and mortality prevention surveillance (CHAMPS), Western Kenya: a qualitative study // PLoS One. 2022. N 17(11). e0276735.

⁶ Uusimäki K., Schneider L., Lubeka C., Kimiwe J., Mutanen M. Mothers' knowledge and practices on breastfeeding and complementary feeding in an urban slum area and rural area in Kenya: A cross-sectional interview study // Journal of Child Health Care. 2023. N 27(4), P. 612–627.

using their past accumulated experience. Through the background information given by their clients and their familiarity with informal settings such as communal practices, they are able to carry out the services with success. This is the case because deliveries through caesarian section are rare, yet the use of TBAs in Africa and Kenya in particular is quite common. Research also showed that most young mothers in Kenya sought the services of TBAs due to inaccessibility of health centers. Low socioeconomic status is also an influencing factor since most of them do not have a source of income. However, it is also true that they have a wealth of experience. Their ability to use their hands and traditional herbs to cure pains and complications of childbirth is a trusted skill by their clients. In rural settings, adolescent mothers, who rely on their families for healthcare decisions may find this as the only option for pre- and post-delivery care. The only danger with the services of TBAs is that whenever major complications result, there is a likelihood of death of the child or mother, or both given that emergency services from specialized hospitals may not be readily available. Nevertheless, tension exists as a result of mistrust, divergent epistemologies and failure to have legal recognition among traditional healers. In spite of this limited literature exists on how African traditional practices impact the wellbeing children born to adolescent mothers. Research done considers adolescent motherhood and traditional medicine as two separate aspects. This particular disconnect exposes a knowledge gap in comprehending how these aspects intermingle and shape the lives of both the adolescent mothers and their children.

Methodology

The current study uses a desktop review method which is qualitative in nature to understand the nexus between African traditional practices and wellbeing of children born to adolescent mothers in Kenya. Since the topic of study has a socio-cultural aspect, the objective is to analyze existing research, identify patterns and establish knowledge gaps in the connection between adolescent mothers, the wellbeing of their children and traditional medicine. This study has adopted a consolidative literature review method which allowed the researcher to utilize both theoretical and empirical data gathered from academic journals, use of ethnography, review of policy documents and information from public health records. This made it possible to critically examine the impact of traditional medicine in the health of adolescent mothers and their children.

Peer reviewed journals published between 2020 and 2025 from organizations such as WHO, UNICEF, Ministry of Health, qualitative research done from different parts of Kenya and other relevant databases were

used. The keywords used are “Religious beliefs”, “African traditions”, “African religion”, “Adolescent mothers”, “Care givers”, “Motherhood”, “Kenya”, “Retrogressive culture”. The data was analyzed by use of thematic synthesis design. Themes were generated to capture the original content of the data collected. The researcher attempted to come up with patterns, trends and associations from the data collected through coding. This thematic analysis enabled the researcher to extract themes through assigning labels to recurring issues from different studies. The themes were evaluated in relation to the main objective of the study. As a desktop research study, the limitation faced was having to rely on the available secondary sources of data.

For identification and analysis of relevant research, published academic and policy reports were acquired from databases such as Scopus, Google Scholar and ResearchGate. The researcher conducted a thematic analysis by use of Literature Analysis Matrix (LAM) guided by a structure based on the four themes identified. The matrix allowed for systematically categorizing the studies with some being cross-cutting, with other studies addressing a particular theme in detail. Therefore, the current article is organized into four major parts. The introduction focuses on the theoretical and empirical aspects; the second section establishes the conceptual foundations of the research-policy interface; the third section interrogates the prospects for bridging research and policy in the context of social policy and the last section identifies the existing challenges that weaken the attempts to institutionalize the use of evidence when adopting policies. The results and discussion part of this article is guided by the four themes while the final part of the article synthesizes the major conclusions and policy recommendations that emerged after a detailed review.

Results

Four major themes emerged from analysis of the data collected including; Communal caregiving, Herbal and spiritual interventions, Lack of trust in modern medicine and Prospects for integration.

Communal caregiving and cultural practices play a major role especially in the rural area of Kenya. In the case of adolescent mothers, health-related responsibility is often a collective affair amongst every member of the family. In most cases, Grandmothers who are the alternate caregivers and traditional birth attendants offer the required care to the adolescent mothers by guiding them according to the culture and giving informal advice on matters health. It was established that the use of traditional medicine by adolescent mothers depends on the opinion given by “trusted” members of their community. Most of the adolescent

mothers rely on opinion given by spouses, parents or grandparents on what steps need to be taken when their children are ill. It is a common belief that diseases like measles can be cured through traditional healers, who know the herbs for such diseases. In addition, signs of malaria such as convulsions were associated with the supernatural phenomenon and as such adolescent mothers are encouraged by the elderly in the community to visit traditional healers for assistance. These perceptions about various diseases have an impact on decisions taken by caregivers with the aim of seeking healthcare. Although it is true that indigenous knowledge systems may be useful in treatment of certain diseases, it is also true that in certain cases, this trust in traditional treatments may result in delay in accessing appropriate healthcare and management of serious illnesses.

Herbal medicine and Spiritual interventions are commonly used to treat illnesses associated with supernatural causes amongst infants. Common interventions to curb these illnesses comprise of ritual processes, charms and medicinal herbs from plants. Even though such practices are culturally important, they are capable of delaying appropriate medical care. It was established that some caregivers believed that breaching of taboos by family or community members is a cause for ailments in children. To these communities, such ailments can only be cured or prevented through traditional approaches. This is the case for adolescent mothers, who have no experience and have to rely on older generations and community members for the wellbeing of their children. As noted, the delay in conventional health seeking habits, which in most cases are associated with the belief and trust in traditional approaches to cure and prevention of diseases in children, often results in failure to adhere to immunization procedures as well as other health needs of the young children. This contributes to the deterioration of the health of the children.

Lack of trust in modern medicine is a common phenomenon amongst caregivers in rural parts of Kenya. Adolescent mothers, especially those who are still schooling, are stigmatized, both within their communities and within the school environment. Due to this, most of the adolescent mothers choose to seek the help of traditional doctors when they or their children require medical assistance. While some of these adolescents choose to either drop out of school, others, with the support of their families, continue with education while leaving their children under the care of relatives. Although the National Guidelines for School re-entry in Early Learning and Basic Education (2020) advocate for adolescent girls to continue with their education after delivery, most of them do opt not to go back to school. Further, although the policy provides for the adolescent mothers to be admitted in a different school as a way

of reducing the stigma that they face and encourage them to go back to school, studies have shown that they still feel stigmatized. For the adolescent mothers in particular, traditional healers are considered to be more culture sensitive and much more accommodating which explains why the adolescent mothers prefer them despite possibly experiencing delay in accessing the medical care.

As a way integrating traditional practices into the modern health care, various strategies are now incorporating traditional healers in the modern medicine sphere. Efforts are directed towards training and cooperating with this group which serves as the link between traditional and formal health sector. There have been efforts to provide training to TBAs as a way of ensuring that both traditional and allopathic approaches yield positive results. According to the World Health Organization (WHO) skilled attendants refer to “qualified health professionals including doctors, midwives or nurses who have been trained on skills required in managing normal pregnancy, delivery as well as the ability to identify, manage and refer those with complications, both mothers and infants for specialized care”. Due to shortage and unwillingness of Western-trained medical practitioners to work in rural areas in Africa given the poor terrain and inadequate resources, child mortality remains high in these regions as access to proper healthcare is limited. On policy, most African countries and in particular Kenya, advocate for measures that ensure women deliver under the care of skilled attendants, be they traditional or medical to reduce maternal and child deaths.

Discussion

The current study highlighted how traditional practices can support and also undermine healthcare and wellbeing of children born to adolescent mothers. It was established that traditional practitioners often offer much required support to the adolescent mothers but their intervention is also associated with delaying or replacing essential medical interventions which negatively affects health of children.

Therefore, healthcare systems can mitigate lack of trust by adolescent mothers through responding to their needs in a greater culture sensitive manner. In the case of adolescent mothers, this can be achieved through the provision of medical services which are respectful, inclusive and youth-friendly.

Instead of rejecting traditional practices, the study recommends integration of this system into health policies. Proven success from other African nations revealed that well trained TBAs and herbalists are capable of offering effective services essential in the promotion of health access

in rural areas. To achieve this, there is need to invest in trust-building, education and partnerships which are formal in nature.

Internationally, the insights from the current study emphasize the significance of culturally adaptive approaches in public health sector particularly when dealing with marginalized groups like the adolescent mothers in rural areas where culture and religious beliefs are deep-rooted.

Conclusion

The traditional healthcare system is widely applied in Africa and Kenya in particular. It is the case that modern medicine and traditional approaches to treat diseases in children find acceptance among communities. Although those who argue for modern medicine over traditional approaches imagine a shift of people's minds from "irrational traditional beliefs", there is need for recognition of the relevance of African Traditional approaches to health and wellbeing. The chapter therefore argues that it is significant to accommodate the indigenous knowledge systems by combining Western medicine with traditional healing practices as this merger offers a complementary healthcare system with a pluralistic approach hence offering the caregivers exceptionally wholistic services which are comprehensive in nature. It, therefore, remains significant to ensure that cultural practices are genuinely respected and understood. Strategies should be adopted to not only to recognize these cultural practices but also to comprehend and validate the importance they have on families. There is need to consider the fact that Africans are a collective goal-oriented people and decisions about healthcare giving for children born of adolescent mothers rely on immediate and extended families. It is therefore imperative to create awareness among the adolescent mothers on better child care practices, whether traditional or modern. This will equip them with skills on better feeding and health care seeking practices, and allow them avoid retrogressive practices while adopting only the life changing cultural practices. A proper means of sensitization and inclusion of communities in a hybrid model that encompasses allopathic and traditional approaches to healthcare for under five children remains key.

Recommendations

The study recommends policy integration through inclusion of traditional birth attendants in the maternal and child health outreach programs.

Another recommendation involves cultural competence training aimed at educating health workers on ways of treating the adolescent mothers with compassion and respect.

The study also recommends community-based education including working with traditional practitioners as a way of promoting safe practices.

There is need for further research by encouraging field studies which involve engaging directly with adolescent mothers and traditional practitioners.

REFERENCES

Kabimba A.W. Evidence-based teenage health education: an approach to reduce neonatal morbidity and mortality // Among Teenage Mothers, Busia County Referral Hospital, Kenya. Nairobi, 2022.

Kumar M., Huang K.Y. Impact of being an adolescent mother on subsequent maternal health, parenting, and child development in Kenyan low-income and high adversity informal settlement context // *PloS one*. 2021. N 16(4). e0248836.

Mtongwa R.H., Festo C., Elisaria E. A comparative analysis of determinants of low birth weight and stunting among under five children of adolescent and non-adolescent mothers using 2015/16 Tanzania Demographic and Health Survey (TDHS) // *BMC nutrition*. 2021. N 7(1).

Mutahi J., Larsen A., Cuijpers P., et al. Mental health problems and service gaps experienced by pregnant adolescents and young women in Sub-Saharan Africa: A systematic review // *EClinicalMedicine*. 2022. N 44.

Ngere S.H., Akelo V., Ondeng'è K., et al. Traditional medicine beliefs and practices among caregivers of children under five years—the child health and mortality prevention surveillance (CHAMPS), Western Kenya: a qualitative study // *PLoS One*. 2022. N 17(11). e0276735.

Nyame S., Adiibokah E., Mohammed Y., et al. Perceptions of Ghanaian traditional health practitioners, primary health care workers, service users and caregivers regarding collaboration for mental health care // *BMC Health Services Research*. 2021. N 21(1).

Toska E., Laurenzi C.A., Roberts K.J., Cluver L., Sherr L. Adolescent mothers affected by HIV and their children: a scoping review of evidence and experiences from sub-Saharan Africa // *Global Public Health*. 2020. N 15(11). P. 1655–1673.

Uusimäki K., Schneider L., Lubeka C., Kimiweye J., Mutanen M. Mothers' knowledge and practices on breastfeeding and complementary feeding in an urban slum area and rural area in Kenya: A cross-sectional interview study // *Journal of Child Health Care*. 2023. N 27(4), P. 612–627.

СОЦИОЛОГИЯ В КИТАЕ

DOI: 10.24290/1029-3736-2026-32-1-215-238

ТЕОРЕТИЧЕСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЕ

Ли Чжожу, зам. генерального секретаря Общества мировой политической экономики, приглашенный научный сотрудник Института исследований государственной безопасности при Нанкайском университете, асп. кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

Статья представляет собой комплексный теоретико-методологический анализ модернизационных процессов в Китае XXI в. Целью исследования является определение концептуальных основ и специфики китайской модели модернизации через призму эволюции западных теорий и внутренней социально-политической динамики. Выявлено, что модернизация в Китае представляет собой не “догоняющее” развитие по западным образцам, а институционально и культурно специфичный вариант. Его ключевые особенности: социалистический тип развития под руководством Коммунистической партии Китая (КПК), опора на национальные традиции и адаптация глобального опыта. На эмпирическом материале проанализированы глубинные трансформации социальной структуры. Показано сокращение занятости в сельском хозяйстве, рост сферы услуг, стремительное развитие цифровой экономики, а также сохранение структурных дисбалансов (безработица среди молодежи, город — деревня). В отличие от западных теорий, акцентирующих стихийность процесса, в статье доказывается, что движущей силой китайской модернизации являются элитные группы. Выделены три этапа трансформации элит: старт реформ (1978–1992), углубленная дифференциация (1992–2012) и этап институционализированной циркуляции (с 2012 г. по настоящее время). Ключевым механизмом выступает управляемая кадровая ротация, обеспечивающая интеграцию новых акторов (частные предприниматели, технологическая элита) и предотвращающая институциональный застой. Сделан вывод о том, что успех китайской модернизации обусловлен синтезом экономико-технологического развития (базис) и управляемой трансформации надстройки, ключевым элементом которой является система селекции и циркуляции элит. Китайский опыт опровергает тезис о вестернизации как единственном пути про-

* Ли Чжожу, e-mail: liz@my.msu.ru

гресса и демонстрирует эффективность модели, основанной на национальном суверенитете и адаптивной роли государства.

Ключевые слова: модернизация, этапы модернизации, ранняя модернизационная перспектива, модели модернизации, специфика процесса модернизации в Китае.

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF MODERNIZATION PROCESSES IN CONTEMPORARY CHINA

Li Zhuoru, Deputy Secretary General of the WAPE, Visiting Scholar at the Institute for State Security Studies, Nankai University, PhD student at the Department of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: liz@my.msu.ru

This article provides a comprehensive theoretical and methodological analysis of modernization processes in 21st-century China. The study aims to define the conceptual foundations and specifics of the Chinese modernization model through the lens of the evolution of Western theories and internal socio-political dynamics. It is revealed that modernization in China is not a “catch-up” development following Western patterns but an institutionally and culturally specific variant. Its key features are: a socialist type of development under the leadership of the Communist Party of China (CPC), reliance on national traditions, and the adaptation of global experience. Using empirical data, the profound transformations of the social structure are analyzed. The study demonstrates the decline of agricultural employment (to 22,8%), the growth of the service sector, the rapid development of the digital economy, and the persistence of structural imbalances (youth unemployment, urban-rural divide). In contrast to Western theories emphasizing the spontaneity of the process, the article argues that the driving force of Chinese modernization is elite groups. Three stages of elite transformation are identified: the start of reforms (1978–1992), advanced differentiation (1992–2012), and the stage of institutionalized circulation (from 2012 to present). The key mechanism is managed cadre rotation, which ensures the integration of new actors (private entrepreneurs, technological elite) and prevents institutional stagnation. It is concluded that the success of China's modernization is due to the synthesis of economic and technological development (the base) and the managed transformation of the superstructure, a key element of which is the system of elite selection and circulation. The Chinese experience refutes the thesis of Westernization as the only path to progress and demonstrates the effectiveness of a model based on national sovereignty and the adaptive role of the state.

Key words: modernization, stages of modernization, early modernization perspective, models of modernization, specifics of the modernization process in China.

Полноценный научный анализ воздействия модернизации на развивающуюся социальную структуру Китая в XXI столетии, с акцентом на трансформацию политической элиты в период по-

литики “реформ и открытости”, предполагает выделение институциональных и структурных параметров, релевантных процессу модернизации китайского общества. Однако для того чтобы обеспечить достоверность последующего анализа, необходимо сначала определить понятие “модернизация” в координатах различных теоретико-методологических конструкторов, обосновать их валидность применительно к социальным реалиям современного Китая, а затем выделить ключевые направления процесса модернизации китайского общества и те субъекты, которые в нем наиболее активно участвуют.

Слово “модернизация” образовано от английского слова “modern”, которое в переводе на русский язык означает обновление объекта, приведение его в соответствие с новыми требованиями и нормами, техническими условиями, показателями качества. В социологии, как отмечают Э. Гидденс и Э. Саттон, «слово “современный” (modern) может использоваться для обозначения всего нового, а противопоставление древнего и нового становится общим местом в Европе с конца XVI в. Сама идея модернизации, как придания чему-то современного облика, вызывала сопротивление вплоть до XIX в., когда отношение к ней приобрело позитивный оттенок — модернизация транспорта, жилья, социальных установок и многого другого воспринималась как необходимая и прогрессивная»¹.

Модернизация — общественно-исторический процесс, в ходе которого традиционные общества становятся прогрессивными, индустриально развитыми. В классической социологии этот термин был осмыслен Э. Дюркгеймом как процесс социальной дифференциации, посредством которого осуществлялось разделение труда, М. Вебером — как процесс рационализации, в ходе которого хозяйствующие субъекты стремились максимально повысить собственную экономическую отдачу². В современной социальной теории это понятие имеет достаточно широкое значение, отсылающее к историческому периоду, начавшемуся в середине XVIII в., когда “философы Просвещения, поставили под сомнение традицию, авторитет религии и общепринятые верования, полагая, что человеческий прогресс возможен только благодаря рациональному мышлению, науке и стремлению к свободе и равенству”³.

¹ Гидденс Э., Саттон Э. Основные понятия в социологии. М., 2018. С. 24.

² Соколова Г.Н. Модернизация // Социология. Энциклопедия / Сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелкин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко. Минск, 2003. С. 583–584.

³ Гидденс Э., Саттон Э. Основные понятия в социологии. С. 24.

Если исходить из этих посылок, то “модернизация” — это макропроцесс перехода от традиционного общества к обществу современному, обществу “модерна” или от общества аграрного — к обществу индустриальному. Модернизация — “совокупность социальных, экономических, политических, культурных и иных процессов, связанных с переходом от традиционного (доиндустриального, аграрно-традиционалистского) общества к современному индустриальному и формирующемуся постиндустриальному обществу, основанному на инновациях во всех сферах жизни”⁴, — отмечает российский ученый В.И. Пантин. В подобной трактовке, на наш взгляд, отражен узкий смысл модернизации, когда под ней понимается лишь процесс перехода от одного типа общества к другому, более современному. При этом акцент делается на формировании индустриального общества, а сама модернизация рассматривается как процесс, протекающий параллельно процессу индустриализации, связанный с трансформацией системы хозяйствования, вооружения и организации труда.

Социологи признают, что решающим фактором модернизации выступает замена традиционных ценностей, препятствующих социальным изменениям и экономическому росту, на ценности, мотивирующие хозяйствующих субъектов на инновационную деятельность, в том числе разработку, создание и распространение новых технологий, влекущих за собой генерирование новых социально-экономических отношений.

Согласно исследователю С.Н. Гаврову, исторически понятие модернизации рассматривается преимущественно в трех различных значениях:

- 1) как внутреннее развитие стран Западной Европы и Северной Америки, относящееся к европейскому Новому времени;
- 2) как догоняющая модернизация, которую практикуют страны, не относящиеся к странам первой группы, но стремящиеся их догнать;
- 3) как процессы эволюционного развития наиболее модернизированных обществ (Западная Европа и Северная Америка), осуществляющиеся посредством проведения реформ и внедрения инноваций. Именно исходя из этих значений ученые различают “первичную” и “вторичную” модернизацию.

Под “первичной” модернизацией понимают процесс, осуществленный в эпоху промышленных революций (XVII–XVIII вв.) —

⁴ Пантин В.И. Волны и циклы социального развития: цивилизационная динамика и процессы модернизации. М., 2004. С. 7.

классический “чистый” тип, благодаря которому появились ведущие экономические страны (Великобритания, Германия, Франция, США и т.д.). Под “вторичной” модернизацией понимается процесс, сопровождающий формирование индустриального общества в странах третьего мира — она происходит в условиях наличия уже апробированного опыта развития в странах Запада. Особенности “вторичной” или догоняющей модернизации в ряде стран являлись ее форсированный характер, авторитарные методы, стремление к преодолению “отставания” посредством “великого рывка” с использованием потенциала тотальной мобилизации масс⁵.

Фактически же во всех обществах, в том числе европейских, модернизационные процессы протекали по различным сценариям, лишь отчасти планируемыми и прогнозируемыми их участниками и инициаторами.

В конкретные исторические эпохи отдельных стран модернизация могла направляться на заимствование и воспроизведение фрагментов иностранного опыта или обосновываться собственными национальными традициями, сопровождаться реформами или революциями, затрагивать все общество или отдельные его сферы и подсистемы. При этом в роли субъектов модернизации могло выступать государство, представляемое политическими лидерами, чиновничеством и армией, а также заинтересованные в преобразованиях экономически активные слои населения, интеллигенция и другие социальные группы.

Достаточно быстро, по мере нарастания и развития модернизационных процессов, в западноевропейской и американской общественной мысли стали формироваться “школы модернизации”, представители которых предпринимали попытки научного осмысления модернизационных процессов и их моделирования. В эволюции этих школ исследователи выделяют следующие “волны” или этапы.

Первый этап (этап ранней модернизационной перспективы), вторая половина 1950-х — первая половина 1960-х гг., ознаменован рождением и быстрым ростом модернизационных исследований в “классической версии”, когда превалировали представления об универсальности линейно-поступательного развития социума от “традиционного” общества к “современному”, ориентированного на западные страны, т.е. развитие общества рассматривалось как

⁵ Соловьева В.Л. Теория модернизации в контексте развития общественной мысли в XX веке // Известия российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 3. С. 312–316.

всеобъемлющий, универсальный процесс, с одинаковыми этапами для всех стран и народов.

Фактически все представители ранней модернизационной перспективы (У. Ростоу, А. Органский, М. Леви, Д. Лернер, Н. Смелзер, С. Блэк, Ш. Эйзенштадт и др.), несмотря на различную дисциплинарную принадлежность, разделяли ряд теоретико-методологических предположений эволюционистского и структурно-функционального подходов, что обусловило создание линейной модели модернизации.

В рамках линейной модели модернизация рассматривалась как системный имманентный процесс, интегрировавший в связное целое факторы и атрибуты модернизации, которые должны были появляться в кластерах, а не в изоляции. Сам процесс модернизации расценивался как революционный, связанный с радикальными и всеобъемлющими трансформациями моделей человеческого существования и деятельности при переходе от традиционности к современности.

Сторонники линейной модели признавали, что модернизация вызывает изменения практически во всех областях человеческой мысли и поведения, порождая процессы структурно-функциональной дифференциации, индустриализации, урбанизации, коммерциализации, социальной мобилизации, секуляризации, национальной идентификации, распространения средств массовой информации, грамотности и образования, становления современных политических институтов, рост политического участия. Они видели процесс модернизации как имманентное встраивание изменений в социальную систему. Как только изменения вносятся в одну из сфер деятельности, полагали они, это неизбежно вызывает адекватные реакции в других сферах.

В целом линейная модель порождала представление о модернизации как глобальном процессе, который обеспечивался как распространением современных идей, институтов и технологий из европейского центра по всему миру, так и эндогенным развитием неевропейских сообществ. Все общества, по мнению сторонников данной модели, можно было распределить вдоль оси, идущей от традиционности к современности. Тем не менее на протяжении 1960-х гг. нарастал пересмотр вестернизаторских концепций, который в 1970-х гг. привел к осознанию того факта, что разрушение традиций может привести к разрушению всего общества.

Второй этап, конец 1960-х — 1970-е гг., оценивается как “критический”, в течение которого модернизационная перспектива под-

верглась значительной критике, как внутренней, так и внешней, со стороны конкурирующих теорий.

На этом этапе имело место отрицание упрощенного характера развития обществ, а многие авторы отмечали сложное взаимодействие “традиционного” и “современного” в процессе модернизации как двух противоположных сторон развития социума, которые в процессе взаимодействия взаимопроникают и обуславливают друг друга.

Представление о модернизации как длительном переходе от “относительно немодернизированных” к “относительно модернизированным” обществам, получило углубленное развитие в концепции парциальной (или частичной, фрагментированной) модернизации, автором которой выступил немецкий исследователь Д. Рюшмейер. Частичная модернизация представляет собой такой процесс социальных изменений, который ведет к институционализации в одном и том же обществе относительно модернизированных социальных форм и менее модернизированных структур.

Суть парциальной модели сводится к признанию возможности “застревания” некоторых обществ на стадии “частичной модернизации”. Таким образом, это означает предоставление права на существование еще одному пути (ответвлению), пускай неполноценному, от традиционности к современности⁶. В определенной степени выдвигение модели парциальной модернизации являлось шагом от линейного видения исторического процесса в сторону парадигмы, подразумевавшей возможность многолинейной динамики. Кроме того, традиционные культурные ценности и нормы, специфические особенности сознания и мировоззрения признаются на новом этапе важным фактором развития, хранилищем форм поведения, символов и общезначимых смыслов, обеспечивающим его стабильность и непрерывность⁷.

Третий этап, 1980-е гг., вошел в историю как посткритический этап возрождения модернизационных исследований, в течение которого обнаружили себя тенденции конвергенции школ модернизации, зависимости и мир-системного анализа. В этот период складывается концепция модернизации обществ с учетом их национальной культуры, без навязывания западных ценностей, т.е. синтез универсализма и партикуляризма.

⁶ См.: *Побережников И.В.* Модернизация: теоретико-методологические подходы // *Экономическая история. Обзор* / Под ред. Л.И. Бородкина. Вып. 8. М., 2002. С. 146–168.

⁷ См. например: *Eisenstadt S.N.* Multiple modernities // *New Brunswick, Transaction.* 2002. N 3. P. 1–30.

Четвертый этап, 1980-е — 1990-е гг., характеризуется становлением неомодернизационного и постмодернизационного анализа, в значительной степени под влиянием грандиозных трансформаций в странах Центральной Восточной Европы и Евразии. В конце 1980-х — начале 1990-х гг. в схеме модернизации уже не просто учитываются социокультурные особенности незападных сообществ, но и осуществляются поиски принципиально новых, собственных путей со своими социокультурными ценностями и нормами.

На протяжении этих последних периодов переосмысление комплекса модернизационных теорий продвигалось во многом в русле критики эволюционизма и функционализма, заложенных в теоретической матрице перспективы.

Разработка современных, многолинейных версий модернизационных исследований связана с именами Э. Тириакияна, П. Штомпки, Р. Робертсона, У. Бека, К. Мюллера, В. Цапфа, А. Турена, С. Хантингтона и др. Общее теоретико-методологическое ядро этих многолинейных моделей образуют следующие принципы:

- отказ от односторонней линейной трактовки модернизации как движения в сторону западных институтов и ценностей;
- признание возможностей собственных оригинальных путей развития (национальных моделей модернизации, естественно, имеющих местную социокультурную окраску), поворотных точек, в которых в процессе развития может происходить смена маршрута движения;
- приоритет конструктивной, положительной роли социокультурной традиции в ходе модернизационного перехода, придание ей статуса дополнительного фактора развития;
- отказ от трактовки модернизации как единого процесса системной трансформации. Признание возможности различного поведения сегментов конкретного общества в условиях модернизации;
- осознание некорректности интерпретации модернизации как непрерывного процесса, даже если конкретным обществом пройдена стадия “взлета” (в терминологии У. Ростоу);
- более внимательное отношение к такому аспекту динамики модернизации, как циклическая природа данного процесса;
- отказ от жесткого детерминизма любого толка (экономического, культурного, политического, когнитивного и т.д.);
- акцент на комплементарный, взаимодополняющий характер взаимосвязей между различными социальными факторами и системами.

Безусловно, многолинейная модель расширила познавательные возможности модернизационного анализа, была более “историчной”, характеризовалась большей эластичностью по отношению к изучаемой реальности, что было достигнуто за счет принесения в жертву теоретической чистоты и однородности линейной модели модернизационного анализа.

Следует отметить, что в последний период разрабатывались и оригинальные схемы модернизационных процессов. В частности, финским исследователем Т. Пиирайненом в целях объяснения перехода от плановой к рыночной экономике в постсоветской России была предпринята попытка совместить модернизационную перспективу с деятельностным подходом. Еще одну попытку расширить горизонты модернизационного анализа за счет использования структурационного подхода предпринял шведский исследователь Г. Тёрборн в историко-социологическом исследовании “Европейская современность и за ее пределами: пути развития европейских обществ, 1945–2000 гг.”, в рамках которого он разработал собственную аналитическую модель (“компас, необходимый для ориентации в мириадах продолжающихся социальных процессов”). В этой модели Г. Тёрборн уделяет существенное внимание культурным и структурным характеристикам⁸.

Тем не менее несмотря на определенные эвристические моменты основная проблема всех западных волн и теорий модернизации состоит в том, что само понятие “модерн” носит слишком общий и размытый характер. В силу этого невозможно дать непротиворечивое объяснение причин или последствий модернизации. Например, западные теории не могут объяснить неуклонный рост неравенства в глобальной системе и очевидную неспособность многих развивающихся экономик уменьшить его уровень⁹. Более того, не ясно, какие элементы (субъекты) образуют главную движущую силу процессов модернизации¹⁰, что делает проект модерна явно незавершенным¹¹.

Критики, разделяющие неомарксистские подходы, не согласны с тем, что неумолимая логика модернизации будет стимулировать менее развитые общества к переходу в состояние устойчивого роста

⁸ Побережников И.В. Модернизация: теоретико-методологические подходы // Экономическая история. Обозрение / Под ред. Л.И. Бородкина. Вып. 8. М., 2002. С. 146–168.

⁹ См., например: Wagner P. *Modernity: understanding*. Cambridge, 2012.

¹⁰ Гидденс Э., Саттон Э. Основные понятия в социологии. С. 26.

¹¹ См. подробнее: Хабермас Ю. Модерн — незавершенный проект // Вопросы философии. 1992. № 4. С. 40–54.

экономики и благосостояния, поскольку на практике происходит обратное. Бедные страны остаются в постоянной зависимости от богатого мира, их ресурсы расхищаются, а население используется как дешевая рабочая сила для западных мультинациональных корпораций. Таким образом, предположения о некоей единой, стандартизированной схеме модернизационного развития, в центре которой находится модель западного общества, не нашли эмпирического подтверждения. История насчитывает “множество путей к модерну” — к обновлению, и китайская модель — явное тому доказательство.

На наш взгляд, термин “модернизация”, также как “глобализация”, и многие похожие понятия — всего лишь “ярлык”, который умело навешивают идеологи западного мира на различного рода процессы, когда фактически хотят подчинить своим узкокорыстным интересам остальных членов мирового сообщества, подавить те реальные и “автономные от запада” трансформационные процессы во всех сферах общественной жизни. В данной связи, прежде чем перейти к анализу сути модели модернизации, а конкретнее — социального обновления современного Китая, необходимо еще раз обозначить ряд отправных моментов этого анализа.

Прежде всего, необходимо вести речь не о модернизации вообще, как некоей абстракции, оторванной от фундамента социальной жизни, а о ее более конкретной форме, а именно — модернизации общества. Дело в том, что в широком смысле модернизация общества — это глубокое обновление социально-экономических, политических, культурно-духовных основ жизни общества путем различных нововведений и усовершенствований.

Модернизация общества носит комплексный характер, протекает на макро, мезо- и микроуровнях общественной жизни. Прежде всего, эти уровни связаны с технологической составляющей процесса модернизации. Так, макроуровень образует разветвляющаяся на основе совокупности базисных инноваций смена технологических укладов; мезоуровень — это происходящая с периодичностью примерно в десять лет смена поколений техники, обновление активной части основных фондов, микроуровень — обновление моделей и модификации продукции, совершенствование ее параметров на базе улучшающих инноваций в рамках промышленных предприятий. моделей и модификации продукции, совершенствование ее параметров

В то же время, модернизация общества всегда сопровождается изменениями социальных институтов, поведения и мышления

людей, их ценностных ориентаций. С точки зрения различных теоретических подходов в качестве ключевых факторов-детерминант модернизации рассматриваются экономические и политические отношения, развитие техники и средств коммуникации, превалирующие формы знания (религия, наука), особенности культуры и порождаемых ею мотиваций человеческой деятельности. Так, в теоретико-методологических рамках исторического материализма модернизация понимается как глобальный диалектический процесс перехода от одной общественно-экономической формации к другой, находящейся на более высокой стадии экономического и социально-политического развития. При этом «категория общественно-экономической формации делает положение об определяющей роли общественного бытия более полным, реальным и конкретным. Она выражает то целое, в котором проявляют себя определяющая роль общественного бытия как базиса общества и подчиненная, но *отнюдь не пассивная* (*Курсив наш — Л.Ч.*) роль политической и идеологической надстройки»¹².

Процесс модернизации неизбежно включает в себя два компонента:

- 1) развитие базиса (структуры производительных сил общества), что задает технологический (материальный) вектор процессу модернизации;
- 2) модернизацию надстройки, которая предопределяет ее социальный вектор, т.е. социальную направленность данного процесса.

В современном Китае модернизация трактуется как процесс стадийного перехода от традиционного к современному состоянию, в котором эмпирически наблюдаются высокий разброс, дифференциация и неравномерность. При этом «китайская модернизация» предстает институционально и культурно специфичным вариантом общего, глобального модернизационного процесса, обеспечивающего ускоренное развитие при сохранении социалистических приоритетов.

Специфику процесса модернизации в Китае в XXI столетии определяют следующие особенности.

Во-первых, социалистический тип пути общественного и соответственно модернизационного развития, принципиально отличный от капиталистического типа.

¹² См. подробнее: Попов М.В., Мазур О.А. Материализм и теория формации // Теория и практика общественного развития. 2013. № 6.

Во-вторых, непосредственное руководство данным процессом со стороны Коммунистической партии Китая, что задает ему стратегическую направленность.

В-третьих, специфические условия реализации, связанные с наличием огромного человеческого капитала и культурно-исторической уникальностью развития страны.

Эти особенности во многом определили целевые установки данного многогранного процесса: целевую установку на “общий достаток”, ориентацию на общечеловеческие ценности совместного развития и взаимозависимости, синхронность и согласованность в городских и сельских модернизационных мероприятиях.

Следует отметить, что концепт “модернизации”, оформившийся в конце 1970-х и неоднократно уточнявшийся, в логике соотношения производительных сил и производственных отношений исходит из сопряжения традиционных культурных ресурсов с актуальными научно-технологическими достижениями и отобранными элементами мирового опыта, адаптируемыми к локальным контекстам. На этой основе формируется особая — китайская модель, укоренённая в исторической специфике и институциональных практиках страны, но открытая заимствованиям и инновациям. Таким образом, снимается редукция китайской версии модернизации к прозападным моделям и создается база для серьезного социологического анализа ее содержания и специфики.

После старта экономических реформ и политики “открытости” (1978–1992 гг.) имело место ослабление прямого контроля над распределением ресурсов ускорило становление рыночной модели и усложнение социально-экономических структур: трансформировались централизованные институты, сформировались новые слои и ассоциации, а усиливающаяся социальная и экономическая дифференциация стимулировала мобильность, укрепляя рынок и закрепляя поворот от жесткой централизации к децентрализованной системе с множественными ресурсами и статусами.

Начиная с 2012 г. экономика Китая претерпела серьезные материально-технические и институциональные преобразования. Так, за период с 2012 по 2024 гг. объем ВВП страны вырос с 519 470 млрд юаней¹³ до 1 349 084 млрд юаней¹⁴, а экономика Китая по показате-

¹³ ГСУ Китая. Объявление Национального бюро статистики об окончательной проверке ВВП (валового внутреннего продукта) в 2012 году. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/zxfb/202302/t20230203_1898423.html (дата обращения: 19.08.2025).

¹⁴ ГСУ Китая. Предварительные результаты учета ВВП за четвертый квартал и полный 2024 год. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/zxfb/202501/t20250118_1958363.html (дата обращения: 19.08.2025).

лям валового внутреннего продукта опередила экономику Японии, заняв второе место в мире по своим масштабам.

Как отмечают исследователи, “цифровая экономика — это тактика ведения народного хозяйства, где оцифрованные знания и информация — ключевой производственный фактор, современные информационные сети — носитель информации, а информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) — движущая сила производительности и оптимизации структуры экономики”¹⁵. Например, данные Китайской академии информационных и коммуникационных технологий (CAICT) показывают, что с точки зрения “широкой” цифровой экономики масштабы цифровой экономики Китая увеличиваются из года в год — с 2016 по 2022 годы. В 2022 году они уже достигли 50,2 трлн. юаней (около 7,27 трлн долларов), что составляет 41,5% ВВП Китая¹⁶. По данным Китайской академии информации и коммуникационных технологий (CAICT), масштабы цифровой экономики Китая выросли с 15% ВВП в 2008 году до 41,5% в 2022 году, а темпы роста цифровой экономики всегда превышали темпы роста ВВП¹⁷, что свидетельствует о том, что развитие цифровой экономики оказывает большое влияние на рост ВВП.

Фундаментом и базовым направлением развития всей цифровой экономики является процесс цифровой индустриализации. В 2022 г. масштаб цифровой индустриализации Китая достиг 9,2 трлн юаней, что составило 7,6% ВВП и 18,3% цифровой экономики¹⁸. Кроме того, заметную роль в росте цифровой экономики играет интеграция традиционных отраслей и информационно-компьютерных технологий, т.е. цифровизация промышленности. Преимущества цифровой экономики Китая сосредоточены в новых цифровых отраслях, таких как электронная коммерция, цифровые

¹⁵ Ма Хуатэн и др. Цифровая трансформация Китая. Опыт преобразования инфраструктуры национальной экономики. М., 2019. С. 21–22.

¹⁶ CAICT. Отчет о развитии цифровой экономики Китая (2022) // Национальный высокочеловеческий профессиональный аналитический центр, платформа промышленных инноваций и развития. URL: http://www.caict.ac.cn/kxyj/qwfb/bps/202207/t20220708_405627.htm (дата обращения: 05.08.2023).

¹⁷ CAICT. Белая книга о глобальной цифровой экономике (2022) // Национальный высокочеловеческий профессиональный аналитический центр, платформа промышленных инноваций и развития. URL: http://www.caict.ac.cn/kxyj/qwfb/bps/202212/t20221207_412453.htm (дата обращения: 05.08.2023). С. 7.

¹⁸ CAICT. Отчет о развитии цифровой экономики Китая (2023) // Национальный высокочеловеческий профессиональный аналитический центр, платформа промышленных инноваций и развития. URL: http://www.caict.ac.cn/kxyj/qwfb/bps/202304/t20230427_419051.htm (дата обращения: 15.08.2023).

финансы, облачные вычисления, беспилотники и фотоэлектрическая промышленность¹⁹.

Такой стремительный макроэкономический рост, усилив международную конкурентоспособность, инициировал глубокую перестройку производственных отношений и социальной структуры, изменив стратификационный ландшафт. По мере роста экономической активности и высвобождения производительных сил фиксировалось перераспределение социально-классовых отношений — сдвиги в доходах, городско-сельских пропорциях и структуре занятости, тогда как углубляющаяся дифференциация формировала новые группы интересов и обостряла конфликты с традиционными классами.

Таким образом, модернизация в Китае представляет собой сложную многоуровневую комбинацию институциональных реформ, структурных экономических и социальных преобразований, а также кадровых изменений, поскольку требует обновления кадров. Тем не менее, факторы, определяющие занятость и профессиональную структуру, отличаются многообразием и сложностью. С 2012 г. общее число трудоспособных граждан в Китае сократилось с 930²⁰ до 858²¹ млн (к концу 2024 г.), что сократило прежний избыток рабочей силы, но одновременно обнажило новые проблемы структурной, фрикционной и циклической безработицы. Занятость смещалась из первичного сектора в другие отрасли: в период 2012–2023 гг. доля занятых в сельском хозяйстве снизилась с 33,49% до 22,8%, во вторичном секторе — с 30,3% до 29,1%,²² а в третичном секторе выросла с 36,05% до 48,1%²³, образуя “перевернутую пирамиду”, характерную для постиндустриальных обществ.

¹⁹ Longmei Zhang, Sally Chen. China's digital economy: Opportunities and risks // International Monetary Fund. 2019. N 3. P. 4–6; UNCTAD. Technology and Innovation Report 2021. URL: <https://unctad.org/webflyer/technology-and-innovation-report-2021> (дата обращения: 10.05.2022).

²⁰ ГСУ Китая. Трансформация страны с большим населением в страну с сильными человеческими ресурсами: результаты высококачественного развития населения. Отчет № 15 из серии отчетов о 75-летних достижениях экономического и социального развития в новом Китае. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/sjjd/202409/t20240920_1956588.html (дата обращения: 19.08.2025).

²¹ ГСУ Китая. Ван Пинпин: Общее снижение численности населения сокращается, качество населения продолжает улучшаться. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/sjjd/202501/t20250117_1958337.html (дата обращения: 19.08.2025 г.).

²² Источник: база данных “государственные данные” ГСУ Китая. URL: <https://data.stats.gov.cn/easyquery.htm?cn=C01&zxb=A0402&sj=2024> (Дата обращения: 19 августа 2025).

²³ ГСУ Китая. Масштаб занятости значительно расширился, качество занятости неуклонно улучшалось. Отчет № 16 из серии отчетов о 75-летних достижениях экономического и социального развития нового Китая. URL: <https://www.stats.gov.cn>

Ускоренное развитие высокотехнологичных и капиталоемких отраслей слабо способствовало массовому поглощению рабочей силы, усиливая напряженность, особенно среди молодежи. По данным статистических наблюдений, уровень безработицы среди городских жителей 16–24 лет в декабре 2023 г. составил 14,9%, к августу 2024 г. поднялся до 18,8%, а в январе 2025 г. вернулся к 16,1%; схожая тенденция характерна и для возрастной группы 25–29 лет²⁴.

Следует отметить, что в Китае системный дисбаланс городских и сельских траекторий развития сохраняется: несмотря на преодоление в 2011 г. 50-процентной отметки урбанизации (51,27%) и достижение к концу 2024 г. уровня 67% ($\approx$ 943,5 млн городских жителей)²⁵, разрыв остается устойчивой чертой социальной структуры. Разграничение “город — деревня”, закрепленное правилами учета населения, за последнее десятилетие заметно смягчилось, однако в ряде прибрежных экономически развитых регионов (Гуандун, Шанхай, Чжэцзян, Фуцзянь, Шаньдун) оформились “супердеревни”, сопоставимые по экономическому потенциалу с городскими территориями, что меняет контуры стратификации. В то же время в центральных, западных и северо-восточных областях продолжается отставание сельского хозяйства, стагнация местной промышленности, имеет место отток населения и налицо экологические риски, углубляющие неравенство сельской среды. Однако такая ускоренная трансформация распределительных механизмов и урбанизационные сдвиги одновременно расширяют возможности мобильности и фиксируют устойчивые территориальные асимметрии.

В современном Китае растут численность и доля рабочего класса, во многом за счет сельских трудовых мигрантов: по оценкам, в 2023 г. их число достигло 298 млн человек, т.е. около 40,27% занятого населения²⁶. При этом внутренняя структура этого класса

cn/zt_18555/ztfx/xzg75njshfzjcj/202409/t20240920_1956594.html (дата обращения: 19.08.2025).

²⁴ Источник: База данных “Государственные данные”. Национального бюро статистики Китая. URL: <https://data.stats.gov.cn/easyquery.htm?cn=A01&zsb=A0E01&sj=202502> (дата обращения: 19.08.2025).

²⁵ ГСУ Китая. Устойчивый прогресс в экономических показателях в 2024 году, основные цели развития успешно достигнуты. URL: https://www.stats.gov.cn/xxgk/sjfb/zxfb2020/202501/t20250117_1958332.html (дата обращения: 19.08.2025).

²⁶ ГСУ Китая. Масштаб занятости значительно расширился, качество занятости неуклонно улучшалось. Отчет № 16 из серии отчетов о 75-летних достижениях экономического и социального развития нового Китая. URL: https://www.stats.gov.cn/zt_18555/ztfx/xzg75njshfzjcj/202409/t20240920_1956594.html (дата обращения: 19.08.2025).

крайне неоднородна. Все большее число таких работников занято в сфере услуг (около 53,8% в 2023 г.),²⁷ где предприятия зачастую не располагают сильной традицией профсоюзной поддержки или механизмами коллективного представительства. В наблюдаемом массиве данных ослабевает классовая консолидация и сокращаются возможности корпоративной солидарности работников сектора услуг по сравнению с индустриальными предприятиями, где формы объединений институционально закреплены.

Параллельно расширяется сегмент самозанятых и частных предпринимателей: по официальным данным учета к сентябрю 2024 г. — свыше 125 млн индивидуальных предпринимателей; частных предприятий — 55 млн (92,3% зарегистрированных)²⁸. Частный предпринимательский сектор, долгое время дополнявший госсектор, со временем стал одним из ключевых драйверов рыночного роста и преобразований. После 2012 г. регуляторные акты расширяли присутствие частных предпринимателей в политических институтах, усиливая их влияние и изменяя конфигурацию входных барьеров через регулятивные каналы доступа к ресурсам. На этом фоне усиливается межсекторальная мобильность: представители политической и культурной элиты через регулятивные каналы и конверсию социального и символического капитала переходят в частный предпринимательский сектор, повышая конкурентные требования и закрепляя предсказуемую селективность социальной мобильности. Во многом это связано с тем, что при общем росте социальной мобильности вертикальные траектории для большинства усложняются, а скачкообразные перераспределения ресурсов редки. Распространенные исследовательские интерпретации увязывают этот сдвиг с институциональной инкорпорацией расширяющегося слоя частных предпринимателей в формализованные социополитические институты, что снижает вероятность новых конфликтов и дестабилизации. Вместе с тем статистические ряды и эмпирические наблюдения фиксируют явную неоднородность этой группы и широкий спектр интересов и стратегий; следовательно, оценка её дальнейшей роли в социальной структуре остаётся условной и контекстно-зависимой.

²⁷ ГСУ Китая. Отчет о мониторинге труда мигрантов за 2023 год. URL: https://www.stats.gov.cn/xxgk/sjfb/zxfb2020/202404/t20240430_1948783.html (дата обращения: 19.08.2025).

²⁸ Агентство новостей Синьхуа. Число зарегистрированных частных предприятий по всей стране превышает 55 миллионов. URL: <http://www.xinhuanet.com/mrdx/20241109/b8baa43495b841be9e88e4eb04f52b04/c.html> (дата обращения: 19.08.2025).

Кроме того, модернизация в современном Китае приводит к многоуровневой реконфигурации стратификации, — элитный сегмент выходит на первый план: внутренняя дифференциация политических, экономических, культурных и технологических элитных кластеров направляет перераспределение ресурсов, формирует регулятивные каналы институциональной интеграции и влияет на публичную повестку. В результате именно композиция элит, а не только формальная регламентация, очерчивают контуры социальной стабильности и допустимые траектории развития в логике “базис — надстройка”.

Как уже было показано, при постановке научной проблемы, задавшей вектор настоящему исследованию, стратификационную структуру общества можно рассматривать в различных аспектах — социально-территориальном, социально-демографическом, социально-этническом, социально-конфессиональном, социально-политическом или профессиональном, выделяемой по объективным основаниям. Однако самым актуальным аспектом остается классово-стратификационный, в соответствии с которым наиболее часто предметом социологического анализа служит социально-классовая (классовая) структура. Социально-классовая структура — это “совокупность взаимосвязей и взаимодействий общественных классов, слоев и групп, отражающая их социальное неравенство”²⁹. Основными единицами при рассмотрении подобной структуры какого-либо общества, прежде всего, с социально-экономических позиций являются классы, а проблема “социальных классов имеет свою судьбу, тесно связанную с историей развития социального знания вообще”³⁰.

Однако для того, чтобы четко понимать, какая именно группа в социальной структуре общества является движущей силой (субъектом) модернизационных процессов в современном Китае, необходимо проанализировать структуру и мобильность, прежде всего, его элитных слоев. Это связано с тем, что очевидным пробелом всех западных концепций модернизации является акцент на стихийности и полной деперсонализации этого процесса.

Следует отметить, что начиная с 1978 г., многоступенчатые трансформации усложнили стратификационный ландшафт Китая и институционально оформили сравнительно узкие высокостатус-

²⁹ Социологический энциклопедический словарь / Ред.-коорд. Г.В. Осипов. М., 1998. С. 348.

³⁰ Солнцев С.Н. Общественные классы / Вступ. статья, сост. и коммент. В.С. Сычевой. М., 2008. С. 33.

ные, а точнее — элитные группы. Так, вопреки эгалитарным представлениям, был эмпирически зафиксирован элитный сегмент, воздействующий на социальную, экономическую и культурную сферы, когда структурно выделились три элитные подгруппы — политическая, экономическая, культурная, каждая — с особыми правилами отбора и продвижения. Их современные контуры расширяются за счет инноваций, межсекторальной мобильности и сетевых форм взаимодействия, опирающихся на регулятивные каналы селекции и ротации.

Так, новые форматы предпринимательства и расширение сектора услуг размывают институциональные границы и способствуют гибридизации статусных идентичностей. Эти тенденции коррелируют с закономерностями глобального развития, учитывая историческую специфику Китая. Рост технологического сектора усиливает взаимодействия элитных кластеров посредством регулятивных механизмов доступа к ресурсам и инкорпорации новых акторов, изменяя контуры социальной структуры.

С точки зрения социологии модернизационное развитие Китая эмпирически сопряжено с вертикальной мобильностью классов и горизонтальными траекториями элит. Ключевые политические институты выступают центром координации, регулируя общественно-политические процессы и регуляторные механизмы доступа к ресурсам, вследствие чего политические полномочия, как правило, институционально связаны с управлением государственными активами — устойчивой связкой политической власти и экономического влияния³¹. Параллельно общество функционирует как источник инкорпорации: неполитические элитные кластеры включаются по каналам горизонтальной мобильности со стороны политической элиты, однако дискуссионным остается вопрос о цене такой интеграции и ее идеологических границах.

Применительно к Китаю поздний старт индустриализации и модернизации, компенсированный руководством КПК, за несколько десятилетий обеспечил масштабные результаты в промышленной, урбанистической и информационной сферах. При этом “китайская модернизация” не сводится к копированию западной капиталистической модели, а выступает особым вариантом с собственным содержанием и спецификой. Эти специфические характеристики трактуются и как программные ориентации официального

³¹ Крылов В.В. Производство. Власть. Собственность. Фурсов о Крылове. М., 2024. С. 415.

дискурса и как гипотезы о механизмах, подлежащих эмпирической верификации, которые дополнительно сопоставляются с индикаторами стратификационных сдвигов, параметрами ротации и горизонтальной мобильности как народных масс, так и элитных групп.

Если говорить о китайской альтернативе тезиса о “вестернизации как единственно возможном пути прогресса” — социально-экономические преобразования трактуются не как копирование образцов, а как адаптация разнородных достижений к внутренним условиям. Исходное требование — учитывать специфику локального контекста и избегать механического переноса “универсальных” моделей. Отсюда вывод о возможности органичного совмещения национальных традиций и современных форм общественной организации без утраты отличительных признаков. Уточненная дефиниция позволяет аналитически разложить переход на этапы модернизации, релевантные динамике элит, и, таким образом, поставить вопрос об адаптации этих этапов к особенностям национальных институтов и практик селекции.

Итак, в заданной аналитической рамке, в логике соотношения базиса и надстройки, модернизация трактуется как непрерывное развитие социальной структуры и институциональных механизмов под воздействием экономического роста, технологических инноваций и глобализации. Соответственно в процессе модернизационного развития Китая, сопровождающегося ротацией старых и формированием новых элитных групп, выделяют три этапа.

Первый этап (1978–1992 гг.) — этап старта рыночных реформ.

Второй этап (1992–2012 гг.) — этап углубленной дифференциации элитных слоев.

Третий этап — с 2012 г. по настоящее время — этап институционализированной циркуляции элит, где формализованные процедуры кадровой ротации сочетаются с расширением инструментов управления, усилением межсекторальной мобильности, инкорпорацией акторов цифровой экономики и постоянной оценкой институциональной результативности.

Поворотным рубежом от второго к третьему этапу стал демонтаж традиционной “системы единиц”, охватывавшей до 2012 г. производственные и непроизводственные организации и выступавшей универсальным регулятором доступа к ресурсам и механизмам социальной поддержки. После 2012 г. ее элементы были инкорпорированы в обновленную административную сеть, где сложились “новые сообщества единиц”, функционирующие по рыночным принципам и отражающие развитие общественных отношений и расширение

межсекторальной мобильности. Таким образом, менялись входные барьеры и регулятивные каналы отбора и продвижения в элитные группы, что перенастраивало механизмы институционализированной циркуляции элит.

Известно, что любая модернизация требует обновления управленческих кадров, нормативное обоснование которого исторически укоренено в партийной традиции обновления. В данной связи эвристически показательно высказывание Мао Цзэдуна, использовавшего метафору организма и подчёркивавшего необходимость обновления: “...без устранения ненужного и принятия свежей крови партия теряет жизнеспособность”³².

В логике институционализированной циркуляции инкорпорация “новых элементов” поддерживает гибкость и эффективность управления. В свою очередь, пополнение элиты акторами с релевантными ресурсами и компетенциями, а также выведение утративших адаптивность, снижает ригидность и поддерживает институциональную результативность при необходимых трансформациях. Таким образом, кадровая ротация предупреждает застой и актуализирует инновационный потенциал общества. Следовательно, в ходе модернизации Китая особую актуальность приобретает управляемая кадровая ротация, минимизирующая риски концентрации властных ресурсов и предупреждающая институциональную инерцию верхних эшелонов власти. Соответственно, эмпирический анализ интеграции и дифференциации высокостатусных групп — с акцентом на механизмах институционализированной циркуляции элит — формирует основу для более прозрачной и динамичной системы селекции и ротации, способной адаптироваться к меняющимся запросам. Как подчеркивает Си Цзиньпин, “политическая система страны определяется ее экономическими и социальными основами, и в то же время она воздействует на экономические и социальные основы страны и даже играет решающую роль”³³.

Китайский опыт, основанный на эмпирических подтверждениях показывает, что становление элит системного масштаба опирается на интегративную конфигурацию административных, институциональных и общественных механизмов, обеспечивающих устойчивое воспроизводство и обновление элитных слоев, институциональную интеграцию и интеграцию интересов элиты и народных масс, а расширение внешних экономических и коммуни-

³² Женьминьжибао. 1968. 15 нояб.

³³ Си Цзиньпин. Избранные труды Си Цзиньпина. Пекин: Жэньминь чубаньшэ 2023. Т. 1. С. 265.

кативных связей диверсифицирует их социальную базу. При этом наличие ресурсных дефицитов и латентных структурных ограничений требует многоуровневых исследований, операционализирующих факторы, лимитирующие развитие и устойчивость элитных групп, являющихся основными субъектами — движущими силами модернизационных процессов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

CAICT. Белая книга о глобальной цифровой экономике (2022) // Национальный высококлассный профессиональный аналитический центр, платформа промышленных инноваций и развития. URL.: http://www.caict.ac.cn/kxyj/qwfb/bps/202212/t20221207_412453.htm (дата обращения: 05.08.2023).

CAICT. Отчет о развитии цифровой экономики Китая (2022) // Национальный высококлассный профессиональный аналитический центр, платформа промышленных инноваций и развития. URL.: http://www.caict.ac.cn/kxyj/qwfb/bps/202207/t20220708_405627.htm (дата обращения: 05.08.2023).

CAICT. Отчет о развитии цифровой экономики Китая (2023) // Национальный высококлассный профессиональный аналитический центр, платформа промышленных инноваций и развития. URL.: http://www.caict.ac.cn/kxyj/qwfb/bps/202304/t20230427_419051.htm (дата обращения: 15.08.2023).

ГСУ Китая. Ван Пинпин: Общее снижение численности населения сокращается, качество населения продолжает улучшаться. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/sjdd/202501/t20250117_1958337.html (дата обращения: 19.08.2025).

ГСУ Китая. Масштаб занятости значительно расширился, качество занятости неуклонно улучшалось. Отчет № 16 из серии отчетов о 75-летних достижениях экономического и социального развития нового Китая. URL: https://www.stats.gov.cn/zt_18555/ztfx/xzg75njshfzcyj/202409/t20240920_1956594.html (дата обращения: 19.08.2025).

ГСУ Китая. Объявление Национального бюро статистики об окончательной проверке ВВП (валового внутреннего продукта) в 2012 году. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/zxfb/202302/t20230203_1898423.html (дата обращения: 19.08.2025).

ГСУ Китая. Отчет о мониторинге труда мигрантов за 2023 год. URL: https://www.stats.gov.cn/xxgk/sjfb/zxfb2020/202404/t20240430_1948783.html (дата обращения: 19.08.2025).

ГСУ Китая. Предварительные результаты учета ВВП за четвертый квартал и полный 2024 год. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/zxfb/202501/t20250118_1958363.html (дата обращения: 19.08.2025).

ГСУ Китая. Трансформация страны с большим населением в страну с сильными человеческими ресурсами: результаты высококачественного развития населения. Отчет № 15 из серии отчетов о 75-летних достижениях экономического и социального развития в новом Китае. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/sjdd/202409/t20240920_1956588.html (дата обращения: 19.08.2025).

ГСУ Китая. Устойчивый прогресс в экономических показателях в 2024 году, основные цели развития успешно достигнуты. URL: https://www.stats.gov.cn/xxgk/sjfb/zxfb2020/202501/t20250117_1958332.html (дата обращения: 19.08.2025).

Агентство новостей Синьхуа. Число зарегистрированных частных предприятий по всей стране превышает 55 миллионов. URL: <http://www.xinhuanet.com/mrdx/20241109/b8baa43495b841be9e88e4eb04f52b04/c.html> (дата обращения: 19.08.2025).

Гидденс Э., Саттон Э. Основные понятия в социологии. М., 2018.

Женьминьжибао. 1968. 15 нояб.

Крылов В.В. Производство. Власть. Собственность. Фурсов О Крылове. М., 2024.

Ма Хуатэн и др. Цифровая трансформация Китая. Опыт преобразования инфраструктуры национальной экономики. М., 2019.

Пантин В.И. Волны и циклы социального развития: цивилизационная динамика и процессы модернизации. М., 2004.

Побережников И.В. Модернизация: теоретико-методологические подходы // Экономическая история. Обзорение / Под ред. Л.И. Бородкина. Вып. 8. М., 2002. С. 146–168.

Попов М.В., Мазур О.А. Материализм и теория формации // Теория и практика общественного развития. 2013. № 6.

Си Цзиньпин. Избранные труды Си Цзиньпина. Т. 1. Пекин, 2023.

Соколова Г.Н. Модернизация // Социология. Энциклопедия / Сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелкин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко. Минск, 2003. С. 583–584.

Солнцев С.Н. Общественные классы / Вступ. ст., сост. и коммент. В.С. Сычевой. М., 2008.

Соловьева В.Л. Теория модернизации в контексте развития общественной мысли в XX веке // Известия российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 3. С. 312–316.

Социологический энциклопедический словарь / Ред.-коорд. Г.В. Осипов. М., 1998.

Хабермас Ю. Модерн — незавершенный проект // Вопросы философии. 1992. № 4. С. 40–54.

REFERENCES

GSU Kitaya. Van Pinpin: Obshchee snizhenie chislennosti naseleniya sokrashchaetsya, kachestvo naseleniya prodolzhaet uluchshat'sya [National Statistical Office of China. Wang Pingping: The overall population decline is slowing, and the quality of the population continues to improve]. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/sjjd/202501/t20250117_1958337.html (data obrashcheniya: 19.08.2025) (in Russian).

GSU Kitaya. Masshtab zanyatosti znachitel'no rasshirilsya, kachestvo zanyatosti neuklonno uluchshalos'. Otchet N 16 iz serii otchetov o 75-letnih dostizheniyah ekonomicheskogo i social'nogo razvitiya novogo Kitaya [National Statistical Office of China. The scale of employment has expanded significantly, and the quality of employment has steadily improved. No. 16 of the Series of Reports on 75 Years of Economic and Social Development Achievements of New China]. URL: https://www.stats.gov.cn/zt_18555/ztfx/xzg75njshfzcj/202409/t20240920_1956594.html (data obrashcheniya: 19.08.2025) (in Russian).

GSU Kitaya. Ob'yavleniya Nacional'nogo byuro statistiki ob okonchatel'noj proverke VVP (valovogo vnutrennego produkta) v 2012 godu [National Bureau of Statistics of China. Announcement of the National Bureau of Statistics on the Final

Audit of the Gross Domestic Product (GDP) in 2012]. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/zxfb/202302/t20230203_1898423.html (data obrashcheniya: 19.08.2025) (in Russian).

GSU Kitaya. Otchet o monitoringe truda migrantov za 2023 god [National Bureau of Statistics of China. Migrant Labor Monitoring Report for 2023]. URL: https://www.stats.gov.cn/xxgk/sjfb/zxfb2020/202404/t20240430_1948783.html (data obrashcheniya: 19.08.2025) (in Russian).

GSU Kitaya. Predvaritel'nye rezul'taty ucheta VVP za chetvertyj kvartal i polnyj 2024 god [National Bureau of Statistics of China. Preliminary Results of the GDP Accounting for the Fourth Quarter and Full Year of 2024]. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/zxfb/202501/t20250118_1958363.html (data obrashcheniya: 19.08.2025) (in Russian).

GSU Kitaya. Transformaciya strany s bol'shim naseleniem v stranu s sil'nymi chelovecheskimi resursami: rezul'taty vysokokachestvennogo razvitiya nasele-niya. Otchet N 15 iz serii otchetov o 75-letnih dostizheniyah ekonomicheskogo i social'nogo razvitiya v novom Kitae [National Statistics Office of China. Transforming a Populous Country into a Human Resources-Rich Country: Achieving High-Quality People Development. No. 15th Report of the 75-Year Achievements of Economic and Social Development in the New China]. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/sjjd/202409/t20240920_1956588.html (data obrashcheniya: 19.08.2025) (in Russian).

GSU Kitaya. Ustojchivyy progress v ekonomicheskikh pokazatelyah v 2024 godu, osnovnye celi razvitiya uspešno dostignuty [National Statistics Office of China. Steady Progress in Economic Indicators in 2024, Major Development Goals Successfully Achieved]. URL: https://www.stats.gov.cn/xxgk/sjfb/zxfb2020/202501/t20250117_1958332.html (data obrashcheniya: 19.08.2025) (in Russian).

SAICT. Belaya kniga o global'noj cifrovoj ekonomike (2022) [CAICT. White Paper on the Global Digital Economy (2022)] // Nacional'nyj vysokoklassnyj professional'nyj analiticheskij centr, platforma promyshlennyyh innovacij i razvitiya. URL.: http://www.caict.ac.cn/kxyj/qwfb/bps/202212/t20221207_412453.htm (data obrashcheniya: 05.08.2023) (in Russian).

SAICT. Otchet o razvitii cifrovoj ekonomiki Kitaya (2022) [CAICT. China Digital Economy Development Report (2022)] // Nacional'nyj vysokoklassnyj professional'nyj analiticheskij centr, platforma promyshlennyyh innovacij i razvitiya. Rezhim dostupa: URL.: http://www.caict.ac.cn/kxyj/qwfb/bps/202207/t20220708_405627.htm, svobodnyj (data obrashcheniya: 05.08.2023) (in Russian).

SAICT. Otchet o razvitii cifrovoj ekonomiki Kitaya (2023) [CAICT. China's Digital Economy Development Report (2023)] // Nacional'nyj vysokoklassnyj professional'nyj analiticheskij centr, platforma promyshlennyyh innovacij i razvitiya. URL.: http://www.caict.ac.cn/kxyj/qwfb/bps/202304/t20230427_419051.htm (data obrashcheniya: 15.08.2023) (in Russian).

UNCTAD. Technology and Innovation Report 2021 []. URL: <https://unctad.org/webflyer/technology-and-innovation-report-2021> (data obrashcheniya: 10.05.2022).

Agentstvo novostej Sin'hua. Chislo zaregistrovannyh chastnyh predpriyatij po vsej strane prevyshaet 55 millionov [Xinhua News Agency. The number of registered private enterprises nationwide exceeds 55 million]. URL: <http://www.xinhuanet.com/mrdx/20241109/b8baa43495b841be9e88e4eb04f52b04/c.html> (data obrashcheniya: 19.08.2025) (in Russian).

Eisenstadt S.N. Multiple modernities // New Brunswick, Transaction. 2002. N 3. P. 1–30.

- Giddens E., Satton E. Osnovnye ponyatiya v sociologii [Basic Concepts in Sociology]. M., 2018 (in Russian).
- Habermas Yu. Modern — nezavershennyj proekt [Modernity: An Unfinished Project] // Voprosy filosofii. 1992. N 4. S. 40–54 (in Russian).
- Krylov V.V. Proizvodstvo. Vlast'. Sobstvennost'. Fursov o Krylove [Production. Power. Ownership. Fursov on Krylov]. M., 2024 (in Russian).
- Longmei Zhang, Sally Chen. China's digital economy: Opportunities and risks [] // International Monetary Fund. 2019. N 3. P. 4–6.
- Ma Huaten i dr. Cifrovaya transformaciya Kitaya. Opyt preobrazovaniya infrastruktury nacional'noj ekonomiki [China's Digital Transformation. The Experience of Transforming the National Economy Infrastructure]. M., 2019 (in Russian).
- Pantin V.I. Volny i cikly social'nogo razvitiya: Civilizacionnaya dinamika i processy modernizacii [Waves and Cycles of Social Development: Civilizational Dynamics and Modernization Processes]. M., 2004 (in Russian).
- Poberezhnikov I.V. Modernizaciya: teoretiko-metodologicheskie podhody // Ekonomicheskaya istoriya. Obozrenie [Modernization: Theoretical and Methodological Approaches] / Pod red. L.I. Borodkina. Vyp. 8. M., 2002. S. 146–168 (in Russian).
- Popov M.V., Mazur O.A. Materializm i teoriya formacii [Materialism and the Theory of Formation] // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2013. N 6 (in Russian).
- Si Czin'pin. Izbrannye trudy Si Czin'pina [Selected Works of Xi Jinping]. Pekin, 2023. T. 1 (in Russian).
- Sociologicheskij enciklopedicheskij slovar' [Sociological Encyclopedic Dictionary] / Red.-koord. G.V. Osipov. M., 1998 (in Russian).
- Sokolova G.N. Modernizaciya [Modernization] // Sociologiya. Enciklopediya / Sost. A.A. Gricanov, V.L. Abushenko, G.M. Evelkin, G.N. Sokolova, O.V. Tereshchenko. Minsk, 2003. S. 58–584 (in Russian).
- Solncev S.N. Obshchestvennye klassy [Social Classes] / Vstup. Stat'ya, sost. i kommentarii V.S. Sychevoj. M., 2008 (in Russian).
- Solov'eva V.L. Teoriya modernizacii v kontekste razvitiya obshchestvennoj mysli v HKH veke [Modernization Theory in the Context of the Development of Social Thought in the Twentieth Century] // Izvestiya rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A I. Gercena. 2009. N 3. S. 312–316 (in Russian).
- Wagner P. Modernity: understanding. Cambridge, 2012.
- Zhen'min'zhibao. 1968. 15 noyab. (in Russian).

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Общие требования к рукописям, предлагаемым для опубликования в журнале “Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология”

Материалы, представленные на рассмотрение для публикации в журнале, обязательно должны соответствовать тематике журнала (основные тенденции современного социального развития и изменения, методологические и теоретические проблемы современной социологии и политологии, конкретные области социологического и политологического анализа, исследования проблем и специфики современного общества и институционального порядка, политических процессов, вопросы социальной и государственной политики, социального и организационного менеджмента).

Все материалы должны представлять собой самостоятельное научное исследование (то есть должны содержать вклад автора в постановку и разработку выбранной для научного исследования проблемы). В целях обеспечения качества публикуемых материалов и соблюдения авторских прав все поступающие статьи проходят проверку через систему “Антиплагиат”.

Материалы должны быть актуальными (содержать элементы научной и информационной новизны).

Рукопись обязательно должна соответствовать принятым в журнале техническим требованиям к оформлению. В случае соответствия требованиям предлагаемая статья может быть рассмотрена в редакции и отправлена на рецензирование (экспертную оценку), а при необходимости может быть обсуждена на редколлегии. В последующем будет принято решение о возможности/невозможности публикации рукописи с учетом публикационных планов журнала.

Редакция оставляет за собой право сокращать объем статей и редактировать их в соответствии с требованиями научного журнала. По вопросам, связанным с публикацией представленных в редколлегию материалов, необходимо обращаться по электронной почте vestnik@socio.msu.ru, ilinih@socio.msu.ru, а также по телефону ответственного секретаря журнала Ильиных Ольги Владимировны +7 (903) 268-89-69.

Желающие опубликовать статью в журнале “Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология”, могут присылать материалы

- в № 1 (январь–март) — до 20 августа,
- в № 2 (апрель–июнь) — до 20 ноября,
- в № 3 (июль–сентябрь) — до 20 февраля,
- в № 4 (октябрь–декабрь) — до 20 мая

каждого года.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Рукописи не возвращаются. Гонорар авторам за публикацию рукописей не выплачивается.

Плата с авторов (в том числе с аспирантов) за публикацию рукописей не взимается.

**Рукописи, подаваемые в журнал,
должны соответствовать следующим требованиям**

Материалы предоставляются в редакцию в электронном виде (в том числе рисунки (диаграммы, графики, схемы и т.п.)).

Все предоставляемые в редколлегию материалы должны содержать:

- 1) название статьи на русском и английском языках;
- 2) сведения обо всех авторах на русском и английском языках: фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, полное название научного или учебного учреждения и его структурного подразделения, контактный телефон и адрес электронной почты автора, город, страна, индекс. Авторская транслитерация ФИО должна учитывать то обстоятельство, что ее изменение, возможно, затруднит поиск прежних публикаций автора, которые перестанут учитываться в перечне его работ (то есть необходимо транслитерировать ФИО так, как в загранпаспорте или в предыдущих работах, т.е. унифицировать).
- 3) аннотации на русском и английском языках (не менее 200–250 слов каждая);
- 4) ключевые слова (6–8 слов/словосочетаний) на русском и английском языках;
- 5) основной текст. К рассмотрению принимаются материалы и статьи преподавателей и научных сотрудников объемом от 1 авторского листа (40 тыс. знаков) до 1,3 авторского листа (приблизительно 53 тыс. знаков). Объем аспирантских статей от 0,5 авторского листа (20 тыс. знаков) до 1 авторского листа (40 тыс. знаков). (Указано общее число знаков вместе с пробелами, знаками рисунков, оформительскими страницами);
- 6) список литературы в конце статьи (число русскоязычных работ + число работ на иностранных языках = 20–30). Отсутствие пристатейного списка литературы может стать причиной отказа в рассмотрении статьи.

Список литературы помещается после основного текста статьи, и оформляется следующим образом:

- а) список литературы на русском языке (по алфавиту (кириллическому) без нумерации). Этот список имеет подзаголовок “Список литературы”;
- б) второй список имеет подзаголовок “References”. Этот список в свою очередь включает в себя транслитерацию (по системе BSI. При создании транслитерации возможно использование программы транслитерации текста, к примеру, translit.net) и перевод на английский вышеприведенного списка литературы на русском языке, а также список литературы на иностранных языках (транслитерация русскоязычных работ + список работ на иностранных языках, все общим списком по алфавиту (латинскому)).

Более подробно требования к оформлению статей представлены на сайте журнала <http://vestnik.socio.msu.ru/jour> Там же можно посмотреть образцы оформления ссылок, списков литературы и т.п.

Кроме того, на сайте есть электронная форма, с помощью которой необходимо подать статью в редколлегию.

*С уважением,
редколлегия журнала “Вестник Московского университета.
Серия 18. Социология и политология”*